

Джин
ВУЛФ

Пятая голова

Цербера

«История»

за авторством

Джона В. Марша

B.P.T.

УРАНИЯ

Львів-Харків

2017

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Джин ВУЛФ

*Пятая голова
Цербера*

УРАНИЯ
Львів-Харків
2017

Перевод с английского *A. Никулина*

На обложке иллюстрация *Ричада Бобера*
Внутренние иллюстрации *Александры Сокольских*

Верстка *Sans Nom*

Вулф Д.

Пятая голова Цербера — Львів-Харків: Урания, 2017. — 364 с. —
(Шедевры фантастики)

Планеты Сент-Круа и Сент-Анн уже давно колонизированы людьми. Но учёные продолжают обсуждать «гипотезу Вейла»: а что, если аборигены, которые, как известно, обладали способностью к перевоплощению, убили колонистов и заняли их места — да так, что сами об этом забыли?

В романе «Пятая голова Цербера» всё и все — не то, чем кажутся. И ни одному из персонажей не ведома вся истина.

**НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СУВЕНИР
НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ПРОДАЖИ**

ОТ АВТОРА

Это поворотная история, которая изменила всю мою жизнь. И по-настоящему странно то, что я понял это еще до того, как это произошло. В то время я писал в основном для серии антологий «*Orbit*» Деймона Найта; продал Деймону несколько рассказов, приглашался и ездил (дважды, кажется) на его Милфордскую конференцию писателей-фантастов.

Он купил эту историю и пришел от нее в полный восторг. И когда я сказал, что хочу представить ее на следующем собрании литературной мастерской в Милфорде, Деймон вполне резонно возразил, что она не нуждается в исправлениях. Однако я ответил, что хочу услышать, что о ней скажут другие, и в конце концов сумел его уговорить.

Время пришло. Мы только что купили новую машину, — маленькую и дешевую, но совершенно новую. Я возвращался на Милфордскую конференцию (которую любил) с историей, в которую верил. В десяти или двадцати милях от Милфорда, Пенсильвания, я выехал на вершину холма и увидел на дороге желтые точки. Это были щеглы, и, когда моя новенькая машина приблизилась к ним, они взлетели

золотым ливнем, льющимся с земли. У меня нет слов, чтобы описать насколько счастлив я был в тот момент, когда почувствовал, что впереди меня ждет совершенно новая жизнь.

Так и было. Она ждала.

Джин Вулф

ПЯТАЯ ГОЛОВА
ЦЕРБЕРА

*Когда побеги снег накрыл,
и филины кричат,
И в мерзлой чаще воет волк,
и жрет своих волчат.*
Сэмюэл Тейлор Колридж.
«Сказание о Старом Мореходе»

Нравилось нам это или нет, но в детстве нас с Дэвидом отправляли спать рано. Летом, к примеру, нам часто приходилось укладываться еще до захода солнца, а поскольку наша спальня находилась в восточном крыле дома и широкое окно, что выходило во внутренний дворик, было обращено к западу, яркий розоватый свет часами струился по комнате, пока мы с братом, развалившись на кроватях, наблюдали за искалеченной обезьянкой отца, слонявшейся по облезлому парапету, или же одна за другой делились историями на бесшумном языке жестов.

Спальня наша располагалась на последнем этаже, а окно было оборудовано витыми коваными ставнями, открывать которые нам строго-настрого запрещалось. Вероятно, причиной тому были опасения, что если ставни вдруг окажутся открытыми, то однажды дождливым утром (когда только и можно рассчитывать, что на крыше, обустроенной под своего рода сад наслаждений, никого не окажется) грабитель спустится вниз по веревке и проберется в нашу комнату.

Конечно же, этот предполагаемый и необычайно смелый преступник вряд ли стал бы вламываться в дом, чтобы просто похитить нас. Дети, будь то мальчики или девочки, ценились в Порт-Мимизоне крайне невысоко. Об этом я знал от своего отца, который некогда и сам промышлял подобной торговлей, но затем бросил это бесприбыльное дело. Правда или нет, но каждый (или почти каждый) знал какого-нибудь специалиста, который по разумной и невысокой цене мог достать все, что душе заблагорассудится. По большей части таких людей интересовали дети бедняков и отпрыски беспечных родителей. Всего за несколько часов они могли доставить клиенту и темнокожую рыжеволосую девочку, и толстушку, и шепелявую, и светловолосого мальчугана вроде Дэвида, и темноволосого кареглазого мальчика вроде меня.

Сомневаюсь также, что тот воображаемый смельчак стал бы удерживать нас ради выкупа, несмотря даже на то, что в определенных кругах наш отец прослыл исключительным богачом. Тому было несколько причин, одна из которых заключалась в том, что лишь немногие знали о нашем с Дэвидом существовании, но и те искренне полагали, что отцу мы безразличны. Не могу судить с уверенностью, но одно знаю точно — отец ни разу не дал мне повода усомниться в своем равнодушии, хотя, конечно же, в те времена мысль о его убийстве меня еще не посещала.

А если эти доводы кажутся вам недостаточно убедительными, то могу лишь добавить: любой человек, знакомый с преступным миром, должен понимать, что для преступника, и без того вынужденного откупаться огромными взятками от тайной полиции, выманить деньги подобным путем — означало бы подвергнуть себя еще тысячам опу-

стошительных атак. Пожалуй, это (вдобавок к страху, в котором тот наверняка жил) и стало основной причиной того, что нас с братом так никогда и не похитили.

Жесткие железные ставни нашей старой спальни (в которой я и пишу сейчас эти строки) выкованы в форме асимметричных ивовых ветвей. В детстве они зарастили лианами серебристого кампсиса (давно выкорчеванного), которые взбирались по стене из внутреннего двора. Я всегда мечтал, как однажды они окутают окно полностью и скроют нас от солнечного света, мешавшего спать. К сожалению, этому так и не суждено было случиться, потому что Дэвид, чья кровать стояла под самым окном, любил обрывать лианы и свистеть через их полые стебли, сооружая из четырех-пяти штук некое подобие свирели. Свист, конечно же, становился тем громче, чем больше Дэвид набирался смелости, и спустя время неизбежно привлекал внимание нашего наставника, мистера Миллиона. Мистер Миллион проникал в комнату абсолютно бесшумно, катясь на широких колесах по неровному полу, но к тому моменту Дэвид уже успевал притвориться спящим. Свирели он прятал под подушку, в простынях, а иногда и под матрасом, но мистер Миллион всегда их находил.

До вчерашнего дня я никак не мог вспомнить, что же он делал с этими крохотными музыкальными инструментами после того, как отбирал их у Дэвида. В тюрьме, заточённый среди штормов и снегопадов, я часто занимал себя тем, что пытался восстановить в памяти эту деталь. Выбросить свирельки через окно во внутренний двор или сломать их было бы совершенно не в духе мистера Миллиона. Он никогда ничего не ломал нарочно и никогда

ничего не портил. Я легко могу представить, как с едва заметным сожалением на лице (парящем на его головном экране и так похожем на лицо моего отца) он вытаскивает крошечные трубочки из укромного места и, развернувшись, выкатывается из комнаты. Но что же он делал с ними потом?

Вчера, как я и сказал (а слова — именно та вещь, которая вселяет в меня уверенность), я наконец-то вспомнил. Мистер Миллион беседовал со мной здесь, пока я работал, а когда позже он покидал меня, я проследил за его плавным движением сквозь дверной проем, и мне показалось, что нечто, некая характерная деталь, к которой я привык с самых ранних лет, исчезла. Я закрыл глаза и, отбросив весь скептицизм и любые попытки догадаться, что же именно я «должен» увидеть, постарался все-таки вспомнить — и обнаружил, что исчезнувшей деталью была легкая вспышка, мимолетный металлический проблеск над головой мистера Миллиона.

Осознав это, я понял, отчего возникал этот блеск: от резкого взмаха руки, как если бы мистер Миллион салютовал мне, покидая комнату. Около часа я безуспешно искал объяснение этому жесту, но, в конце концов, был вынужден признать, что оно полностью уничтожено временем. Затем я попробовал вспомнить, не было ли в недалеком прошлом в коридоре за нашей спальней каких-нибудь вещей, исчезнувших к настоящему времени: занавесей, жалюзи, а может бытового прибора, который нужно было включать — чего угодно, способного объяснить этот жест. Но там ничего не было.

Тогда я вышел в коридор и тщательно осмотрел пол на предмет следов мебели, отодвинул старые обшарпанные

гobelены и поискал крючки или вбитые в стену гвозди, а затем, изогнув шею, оглядел потолок. Спустя час я обратил внимание на саму дверь и заметил то, чего не увидел за все тысячи раз, что проходил мимо нее: как и остальные двери в этом старом доме, эту обрамляла массивная деревянная рама, верхняя часть которой выступала от стены достаточно, чтобы образовать узкую полку.

Я вытолкнул в коридор свое кресло и взобрался на него. Полка оказалась покрыта толстым слоем пыли, в которой обнаружились сорок семь свирелей моего брата и чудное скопление других мелочей. Многие из них я вспомнил, но некоторым так и не удалось вызвать никакого отклика в глубинах моего сознания...

Маленькое голубое яйцо в коричневую крапинку. Полагаю, птица свила гнездо среди лиан за нашим окном, а я или Дэвид разорили его лишь для того, чтобы снова быть ограбленными мистером Миллионом. Однако, ничего такого я не припоминаю.

Вот головоломка (сломанная), изготовленная из покрытых бронзой внутренностей различных мелких животных. А вот и навевающий дивные воспоминания причудливо украшенный ключ, один из тех, что продавались ежегодно и целый год давали право своему владельцу беспрепятственно посещать некоторые залы городской библиотеки даже в неурочное время. Должно быть, мистер Миллион заметил, что по истечении срока действия ключа мы стали баловаться с ним, как с игрушкой, и отобрал его. Зато какие чудные воспоминания!

У отца имелась собственная библиотека, и сейчас она находится в моем полном распоряжении, однако в детстве нам категорически запрещалось туда входить. Не помню,

как мал я был тогда, но помню, как стоял перед огромной резной дверью. Помню, как она распахнулась, и я увидел искалеченную обезьянку на отцовском плече, прижимавшуюся к его ястребиному лицу. Помню черный шарф, ярко-красный домашний халат и множество, множество полок, уставленных потрепанными книгами, а также кучи записных книжек за спиной отца и тошнотворно-сладковатый запах формальдегида, исходящий из лаборатории, вход в которую прятался за раздвижным зеркалом.

Я не помню, ни что он тогда говорил, ни кто постучал в дверь (я или кто-то другой), помню лишь, что после того, как она закрылась, прекрасная дама в розовом склонилась ко мне и заверила, что отец собственноручно написал все книги, которые я только что видел, и я нисколько не засомневался в ее словах.

* * *

Как я и сказал, нам с Дэвидом строго запрещалось входить в библиотеку, но, когда мы немного подросли, мистер Миллион стал дважды в неделю устраивать для нас вылазки в городскую библиотеку. То были одни из немногих случаев, когда нам разрешалось покидать дом, а так как нашему наставнику не улыбалось постоянно втихомодно скивать свои металлические суставы в наемный портшез, да и ни одно кресло все равно не выдержало бы его веса и не смогло бы вместить его тушу, наши набеги проводились исключительно на своих двоих.

Долгое время окрестности нашего маршрута в библиотеку оставались единственной частью города, которую я знал. Три квартала вниз по улице Сальтамбонк, на которой

находился наш дом, затем направо по Рю д'Астико прямо к невольничьему рынку, за которым еще через один квартал и находилась библиотека. Ребенок, не способный отличить необыкновенное от обыденного, чаще всего загорается любопытством где-то между этими двумя крайностями, находя интерес в вещах, которые взрослые сочли бы недостойными внимания, и при этом совершенно спокойно воспринимая самые невероятные происшествия. Мы с братом были очарованы поддельным антиквариатом и нечестными сделками на Рю д'Астико, но часто скучали, когда мистер Миллион на целый час задерживался с нами на невольничьем рынке.

Рынок был небольшим, поскольку Порт-Мимизон не являлся центром торговли, а аукционисты зачастую состояли в дружественных отношениях с продвигаемым товаром — некоторые были даже неплохо знакомы друг с другом, потому как иногда неудовлетворенные покупкой хозяева возвращали рабов для перепродажи. Мистер Миллион никогда не делал ставок, а просто неподвижно наблюдал за торговыми рядами, пока мы топтались около него и хрустели поджаренным хлебом, купленным для нас в лавке неподалеку. Были там и носильщики портшезов с мускулистыми ногами, и банщики с глуповатыми улыбками, и закованные в цепи гладиаторы с глазами, одурманенными от наркотиков и пылающими безумной яростью, а также повара, домашняя прислуга и многие другие, но мы с Дэвидом не испытывали к зреющим никакого интереса и умоляли, чтобы нам разрешили самим продолжить путь в библиотеку.

Библиотека располагалась в расточительно громадном здании, которое во франкоязычные времена занимали

различные правительственные службы. Парк, прежде окружавший ее, погиб из-за продажности мелких чиновников, и теперь она возвышалась над нагромождением магазинов и доходных домов. К центральному входу вела узкая оживленная улица, и, как только мы оказывались внутри, убожество окрестностей исчезало, сменяясь неким подобием обветшалого великолепия. Регистратура находилась прямо под куполом, а к самому куполу, на высоту ста пятидесяти метров, вел спиралевидный балкон, вдоль стен уставленный стройными рядами основного собрания библиотеки. Любой, даже самый малый каменный осколок, упав с такой высоты, мог бы с легкостью прикончить неудачливого библиотекаря прямо на месте.

Пока мистер Миллион величественно прокладывал свой путь вверх по спирали, мы с Дэвидом, обогнав его, мчались сломя голову, пока не оказывались на несколько витков впереди, и тогда уже позволяли себе делать все, что нам вздумается. Когда я был маленьким, в голову мне часто приходила мысль о том, что раз уж отец (если верить утверждению дамы в розовом) написал целую комнату книг, некоторые из них вполне могли бы оказаться здесь, и я бросался на их поиски, решительно взбираясь под самый купол. А так как библиотекари не особо обременяли себя тем, чтобы вовремя расставить возвращенные книги по местам, всегда оставалась возможность найти те, что я мог упустить раньше. Полки возвышались высоко над моей головой, и, убедившись в том, что за мной никто не следит, я взбирался по ним, как по лестницам, а если на полке не находилось свободного места для носков моих маленьких коричневых ботинок, я ступал прямо по книгам. Иногда я случайно сталкивал их на пол, где они оставались лежать

вплоть до нашего следующего визита и даже дольше, что прямо указывало на нежелание персонала подниматься по этому длинному закрученному склону.

Верхние полки пребывали в куда большем беспорядке, чем те, что располагались ниже и удобнее. И когда в один прекрасный день я забрался на самую вершину, то обнаружил там, среди пыли (рядом с поставленной не на свое место научной работой по космонавтике «*Звездолет длиною в милю*» за авторством какой-то немки), лишь забытый томик «*Понедельника ли, вторника*», прислонившийся к книге об убийстве Троцкого, и рассыпающийся сборник рассказов Вернора Винджа, вероятно обязанный своим присутствием здесь какому-то давно умершему библиотекарю, который по ошибке прочитал потускневшую надпись «*V. Vinge*» на корешке, как «*Winge*».

Мне так и не удалось отыскать ни одной отцовской книги, но я ни разу не сожалел о своих долгих восхождениях к куполу. Время от времени мы с Дэвидом взбирались туда вместе и носились вверх-вниз по покатому полу или, перегнувшись через перила, наблюдали за неспешным подъемом мистера Миллиона и представляли, как покончим с ним одним броском какого-нибудь увесистого тома. Если же Дэвид предпочитал заняться чем-то своим и оставался внизу, я поднимался на самый верх, туда, где свод купола изгибался прямо над головой, и забирался на покрытый ржавчиной мостик не намного шире (и подозреваю, что не намного крепче) тех полок, по которым я привык карабкаться. С мостика я мог дотянуться до каждого небольшого отверстия, прорезанного в окружности бетонного купола, и когда, отодвинув ржавые защитные пластины, я просовывал в них голову,

мне казалось, будто я по-настоящему там, снаружи, где дует ветер, кружат птицы и плавно изгибается заляпанная птичьим пометом поверхность купола.

Обратившись на запад, я легко мог разглядеть наш дом — он высился над остальными домами в округе и выделялся растущими на крыше апельсиновыми деревьями, так что отыскать его не составляло большого труда. На юге виднелись мачты стоящих в гавани кораблей, а в ясную погоду (и в определенное время дня) можно было разглядеть пенистые гребешки стремительных приливных волн, которые Сент-Анн протаскивала между полуостровами, имеющими Указательным и Большим Пальцами. (Я прекрасно помню, как однажды увидел с южной стороны огромный гейзер освещенной солнечными лучами воды, знаменующий приводнение космического корабля.) К востоку и северу же простирался сам город, с цитаделью и центральным рынком, а за ним вдали виднелись леса и горные хребты.

Но рано или поздно, независимо от того, сопровождал меня Дэвид или предпочитал остаться наедине, мистер Миллион подзывал нас к себе, после чего мы нехотя следовали за ним в один из отделов библиотеки, чтобы просмотреть то или иное собрание научных работ. Другими словами, книги для учебы. Отец настаивал, чтобы особое внимание мы уделяли биологии, анатомии, химии, и мистер Миллион, как наш наставник, не давал нам спуску — он считал, что предмет усвоен лишь тогда, когда мы сможем вести дискуссии на любую из тем каждого отобранного учебника. Я отдавал предпочтение естественным наукам, а Дэвиду больше нравились языки, литература и правоведение. Помимо прочего мы понемногу нахватались знаний из области антропологии, кибернетики и психологии.

Когда же мы определялись с книгами для нескольких следующих дней обучения, мистер Миллион настаивал, чтобы мы выбрали также что-нибудь для себя, а затем мы вместе отправлялись в тихий уголок одного из читальных залов, где мистер Миллион мог свободно разместить свой металлический корпус или по крайней мере прислониться к стене или полке так, чтобы не загораживать проход. После того как все устраивались, мистер Миллион начинал урок с переклички, и всегда мое имя звучало первым. И вот, в очередной раз, чтобы показать, что я весь во внимании, я отвечаю:

— Здесь.

— Дэвид?

— Здесь, — на коленях Дэвид прячет адаптированное издание «*Одиссеи*» с картинками, но, поднимая взгляд на мистера Миллиона, он всем своим видом изображает живой интерес. Солнечный свет пронизывает помещение и под углом падает на стол, подсвечивая кружящиеся частички пыли в теплом воздухе.

— Интересно, кто-нибудь из вас обратил внимание на каменные орудия в зале, мимо которого мы прошли несколько минут назад?

Мы киваем, каждый с надеждой, что отвечать придется не ему.

— Кто знает, где они были изготовлены? На Земле или здесь, на нашей планете?

Вопрос с подвохом, но, в общем-то, легкий.

— Ни то, ни другое. Они же пластиковые, — отвечает Дэвид, и мы хихикаем.

— Верно, это всего лишь пластиковые репродукции, — терпеливо отвечает мистер Миллион, — но откуда взялись

настоящие? — его лицо очень напоминает лицо отца, но в тот момент я невольно забываю об этом. В нем не отражаются ни заинтересованность, ни злоба, ни скука, но лишь отрешенность и хладнокровное спокойствие. Пугающее, неестественное выражение, какое сложно представить на лице живого человека.

— С Сент-Анн, — отвечает Дэвид. Планета Сент-Анн, сестра нашей собственной планеты, и обе они врашаются вокруг общего центра масс, пока мы кружим вокруг солнца. — Так указано на табличке. А еще там сказано, что орудия смастерили аборигены, но, насколько я знаю, на нашей планете аборигенов никогда не было.

Мистер Миллион кивает и поворачивает свое неосязаемое лицо ко мне:

— Вам не кажется, что эти орудия играли важную роль в жизни своих создателей? Отвечай «нет».

— Нет.

— Почему нет?

Я отчаянно пытаюсь вспомнить, но Дэвид мешает мне, пиняя по лодыжкам под столом.

— Ну же, отвечай как на духу.

И тут меня осеняет.

— Это же очевидно, разве нет? — (Отличная фраза, с которой можно начать, даже если вы совершенно не уверены в своих словах.) — Во-первых, эти орудия труда вряд ли были достаточно эффективны, так с чего бы аборигенам на них полагаться? Можно предположить, что наконечники для стрел из вулканического стекла и рыболовные крючки из костей были необходимы им для добывания пищи, но это не так. Для этого аборигены могли бы отравлять воду соком определенных растений,

а для первобытных людей лучшим способом ловить рыбу были бы запруды и сети из сыромятной кожи или растительного волокна. Точно так же ловушки и травля животных с помощью огня куда эффективнее обычной охоты. И уж точно каменные орудия не потребовались бы для сбора ягод, ростков съедобных растений и прочего, что, вероятнее всего, и было основой их пропитания — те каменные штуковины лежат здесь под стеклом только потому, что ловушки и сети давным-давно сгнили. Орудия — это все, что осталось, поэтому люди, изучающие их, склонны преувеличивать их значимость.

— Отлично. Дэвид, твоя очередь. Прошу, будь оригинальным, не повторяй того, что сейчас услышал.

Дэвид отрывается взглядом от книги и надменно взирает на нас голубыми глазами.

— Если бы мы могли их спросить, то они бы ответили, что по-настоящему важны для них были их колдовство, религия, фольклор и обычаи их народа. Они приносили в жертву животных, перерезая им глотки острыми, как бритва, краями морских ракушек, и не позволяли мужчинам иметь детей до тех пор, пока те не пройдут испытания огнем, калечащего их на всю жизнь. Они общались с деревьями и топили детей, чтобы почтить свои реки. Вот, что было для них действительно важно.

Лишенное шеи лицо мистера Миллиона кивает снова.

— А теперь давайте поговорим о происхождении этих аборигенов. Люди они, или нет? Дэвид, ты начнешь первым. Отрицай.

Я пытаюсь пнуть его, но он жульничает и прячет свои сильные веснушчатые ноги за ножками стула.

— Людьми они быть никак не могут, — отвечает Дэвид

своим самым высокомерным тоном. — Из истории человеческой мысли нам всем известно, что люди произошли от того, кого мы для удобства привыкли называть *Адамом*. Это неоспоримый факт, а если вы его не признаете, значит, вы полные кретины.

Я жду, что Дэвид продолжит, но он закончил мысль, и, чтобы выгадать себе немного времени, я восклицаю:

— Мистер Миллион, не позволяйте ему обзывааться во время урока, это недопустимо! Нечего превращать дискуссию в *балаган*!

— Дэвид, не переходи на личности, — упрекает его мистер Миллион, но Дэвид уже окунулся обратно в книгу и разглядывает иллюстрации к схватке Одиссея с циклопом Полифемом, явно надеясь, что я закачу длительную тираду. Я чувствую вызов и решаю дать отпор.

— Доказательство, на котором строится убеждение Дэвида о человеческих корнях, — начинаю я, — как необоснованно, так и неубедительно. А неубедительно оно потому, что, вполне вероятно, аборигены с Сент-Анн являлись потомками какой-то более ранней человеческой экспансии — той, что возможно предшествовала даже *гомеровским грекам*.

— На твоем месте я бы придерживался более правдоподобных версий, — мягко говорит мистер Миллион, но я не обращаю внимания и продолжаю развивать свою мысль, упоминая об этрусках, атлантах, а также об упорстве и склонности к покорению новых территорий, присущих гипотетической высокотехнологичной цивилизации, населявшей Гондвану. Когда я, наконец, замолкаю, мистер Миллион говорит:

— А теперь наоборот. Дэвид, утверждай и не повторяйся.

Мой брат, естественно, увлечен книгой и не слушает, поэтому я с азартом пинаю его по ногам, надеясь сбить с толку, но он отвечает:

— Аборигены — люди, потому что все они мертвые.

— Поясни.

— Будь они до сих пор живы, нам было бы опасно называть их людьми, потому что тогда пришлось бы относиться к ним, как к равным. Но считать людьми мертвых куда проще и интереснее, поэтому колонисты их истребили.

И далее, в том же духе. Солнечный луч прошествует по красной столешнице с черными прожилками, как проделывал это уже сотни раз. После урока мы выйдем через одну из боковых дверей и пройдем по заброшенному переулку между корпусов библиотеки. Переулок, как всегда, завален кучей пустых бутылок и разбросанных ветром бумаг, среди которых мы однажды обнаружили тело мертвеца в ярких лохмотьях, лежащее поперек дороги, и мы с Дэвидом перепрыгнули через его безжизненные ноги, а мистер Миллион молча объехал их вокруг. К тому моменту, как мы покинем переулок и окажемся на узкой улочке, из цитадели раздадутся далекие отзвуки горна, призывающего солдат городского гарнизона к вечерней молитве. Фонарщик на Рю д'Астико возьмется за работу, а торговцы запрут свои лавки тяжелыми железными решетками. Тротуары как по волшебству избавятся от старой мебели и станут непривычно широкими и пустынными.

Наша собственная улица, Сальтамбонк, тоже изменится с появлением первых гуляк. Явятся крепкие седовласые мужчины в компании юношей и мальчиков. Эти юноши и мальчики красивы, мускулисты, но слегка перекорм-

лены. Молодые люди будут отпускать робкие шуточки и улыбаться мужчинам безупречными белыми зубами. Такие всегда были ранними гостями на нашей улице, и когда я немного повзрослел, то иногда спрашивал себя: они приходят так рано потому, что седовласые хотят успеть поразвлечься, а после еще и хорошенько высаться, или же просто боятся, что юноши, которых они приводят в заведение моего отца, к полуночи станут сонными и раздражительными, словно дети, которых не уложили спать вовремя?

Мистер Миллион не разрешал нам гулять по аллеям после наступления темноты, поэтому мы сразу заходили внутрь через парадный вход вместе с седовласыми, их племянниками и сыновьями. Во внутреннем дворике находился сад, не намного больше маленькой комнатки, который примыкал к лишенному окон фасаду дома. В нем умещались клумбы папоротника размером с гроб, маленький фонтан, чья вода с несмолкаемым звоном падала на стеклянные стержни, которые днем приходилось оберегать от уличных мальчишек, и, наконец, крепко стоящая железная статуя трехглавого пса, с лапами, почти полностью погребенными под слоем мха.

Полагаю, именно этой статуе наш дом и обязан своим именем — *Maison du Chien*, хотя не исключено, что наша фамилия тоже сыграла в этом не последнюю роль. Головы пса были гладкими и мощными, с заостренными мордами и ушами: первая рычала; та, что в центре, взирала на раскинувшийся сад и улицу со снисходительным интересом; третья же была обращена к кирпичной дорожке, что вела ко входу, а на морде ее отражалось не что иное, как откровенная ухмылка. Постоянные клиенты отца завели

привычку каждый раз, проходя мимо, поглаживать третью голову между ушей. Их пальцы отполировали ее макушку до подобия черного стекла.

* * *

Вот такой и была моя жизнь первые семь с половиной лет, долгих лет нашего мира. Большинство дней я проводил в небольшой классной комнате, где главенствовал мистер Миллион, а свои вечера — в нашей с Дэвидом спальне, где мы играли и мутузились в полной тишине. Те дни редко разбавлялись походами в библиотеку, о которых я рассказал, и еще реже — прогулками в другие места. Иногда я раздвигал лианы кампсиса и выглядывал во двор, чтобы понаблюдать за девушками и их благодетелями, а когда они спускались с крыши, подслушивал их разговоры. Но то, чем они занимались и о чем говорили, меня не особо интересовало. Я знал, что высокий мужчина с острыми чертами лица, заправляющий всем в нашем доме, к которому девушки и прислуга обращались «*Maître*», — мой отец. Еще, сколько себя помню, в доме жила какая-то грозная женщина, которой страшились все слуги и обращались к ней исключительно «мадам». Но она не была матерью ни мне, ни Дэвиду, равно как и не приходилась женой моему отцу.

Та беззаботная жизнь, как и мое детство (по крайней мере, раннее), подошли к концу в один ничем не примечательный вечер, когда мы с Дэвидом заснули, уставшие от борьбы и тихих споров. Кто-то разбудил меня, дернув за плечо. Это был не мистер Миллион, но один из слуг — сутулый коротышка в потертой красной ливeree.

— Просыпайся, — велел посыльный. — Он хочет тебя видеть.

Я встал с кровати, и он увидел, что я в ночном белье. Не думаю, что на этот счет ему дали какие-то указания, и, пока он решал, как поступить, я просто стоял и зевал.

— Оденься, — сказал он наконец. — И не забудь причесаться.

Я послушно натянул черные бархатные брючки, которые носил днем ранее, и (ведомый каким-то непонятным чутьем) свежую рубашку. Комната, в которую он меня привел (по пустым извилистым коридорам, где уже не осталось даже самых поздних клиентов, и по другим — затхлым и грязным, изгаженным крысиным пометом, куда клиентов не пускали вовсе), оказалась отцовской библиотекой — помещением с тяжелой резной дверью, у которой дама в розовом нашептывала мне когда-то свои заверения. Я никогда не бывал внутри, но когда мой проводник осторожно постучал, дверь распахнулась, и я оказался в библиотеке прежде, чем успел осознать, что произошло.

Встретив нас, отец тут же закрыл за мной дверь и прошел в дальний конец длинного помещения, где уселся в огромное кресло, оставив меня стоять у входа. На нем был тот самый красный халат и черный шарф, которые я так часто видел, а длинные редкие волосы были собраны в хвост на затылке. Он пристально посмотрел на меня, и я помню, как задрожали мои губы, когда я изо всех сил старался не зарыдать.

— Ну, вот и ты, — произнес отец спустя минуту мучительного ожидания. — Как же мне тебя называть?

Я назвал ему свое имя, но он лишь покачал головой:

— Нет, это не подойдет. Для меня у тебя должно быть

другое имя, тайное. Если хочешь, можешь выбрать его сам.

Я не ответил. Мне казалось абсолютно немыслимым, что у меня может быть какое-то другое имя, помимо тех двух слов, в которых я видел некий мистический смысл и которые признавал *своим именем*.

— Нет? Что ж, тогда я выберу за тебя, — сказал отец. — Я буду звать тебя Номер Пять. Подойди ближе, Номер Пять.

Я подошел, и, когда оказался прямо перед ним, он продолжил:

— Сейчас мы сыграем с тобой в одну игру. Я буду показывать тебе картинки, хорошо? А ты, глядя на них, должен рассказывать мне о том, что видишь. Если ни разу не прервешься, ты выиграл, но если запнешься хоть на секунду — победил я. Все ясно?

Я ответил, что ясно.

— Молодец, я всегда знал, что ты смышленый мальчик. К слову, мистер Миллион присыпал мне результаты всех твоих экзаменов и записи всех ваших бесед. Ты знал? Никогда не задумывался, что он с ними делает?

— Я думал, он их выбрасывает, — ответил я, и заметил, что отец слегка подался вперед. В тот момент это показалось мне лестным.

— Нет, они все здесь, у меня, — сказал отец и нажал на кнопку. — И помни, ты не должен запинаться.

Но в первые секунды я был так потрясен, что не смог вымолвить и слова. В комнате как по волшебству возник мальчик значительно младше меня, а рядом с ним — расписной деревянный солдатик, почти одного роста со мной. Я хотел коснуться их, но они оказались такими же бесплотными, как воздух.

— Ну же, говори что-нибудь, — приободрил меня отец. — О чём ты думаешь, Номер Пять?

Естественно, я думал о солдатике и маленьком мальчике, которому на вид было года три. Мальчик просочился сквозь мою руку, словно туман, и попытался опрокинуть солдатика.

Это были голограммы — трехмерные проекции, образованные наложением волн двух пучков света. До того момента голограммы представлялись мне крайне скучными, потому что я видел их только в учебниках по физике, изображенными в виде плоских шахматных фигур, и, признаться, мне понадобилось некоторое время, прежде чем я смог сопоставить нарисованные фигуры с призраками, которые расхаживали по отцовской библиотеке в ту ночь.

— Ну же, говори! Скажи что-нибудь! Как тебе кажется, что чувствует маленький мальчик?

— Ну... Маленькому мальчику нравится большой солдатик, но он хочет сбить солдатика с ног, потому что не может смириться с тем, что обычная игрушка может быть больше него самого, — сказал я. Я говорил долго, может быть, часами, а сценки все сменялись и сменялись. Огромного солдатика сменили пони, заяц, тарелка супа с крекерами, но главным персонажем всегда оставался трехлетний мальчик. К тому времени, как вернулся сутулый коротышка в потертой красной ливрее, чтобы проводить меня обратно в постель, мое горло болело, а голос превратился в тихий хрип. Той ночью мне приснился мальчик, все время мечущийся от одного занятия к другому, чья личность словно перемешалась с моей собственной личностью и личностью моего отца так, что я одновремен-

но был наблюдателем, наблюдаемым и кем-то третьим, следящим за обоими со стороны.

Когда на следующий вечер мистер Миллион отправил нас в постель, я лишь едва успел поздравить себя с этим, как погрузился в сон. Я проснулся оттого, что нашу комнату снова посетил сутулый коротышка, но в этот раз он пришел не за мной, а за Дэвидом. Притворившись спящим (я испугался, что, увидев меня бодрствующим, он потащит с собой нас обоих), я тихо наблюдал, как мой брат одевается и отчаянно пытается привести в порядок свои светлые волосы. Когда он вернулся, я спал уже по-настоящему, поэтому возможность допросить его выпала мне только наутро, когда мистер Миллион по обыкновению оставил нас наедине с завтраком.

Как бы между прочим я поведал Дэвиду о собственных впечатлениях, но он лишь ответил, что его вечер у отца практически ничем не отличался от моего. Ему показывали те же голографические изображения, что и мне: деревянного солдатика, пони... Его тоже заставили без умолку озвучивать свои мысли, что часто делал мистер Миллион во время наших дебатов и устных экзаменов. Единственное отличие его беседы с отцом всплыло лишь напоследок, когда я спросил, каким именем отец его называл.

Он тупо уставился на меня, не донеся до рта кусок теста. Я спросил снова:

— Каким именем он обращался к тебе?

— Дэвид, каким же еще?

С началом этихочных бесед образ моей жизни заметно изменился, и перемены, казавшиеся поначалу временными, незаметно превратились в необратимые и принесли в нашу действительность новый порядок, о сути которого

мы с Дэвидом не могли даже догадываться. Наши игры и разговоры после отбоя прекратились, Дэвид все реже и реже мастерил свои свирельки из серебристого выонка, а мистер Миллион стал позволять нам отправляться в постель позже обычного, тем самым давая понять, что мы повзрослели. Примерно в тот же период он стал водить нас в парк, где находилось лучное стрельбище и имелись все условия для проведения самых различных игр. Одной стороной этот маленький парк прилегал к берегу канала. Пока Дэвид пускал стрелы в набитых сеном гусей или играл в теннис, я часто сидел, бесцельно уставившись в тихие мутноватые воды или высматривая белые корабли — восхитительные белые корабли с острыми, как клювы зимородков, носами и четырьмя, пятью или даже семью мачтами, — изредка буксируемые из гавани вверх по течению десятью-двенадцатью упряжками волов.

* * *

Лето моего одиннадцатого или, что вероятнее, двенадцатого года ознаменовалось тем, что нам впервые разрешили остаться в парке после заката, посидеть на склоне илистого берега и полюбоваться фейерверком. Однако не успел в полукилометре над городом стихнуть первый залп ракет, как Дэвиду стало дурно. Он бросился к воде и, погрузившись по локоть в грязь, блевал, пока в небе торжественно сгорали красные и белые звезды. Мистер Миллион взял его под руки, и, когда бедный Дэвид наконец опустошил желудок, мы поспешили домой.

Его болезнь оказалась такой же скоротечной, как свежесть того бутерброда, что ее вызвал, поэтому, пока

наш наставник укладывал Дэвида в постель, я решил не пропускать остаток представления, обрывки которого наблюдал через просветы между зданиями по пути домой. Нам запрещали подниматься на крышу после наступления темноты, но я прекрасно знал путь до ближайшей лестницы. Пробравшись в этот мир листьев и тени, я испытал невообразимый трепет, наблюдая за тем, как в небе вспыхивают фиолетовые, золотые и огненно-красные цветы фейерверков. Это зрелище сразило меня подобно лихорадке, захватило дух, заставило дрожать и мерзнуть, несмотря на самый разгар лета.

Людей на крыше оказалось куда больше, чем я ожидал: мужчины без плащей, шляп и тростей (все это они оставляли в гардеробе отцовского заведения) и девушки в откровенных костюмах, порождавших иллюзию необычайно высокого роста (которая исчезала, лишь когда кто-то подходил к ним вплотную), а их обнаженные наrumяненные груди были заключены в лифы из витой проволоки, похожие на птичьи клетки. Некоторые девушки были одеты в платья, чьи подолы отражали лица и груди своих владелиц, подобно тому, как вода отражает растущие рядом деревья, и в калейдоскопе красочных вспышек они казались королевами диковинных нарядов из колоды Таро.

Я был чересчур взволнован, чтобы спрятаться как следует, поэтому, конечно же, не остался незамеченным, но, к счастью, прогонять меня никто не стал. Полагаю, все подумали, что мне разрешили подняться наверх и поглазеть на фейерверк.

Фейерверк длился долго. Помню, как одному из клиентов, тучному, нелепо одетому, но важному на вид

мужчине с квадратным лицом, так не терпелось насладиться обществом своей протеже (девушка не желала спускаться в апартаменты до окончания представления), что специально по его просьбе вокруг них соорудили небольшую рощицу в дальней части сада, оградив от остальных посетителей небольшими деревьями и двадцатью-тридцатью кустами растений. Я помог официантам перенести несколько небольших кадей и горшков, а когда мы закончили, тайком пронырнул меж кустов импровизированной рощи. Оттуда, сквозь ветви, я мог следить не только за взрывами ракет, «авиационными бомбами», но в то же время — за гостем и его *путрhe du bois*, наблюдавшей за фейерверком с еще большим интересом, чем я.

Насколько помню, меня одолевала не похоть, а обыкновенное любопытство. Я был в том возрасте, когда детям присуща страстная тяга к познаниям, но страсть эта все еще носит исключительно научный характер. Еще немного, и я удовлетворил бы свой интерес, но в этот момент кто-то схватил меня за шиворот и выдернул из кустов.

Вырванный из своего лиственного укрытия, я обернулся, ожидая увидеть мистера Миллиона, но это был не он. Моим захватчиком оказалась хрупкая седовласая женщина в черном платье, подол которого свисал до самого пола. На служанку она не походила, поэтому, скорее всего, я поклонился ей, но женщина не ответила на мое приветствие и так пристально посмотрела мне в глаза, что казалось, в темноте между торжественными взрывами она видит так же хорошо, как и при их свете. Когда напоследок, вопя в реке из пламени, в небо со свистом взметнулась огромная ракета, знаменуя финал представления, женщина все же оторвала от меня взгляд и посмотрела вверх. Однако

после того, как ракета взорвалась ослепительной лиловой орхидеей невероятных размеров, эта грозная миниатюрная женщина вновь крепко ухватила меня и потащила к лестнице.

Пока мы шли по ровному мощеному полу сада, мне казалось, что она вовсе и не шагает по нему, а скользит, как ониксовая шахматная фигурка по полированной доске. И, несмотря на все, что произошло с тех пор, такой я ее и запомнил: Черной Королевой — ни злой, ни доброй шахматной королевой, и Черной только затем, чтобы отличаться от некой Белой Королевы, которую мне так и не суждено было встретить.

Однако, как только мы достигли лестницы, ее плавное скольжение сменилось мягкими сосоками, и после каждого шага несколько дюймов ее черного платья стелились по ступеням, как если бы она была маленькой лодкой, преодолевающей речные пороги: стремительный рывок, легкая передышка, поддержка равновесия на перекрестных потоках, снова рывок.

Спускаясь, одной рукой женщина придерживалась за меня, а другой — за руку служанки, встретившей нас на верхней площадке лестницы. Когда мы пересекали сад, я полагал, что ее скольжение всего лишь следствие до совершенства отточенной походки и безупречной осанки, но на лестнице понял, что причиной тому был какой-то физический недостаток. Казалось, что без нашей помощи она просто покатится вниз головой.

У подножия лестницы плавность движений снова вернулась к женщине. Она кивком отпустила служанку и повела меня по коридорам в направлении противоположном от нашей спальни и классной комнаты. Мы шли

до тех пор, пока не добрались до редко используемой винтовой лестницы в глубине дома. Лестница была очень крутой, с низкими железными перилами и на целых шесть витков уходила в подвал. Здесь женщина отпустила меня и строго велела спускаться вниз. Преодолев несколько ступеней, я обернулся посмотреть, не испытывает ли она трудностей.

Трудностей она не испытывала, но, как оказалось, в ступенях тоже не нуждалась. Не сводя с меня глаз, она медленно парила вниз в проеме между лестничных витков, а длинный подол ее платья свисал подобно занавесу. Я был так поражен, что даже замер, отчего женщина сердито дернула подбородком, и я быстро побежал дальше. Оборот за оборотом я сбегал вниз по спирали, а женщина следовала за мной, придерживаясь за перила, и ни на секунду не отворачивала от меня лица, невероятно похожего на лицо отца. Когда мы добрались до второго этажа, она соскользнула вниз, подхватила меня с той же легкостью, с какой кошка подхватывает своего заблудшего котенка, и повела дальше, через комнаты и переходы, в которых я никогда прежде не бывал, и чем дальше мы продвигались, тем больше я терялся, как если бы находился не в своем доме, а в чужом. В конце концов, мы остановились у двери, ничем не отличающейся от других. Женщина отперла ее старым медным ключом с пилообразной бородкой и жестом привлостила меня войти.

Комната была ярко освещена, и в ней я смог, наконец, разглядеть то, о чем лишь догадывался на крыше и в коридорах: подол ее юбки висел в двух дюймах от пола вне зависимости от того, как она передвигалась — между подолом и полом была пустота. Женщина указала на

маленькую скамеечку для ног, покрытую вышивным платком, и приказала:

— Садись.

Я подчинился, после чего она подплыла к креслу-качалке и села лицом ко мне.

— Как тебя зовут? — спустя мгновение спросила она.

Когда я ответил, она вздернула бровь и качнула кресло, мягко оттолкнувшись от торшера, стоящего рядом. Какое-то время мы просидели в полной тишине, а затем женщина спросила снова:

— А как *он* тебя называет?

— Он? — из-за подкравшейся сонливости я начал туто соображать.

Женщина поджала губы и добавила:

— Мой брат.

— Ах, так вы моя тетя! — воскликнул я и немного расслабился. — Вот почему вы с отцом так похожи! Он называет меня Номер Пять.

Какое-то время она продолжала разглядывать меня, задумчиво стиснув губы, как часто делал отец, а затем сказала:

— Это число либо слишком большое, либо слишком маленькое. Из живых здесь только он и я, хотя полагаю, симулятор он тоже берет в учет. У тебя есть сестра, Номер Пять?

Благодаря мистеру Миллиону мы с братом уже успели прочитать «*Дэвида Коннерфильда*», и своей манерой речи она так неожиданно и ярко напомнила мне тетку Бетси Тротвуд, что я засился смехом.

— Не вижу ничего смешного, — возмутилась тетя. — У твоего отца есть сестра, так почему ее не может быть у тебя? Отвечай, есть или нет?

— Нет, мэм, сестры у меня нет, но есть брат. Его зовут Дэвид.

— Можешь называть меня тетя Жаннин, Номер Пять. Скажи, вы с Дэвидом похожи?

Я замотал головой.

— У него светлые кудрявые волосы, не такие, как у меня. Может, чем-то мы и похожи, но не так уж сильно.

— Похоже, он воспользовался одной из моих девушек... — едва слышно пробормотала тетя.

— Простите, что?

— Ты случайно не знаешь, кем была мать Дэвида, Номер Пять?

— Мы с Дэвидом братья, так что логично предположить, что мать у нас общая, правда мистер Миллион сказал, она уехала отсюда давным-давно.

— Нет, не общая, — сказала тетя. — Не общая... У меня есть фото твоей матери, Номер Пять. Хочешь взглянуть?

Она позвонила в колокольчик, и из соседней комнаты, кланяясь, показалась служанка. Тетя Жаннин прошептала ей что-то на ухо, и служанка тут же удалилась. Затем тетя снова повернулась ко мне и спросила:

— Чем же ты, Номер Пять, занимаешься целыми днями, помимо беготни по крыше в неподложенное время? Учишься?

Я рассказал ей о своих экспериментах (в то время я как раз увлекся тем, что стимулировал дробление неоплодотворенных лягушачьих яйцеклеток, в которых затем удваивал количество хромосом с помощью химиотерапии, чтобы получить бесполое потомство) и о вскрытиях, которые мистер Миллион поощрял меня проводить. Среди прочего я также отметил, что здорово было бы заполучить образцы

тканей аборигенов с Сент-Анн, если бы те до сих пор существовали, потому как описания первых исследователей слишком разнились, а некоторые из первооткрывателей и вовсе утверждали, что аборигены были способны менять обличья.

— Значит, ты о них знаешь, — сказала тетя Жаннин. — Давай-ка проверим, насколько хорошо. Что тебе известно о гипотезе Вейла?

Мы проходили эту тему несколько лет назад, и я ответил:

— Гипотеза Вейла приписывает аборигенам способность в совершенстве подделывать человеческий облик. Вейл считал, что, когда с Земли прилетели первые корабли, аборигены убили всех и присвоили себе корабли, следовательно, мертвые не аборигены, а мы.

— То есть земляне, — добавила тетя. — Люди.

— Простите, мэм?

— Если предположение Вейла верно, то и ты, и я — аборигены с Сент-Анн, по крайней мере по происхождению. Полагаю, именно это ты хотел сказать. Как думаешь, Вейл был прав?

— Не думаю, что это имеет значение. Он считал, что перевоплощение должно быть безупречно, но если так, то аборигены ничем от нас не отличаются.

Я остался доволен своим ответом, но тетя лишь снисходительно улыбнулась и еще сильнее раскачалась в кресле. В тесной, светлой комнатке было очень тепло.

— Номер Пять, ты еще слишком юн для семантического анализа, и, боюсь, тебя ввело в заблуждение слово *безупречное*. Уверена, Доктор Вейл употреблял его в более широком смысле, а не в буквальном, как тебе показалось. Едва ли перевоплощение могло быть *безупречным*. Люди

лишены такой способности, и, чтобы *безупречно* перевоплотиться в них, аборигенам пришлось бы утратить ее.

— А разве они не могли?

— Дорогое дитя, любые способности нужно развивать, а уже имеющиеся — использовать, иначе они ослабеют и пропадут. Если бы аборигены умели подражать настолько хорошо, чтобы утрачивать при этом свой дар, то они исчезли бы задолго до того, как первые корабли долетели до Сент-Анн. Но таким их способностям, конечно же, нет ни малейшего доказательства. Так уж вышло, что аборигены просто вымерли до того, как удалось их тщательно изучить, а Вейл, с присущей ему тягой к драматизму и неумолимым стремлением объяснить жестокость и абсурд вокруг себя, выстроил сложнейшую теорию на пустом месте.

Последнее замечание, а главное, дружелюбный настрой тети, показались мне идеальным поводом для расспросов о ее удивительном средстве передвижения, но не успел я открыть рот, как нас почти одновременно прервали сразу с двух сторон. В комнату вернулась служанка, неся в руках огромную книгу в переплете из тисненой кожи, и в тот момент, когда она уже собиралась передать книгу тете, в дверь постучали.

— Открой, — отрешенно произнесла тетя, и так как ее просьба могла относиться в равной степени как ко мне, так и к служанке, я удовлетворил свое любопытство иным способом — бросился к двери и ответил на стук.

В холле за дверью ждали две местные девицы полусвета. Величественные, как тополя Ломбардии, скорее призраки, чем люди, они были разодеты и разукрашены до такой степени, что казались мне более чуждыми, чем любые

аборигены. Их зеленые и желтые глаза были увеличены макияжем до размеров яиц, а пышные груди приподняты почти до уровня плеч. Завидев меня в дверях, девицы сохранили воспитанное внешнее самообладание, однако я был доволен собой, поскольку точно знал, что застал их врасплох. Я поклонился и впустил их внутрь, но как только горничная закрыла за ними дверь, тетя Жаннин все тем же отрешенным тоном произнесла:

— Одну минуту, девочки. Я покажу кое-что мальчику, а затем он уйдет.

Этим «кое-чем» оказалась фотография, распечатанная, как я тогда подумал, с применением некой передовой технологии, менявшей все цвета на оттенки коричневого. Фотография была маленькой и, судя по ее виду и потрепанным краям, очень старой. На ней была изображена высокая худощавая девушка лет двадцати пяти с ребенком на руках, в компании коренастого молодого мужчины. Они стояли на аллее, ведущей к примечательному дому — длинному деревянному зданию всего в этаж высотой, с крыльцом или верандой, менявшему свой архитектурный стиль каждые двадцать-тридцать футов, из-за чего строение напоминало ряд необычайно узких домов, припertenых друг к другу. Тогда я не сильно обратил внимание на дом и упоминаю о нем только потому, что после освобождения из тюрьмы часто пытался отыскать хоть какие-то его следы. Когда я впервые увидел снимок, меня куда больше заинтересовали девушка и ребенок. Лицо последнего было едва различимо, очертания младенца терялись на фоне белых шерстяных одеялец. Девушка обладала крупными чертами лица и ослепительной улыбкой, таящей намек на то редкое очарование, в котором в одночасье сплетаются легкость, поэзия

и озорство. «Цыганка», — подумал я сперва, но цвет ее кожи был слишком светлым, и я тут же отмел эту мысль. Поскольку все на нашей планете являлись потомками сравнительно небольшой группы колонистов, население здесь довольно однородное, но благодаря занятиям я получил кое-какое представление и об основных расах Земли. Моей второй догадкой были кельты, и почти с полной уверенностью я выпалил:

— Уэльс! А может, Шотландия. Или Ирландия.

— Что? — переспросила тетя. Одна из девушек хихикнула — они обе сидели на диване, скрестив перед собой блестящие длинные ноги, напоминающие лакированные древки флагов.

— Неважно.

Тетя пристально посмотрела на меня и сказала:

— Ты прав. Я пришлю за тобой, когда у нас будет больше свободного времени, и мы обязательно поговорим об этом. А сейчас моя горничная отведет тебя в твою комнату.

Обратного пути в спальню я не помню, как не помню и отговорок, которые сочинил для мистера Миллиона в оправдание своей самовольной отлучки. Но что бы я ни выдумал, он наверняка раскусил меня или вывел правду у слуг, потому что повторного приглашения к тетушке я так и не получил, хотя с нетерпением ждал его на протяжении нескольких следующих недель.

Той ночью (я почти уверен, что это была та самая ночь) мне приснилисьaborигены Сент-Анн в плумажах из свежей травы на головах, локтях и коленях. Они танцевали, потрясали сплетенными из камыша щитами и копьями с нефритовыми наконечниками, а потом ни с того ни с сего их движения передались моей кровати и обратились

потертыми красными рукавами отцовского камердинера, явившегося отвести меня в библиотеку, что он делал почти каждую ночь.

Той же ночью (и на этот раз я полностью уверен, что это была та самая ночь, которой мне приснились аборигены) наших с отцом встреч коснулись перемены. Установленный за последние четыре или пять лет порядок, состоящий из предсказуемой последовательности бесед, голограмм, игр в ассоциации и возвращения в постель, изменился. После вступительной беседы, призванной меня расслабить (в чем он не преуспел, впрочем, как и всегда), отец попросил меня закатать рукав и прилечь на старый смотровой стол в углу комнаты. Когда же я улегся, он велел мне смотреть на стену, и я уставился на полки, полные потрепанных записных книжек. Я почувствовал, как в вену вонзается игла, но отец прижал мою голову так, что я не мог ни сесть, ни повернуться, чтобы посмотреть, что он делает. Затем отец вытащил иглу и велел лежать молча.

Спустя время, показавшееся мне вечностью, в течение которого отец лишь изредка раздвигал мои веки и измерял пульс, кто-то в дальней части комнаты начал рассказывать длинную и невероятно запутанную историю. Отец записывал все, что говорилось, и иногда прерывался, чтобы задать вопрос, но я не видел необходимости отвечать, потому как рассказчик прекрасно справлялся и без меня.

Мне казалось, что препарат, введенный отцом, будет ослаблять свое действие с течением времени, но нет. Вместо этого он все дальше уносил меня от реальности и от той области сознания, что отвечает за индивидуальность мысли. Потрескавшаяся кожа смотрового стола подо

мной исчезла, сменилась палубой корабля, затем крылом голубя, бьющимся высоко над миром, и меня больше не волновало, чей голос я слышал — свой или отца. Иногда голос звучал громче, иногда тише, иногда я чувствовал, будто говорю из глубины грудной клетки много больше моей собственной, а голос отца, узнаваемый по тихому шуршанию страниц записной книжки, казался гулкими, пронзительными криками носящихся по улицам детей, которые я слышал летом, когда высовывал голову из окошек у основания библиотечного купола.

* * *

После той ночи моя жизнь снова переменилась. Препараты (а их, похоже, было несколько) сильно сказались на моем здоровье. Помимо описанного мной эффекта я испытывал на себе и другие: не мог спокойно лежать, часами не умолкая носился по комнате, утопал порой в блаженных, а иногда в невыносимо кошмарных сновидениях. По утрам я часто просыпался с головной болью, мучившей меня дни напролет, на меня то и дело накатывали приступы крайней нервозности и тревоги. Но страшнее всего стало, когда из жизни начали выпадать целые куски дней. Неожиданно я обнаруживал себя бодрствующим и одетым, во время чтения, ходьбы и даже беседы, но совершенно не помнил ничего, что происходило после того, как накануне ночью я лежал в бреду, уставившись в потолок отцовской библиотеки.

Наши с Дэвидом занятия проводились все реже, и в каком-то смысле мы с мистером Миллионом поменялись ролями. Теперь уроки вел я. Я сам выбирал темы для об-

суждения и в большинстве случаев сам опрашивал Дэвида и мистера Миллиона. Но чаще, когда они уходили в парк или библиотеку, я просто оставался в постели и читал. Множество раз я приходил в себя уже в кровати, а затем читал и занимался до самого прихода отцовского камердинера.

Должен отметить, что Дэвида постигла та же участь, однако по мере того, как сотня летних дней плавно перетекала в осень, а та, наконец — в долгую зиму, его встречи с отцом случались все реже, да и Дэвид, похоже, был менее восприимчив к побочным эффектам препаратов, отчего последствия их приема не проявлялись у него так же сильно.

Если подумать, именно той зимой и настал конец моему детству. Мое новообретенное болезненное состояние отвратило меня от ребячества и воодушевило на эксперименты над мелкими животными, а вскрытия тел, поставляемых мистером Миллионом, превратились в нескончаемый поток разинутых ртов и выпущенных глаз. Как и сказал, я много учился, читал, а иногда, просто развалившись на кровати и закинув руки за голову, изо всех сил старался вспомнить истории, которые рассказывал отцу под действием препаратов. Обрывков наших с Дэвидом воспоминаний было недостаточно даже для того, чтобы строить хоть сколько-нибудь внятные догадки о цели отцовскихочных допросов. Помимо этого, в моей памяти сохранились события, которых в действительности, уверен, никогда не происходило. Скорее всего, то были образы и видения, нашептанные отцом, когда я утопал в пучинах своего измененного сознания.

Столь безразличная прежде, тетя Жаннин теперь часто

заговаривала со мной в коридорах, а однажды даже зашла к нам в комнату. Я узнал, что она следит за порядком в доме, и благодаря ей обзавелся собственной маленькой лабораторией в нашем крыле. Зиму я провел стоя у эмалированного стола для вскрытий, а временами просто валялся в кровати. Окно в спальню наполовину занесло снегом, налипавшим на голые стебли серебристого вьюнка. Гости отца, которых я видел теперь лишь изредка, заявлялись к нам с красными лицами, в мокрых ботинках, со снегом на плечах и шляпах, и пыхтя выбивали свои пальто посреди фойе. Апельсиновые деревья исчезли, в сад на крыше больше никто не ходил, и только во дворике, под нашим окном, поздно ночью веселились с полдюжины клиентов со своими протеже: они распивали вина и кидались снежками, что неизменно сопровождалось раздеванием девушек и валянием их голышом в снегу.

* * *

Весна обрушилась на меня незаметно, как она поступает со всеми, кто большую часть времени проводит в четырех стенах. В один прекрасный день, когда я думал (если вообще думал о погоде), что на дворе все еще зима, Дэвид распахнул окно и принял уговаривать меня сходить с ним в парк — стоял апрель. В последний раз, когда я выходил в сад перед домом, он был завален снегом, но теперь, захваченный молодыми побегами и перезвоном фонтана, снова ожил. Мистер Миллион согласился составить нам компанию, и помню, как, едва мы вышли за порог, Дэвид похлопал железного пса по ухмыляющейся морде и процитировал:

*И тогда пса четырехглавого
Вывел я на свет земной.*

Я съязвил что-то по поводу его умения считать, на что он ответил:

— Да нет же. У старухи Церберши было четыре головы, разве ты не знал? Четвертая — ее девственность, а она такая сука, что ни один кобель не повадится на нее залезть.

Шутку оценил даже мистер Миллион, но позже, глядя на пышущего здоровьем Дэвида и на его плечи, в которых уже проглядывалась мужская стать, я подумал, что раз уж три головы олицетворяют Мэтра, Мадам и мистера Миллиона, то есть моего отца, тетю (ту самую *девственность*, о которой говорил Дэвид) и наставника, то вскоре стоило бы приварить и четвертую — в честь самого Дэвида.

Парк для него в тот день был чем-то вроде рая, но я со своим-то здоровьем счел его довольно пресным и скучным и провел большую часть утра, ежась на скамейке и наблюдая за игрой Дэвида в сквош. Ближе к полудню ко мне присоединилась темноволосая девочка с гипсом на лодыжке. Она присела не на мою скамейку, а на соседнюю, однако и этого расстояния оказалось достаточно, чтобы создалось ощущение близости. Она пришла на костылях в сопровождении то ли сиделки, то ли гувернантки, которая, как мне показалось, абсолютно нарочно уселась между нами. Впрочем, ее осанка была слишком прямой, чтобы надежно ограждать девочку. Женщина сидела на краю скамейки, в то время как девочка откинулась назад и вытянула поврежденную ногу перед собой, позволив мне тем самым хорошенько разглядеть ее восхитительный профиль. Иногда она поворачивалась, чтобы

обратиться к чудищу рядом с собой, и я мог любоваться ею спереди: карминовые губы, фиалковые глаза, лицо, скорее круглое, нежели овальное, густая черная челка с пробором, игривые черные брови и длинные, изогнутые ресницы. Когда мимо проходила старая уличная торговка, предлагая кантонские яичные рулеты (длиннее ладони и такие горячие, прямиком из кипящего масла, что есть их требовалось с большой осторожностью, словно они в каком-то смысле живые), я подозревал ее, купил один рулет для себя и, уговорив стать моей посланницей, отправил старушку с двумя обжигающими лакомствами к девочке и сопровождавшему ее чудовищу.

Чудовище, конечно же, отказалось, но я был очарован тем, как девочка принялась умолять его: огромные глаза и пунцовые щеки красноречиво передавали суть доводов, которыми она засыпала свою провожатую. Я находился слишком далеко, чтобы слышать их, но прекрасно видел всю пантомиму: «отказ этому безобидному юноше будет незаслуженным оскорблением», «я так проголодалась, что в любом случае собираюсь купить себе яичный рулет», «как глупо возражать, когда тебе бесплатно предлагают желаемое!» Торговка, которая явно наслаждалась своей ролью посредника, заявила, что вот-вот расплачется от мысли, что придется вернуть мне золото (а на самом деле грязную мелкую купюру, почти такую же засаленную, как та бумага, в которую были завернуты рулеты). Постепенно их голоса стали достаточно громкими, чтобы я смог, наконец, расслышать голос девочки — чистое изумительное контральто. В итоге они, конечно же, приняли угощение. Чудовище, смирившись с поражением, отвесило мне ледяной кивок, а девочка подмигнула из-за ее спины.

Спустя полчаса, когда Дэвид и мистер Миллион, присматривавший за ним с края площадки, предложили сходить пообедать, я согласился и решил, что по возвращении присяду к девочке настолько близко, насколько позволят приличия. Обедали мы в аккуратном маленьком кафе недалеко от цветочного рынка. Однако, несмотря на то, что я очень торопился, к тому времени, как мы вернулись в парк, девочка и ее гувернантка уже бесследно исчезли.

Мы возвратились домой, и примерно через час за мной прислал отец. Время было необычно раннее для наших встреч, и я шел к нему с некоторой опаской — обычно отец вызывал меня после ухода последнего клиента, но тогда еще не прибыли даже первые. Бояться, впрочем, оказалось нечего. Сперва отец справился о моем здоровье, и, когда я ответил, что мне уже лучше, чем было зимой, он в самовлюбленной и даже напыщенной манере, столь разительно отличавшейся от его привычной усталой прямоты, принялся рассказывать о своем деле и о том, как важно молодому человеку научиться самому зарабатывать себе на жизнь.

— Уверен, ты хочешь стать ученым, — сказал он.

В ответ я выразил надежду, что уже в какой-то мере стал им, и подготовился к лекции о том, как бесполезно тратить время на изучение химии и биофизики здесь, на нашей планете, где знания эти не пригодятся ни в столь слаборазвитой промышленности, ни в торговле, ни при устройстве на государственную службу, и так далее. Но вместо этого отец произнес:

— Рад это слышать. Честно говоря, я попросил мистера Миллиона поддержать тебя в этом начинании. Хотя, уверен, он сделал бы это в любом случае; по крайней

мере, так было со мной. Исследования не только доставляют тебе огромное удовольствие, но и... — отец запнулся, откашлялся и помассировал пальцами лоб, — принесут много пользы. Исследования давно стали частью нашей семейной традиции, если можно так выразиться.

Я сказал (и в самом деле почувствовал), что счастлив слышать эти слова.

— Ты бывал в моей лаборатории? Там, за большим зеркалом?

Я никогда не бывал там, но знал, что за раздвижным зеркалом в библиотеке есть несколько скрытых комнат. Слуги иногда упоминали этот его «профилакторий», где отец составлял для них рецепты, ежемесячно осматривал нанятых девушек и изредка принимал на лечение молодых «дружков» клиентов, которые оказались недостаточно рассудительны и осторожны (в отличие от своих мудрых покровителей), чтобы ограничиться услугами только нашего заведения. Отцу я ответил, что очень хотел бы на нее взглянуть.

Он улыбнулся.

— Впрочем, это сейчас неважно, мы отдалились от темы. Наука — это огромная ценность, но, как и я, ты поймешь, что денег она отбирает намного больше, чем дает. Тебе понадобятся инструменты, книги и много других вещей, в том числе и средства к существованию. Дело у нас прибыльное, и, хотя я надеюсь прожить еще долго — отчасти благодаря науке, — в конечном итоге, все это достанется тебе, как моему законному наследнику...

(Так значит, я был старше Дэвида!)

— ...все, чем мы занимаемся. И поверь, каждый аспект нашей деятельности одинаково важен.

Я был так удивлен и даже обрадован своим открытием, что упустил часть сказанного отцом. Я кивнул и, кажется, не прогадал.

— Молодец. Для начала будешь принимать гостей у входа. Этим занималась одна из девушек, и в течение первого месяца она останется тебе помогать, потому что выучить придется намного больше, чем кажется на первый взгляд. Я скажу мистеру Миллиону, и он передаст нужные распоряжения.

Я поблагодарил отца, и он открыл дверь библиотеки, давая понять, что на этом разговор окончен. Выходя, я едва мог поверить, что это тот самый человек, который почти каждое утро выгрызая из моей жизни по несколько часов.

* * *

Тогда я не связал свое внезапное повышение с событиями в парке, но теперь понимаю, что мистер Миллион, у которого вполне буквально были глаза на затылке, должно быть, сообщил отцу, что я достиг того возраста, в котором подсознательная привязанность к родителям ослабевает и начинает распространяться за пределы семьи.

Так или иначе, я принял свои новые обязанности «встречающего», как называл это мистер Миллион, или «портье», как прозвал меня Дэвид (пояснив, что изначальный смысл слова связан с «проходом»), и таким образом стал живым воплощением тех символических функций, которые выполнял железный пес в нашем саду.

Девушку по имени Нерисса, выполнявшую их до меня, выбрали на эту должность потому, что она была не только одной из самых красивых, но и одной из

самых высоких и сильных девушек среди служанок. И, как и обещал отец, эта крупная, улыбчивая девушка с продолговатым лицом и плечами шире, чем у большинства мужчин, осталась мне помогать. Обязанности не слишком обременяли нас, поскольку клиентами моего отца всегда были люди с положением и при деньгах. Они не имели склонности к дракам и скандалам, кроме самых редких случаев, вызванных крайней стадией опьянения, и чаще всего это были люди, уже успевшие побывать в нашем доме дюжину, а то и сотни раз. Мы обращались к ним по прозвищам, которые использовались только здесь (Нерисса называла их мне *sotto voce*, по мере того, как клиенты появлялись на дорожке у дома), принимали верхнюю одежду и направляли — или провожали, если требовалось — в нужные части заведения.

Нерисса прямо-таки бросалась им навстречу (чем пугала, как я заметил, всех, кроме самых героически сложенных клиентов), разрешала себя ущипнуть, брала чаевые, а в минуты затишья рассказывала мне о том, как ее иногда «вызывали наверх» по просьбе какого-нибудь *connoisseur* пышных форм, и о том, сколько зарабатывала в те ночи. Я же смеялся над шутками гостей и откашивался от чаевых, давая тем самым понять, что я часть руководства заведения. Большинству посетителей дважды повторять не требовалось, и мне часто говорили, как поразительно я похож на отца.

На третью или четвертую ночь моей службы в качестве встречающего нас посетил один необычный гость. Он пришел рано вечером, в один из тех по-настоящему темных дней, последних темных дней на исходе зимы, когда садовые фонари зажигали на час раньше, а случайные

экипажи, проезжавшие по нашей улице, можно было разве что услышать, но никак не увидеть.

Я открыл дверь на стук и, как всегда, вежливо поинтересовался, что ему нужно.

— Я хотел бы встретиться с доктором Обри Вейлом.

Боюсь, выглядел я крайне озадаченным.

— Это ведь Сальтамбонк, 666, я не ошибся?

Конечно же, он не ошибся. И хотя я не сразу вспомнил, кто такой доктор Вейл, его имя звоном отдалось в моей памяти. Я подумал, что, должно быть, один из наших постоянных клиентов решил использовать отцовский дом в качестве *adresse d'accommodation*, и, так как гость выглядел вполне пристойно, я счел грубостью держать его в дверях и, несмотря на то, что сад уже и так обеспечивал частичное убежище, пригласил внутрь. Затем я послал Нериссу за кофе, чтобы немного поговорить с ним наедине в маленькой темной приемной в дальней части фойе.

Этим помещением пользовались крайне редко, и, как только мы вошли, я заметил, что горничные довольно небрежно вытерли здесь пыль. Я решил, что нужно будет при встрече поговорить об этом с тетей, и как только подумал, сразу же вспомнил, где в последний раз слышал имя доктора Вейла. При нашей первой встрече тетя упоминала его теорию — что на самом деле все мы выходцы с Сент-Анн, перебившие настоящих колонистов с Земли и подменившие их с таким тщанием, что забыли о своем истинном прошлом.

Незнакомец присел в одно из затхлых, позолоченных кресел. Молодой, хотя и значительно старше меня, он носил бороду, более черную и пышную, чем позволяла тогдашняя мода, и я бы даже назвал его красивым, если бы

не кожа его лица — по крайней мере, видимая ее часть — столь бесцветно белая, что воспринималась почти как физический недостаток. Его темная одежда казалась необыкновенно тяжелой, словно сотканной из фетра, и я вспомнил, как слышал от одного из клиентов, что вчера в заливе приводнился звездолет с Сент-Анн, и поинтересовался, не прибыл ли незнакомец вместе с ним. На мгновенье он показался испуганным, но затем рассмеялся.

— А ты остряк, как я погляжу. И раз уж проживаешь с доктором Вейлом под одной крышей, то наверняка знаком и с его теорией. На самом деле я с Земли. Меня зовут Марш, — он вручил мне свою визитку, и я прочитал ее дважды, прежде чем смысл изящно вытисненных аббревиатур уложился в моем мозгу. Мой гость оказался ученым с Земли, доктором философии в области антропологии.

— Я не пытался острить, — сказал я. — Я и правда подумал, что вы могли прилететь с Сент-Анн. Большинство жителей нашей планеты обладают крайне схожим типом внешности, за исключением цыган и преступных каст, а вы не похожи ни на кого из перечисленных.

— Да, я и сам это заметил. Но про тебя можно сказать то же самое.

— Говорят, я поразительно похож на своего отца.

— Правда? — спросил доктор и пристально на меня посмотрел. — Скажи, а ты случайно не клон?

— Клон? — я изучал этот термин, но исключительно на уроках ботаники, и как часто случалось, когда я особенно сильно старался произвести впечатление своим интеллектом, голова моя оказалась пуста, и я почувствовал себя глупым ребенком.

— Я говорю об искусственном партеногенезе, при

котором новые индивиды — или индивидуумы, коих при желании можно производить хоть тысячами — будут иметь генетическую структуру, идентичную родительской. Это антиэволюционная практика, и поэтому она незаконна на Земле, но не думаю, что здесь, на вашей планете, за такими вещами следят столь же пристально.

— Вы говорите о ее применении в отношении людей?

Он кивнул.

— Никогда о таком не слышал. Сомневаюсь, что у нас здесь есть необходимые технологии. В этом плане мы сильно отстали от Земли, но, полагаю, мой отец мог бы вам помочь.

— Мне это не нужно.

В комнату вошла Нерисса с подносом кофе и тем самым пресекла все, что мог еще рассказать доктор Марш. Честно говоря, отца я упомянул скорее по привычке и хоть и сомневался, что он способен на подобный биохимический *tour de force*, но полностью отметать такую возможность не стал, особенно если в деле замешана крупная сумма денег. Мы молча сидели, пока Нерисса расставляла чашки и разливала кофе.

— Какая необычная девушка, — улыбнулся Марш, когда она вышла, и я заметил, какие необычные у него глаза: ярко-зеленые, без единого вкрапления коричневого оттенка, присущего большинству зеленых глаз.

Мне очень хотелось расспросить его о Земле, о новых открытиях, и я даже подумал, что девушки — отличный способ задержать его или, в крайнем случае, заставить вернуться.

— Вы непременно должны увидеть остальных. У моего отца великолепный вкус.

— Я бы предпочел встретиться с доктором Вейлом. Или он и есть твой отец?

— Сожалею, но нет.

— Но он ведь живет здесь? По крайней мере, мне дали именно этот адрес: Сент-Круа, округ Де ла Мэн, Порт-Мимизон, улица Сальтамбонк, дом 666.

Выглядел он крайне озабоченно, и мне показалось, достаточно лишь сказать, что он просто ошибся, как он тут же уйдет.

— О гипотезе Вейла я узнал от своей тети. Полагаю, она знает об этом куда больше меня. Может быть, немного позже, вечером, вы захотите с ней поговорить?

— А не могу ли я встретиться с ней прямо сейчас?

— Тетушка мало кого принимает. Если честно, мне рассказывали, что еще до моего рождения она рассорилась с моим отцом и теперь редко покидает свою комнату. Домработницы ходят к ней с отчетами, она ведет все домашнее хозяйство, но, боюсь, редко можно увидеть Мадам за пределами ее жилища, или чтобы в него впускали незнакомцев.

— И зачем ты мне все это рассказываешь?

— Затем, чтобы вы понимали, что может случиться и так, что, даже приложив все усилия, я не смогу договориться о вашей встрече. По крайней мере, этим вечером.

— Ты же можешь просто спросить, не знает ли она, где сейчас живет доктор Вейл, и если да, то где.

— Я очень хочу помочь вам, доктор Марш. Правда, очень хочу.

— Но не думаешь, что так будет проще всего?

— Именно.

— Другими словами, если твою тетушку просто

попросить, не дав ей перед этим составить собственное мнение обо мне, то она откажет, даже если располагает нужным мне адресом?

— Сначала мы могли бы немного побеседовать, — уклончиво ответил я. — Есть столько вещей, которые я хотел бы узнать о Земле.

На мгновенье мне показалось, что под черной бородой мелькнула кислая улыбка.

— Позволь тогда, я задам вопрос первым...

Но его снова прервала Нерисса. Наверное, она хотела узнать, не нужно ли принести еще чего-нибудь из кухни, и я готов был задушить ее, когда доктор Марш замолк на полуслове, забыв про меня, и вместо этого спросил:

— А можно попросить эту девушку сходить к твоей тете и узнать, не примет ли она меня?

Соображать нужно было быстро. Я собирался сам сходить к тете и, продержав доктора Марша какое-то время в ожидании, вернуться с известием, что она примет его позже, и тем самым выиграть дополнительное время для расспросов. Но оставалась возможность (несомненно преувеличенная моим рвением побольше разузнать об открытиях, сделанных на Земле), что доктор не станет ждать, а если и станет, то при встрече с тетей может упомянуть об этом инциденте. Но если я отправлю Нериссу, то смогу побывать с ним хотя бы до того момента, как она вернется. И конечно же, оставалась огромная (как я себе представлял) вероятность того, что тетя окажется занята каким-нибудь делом, которое пожелает закончить прежде, чем встретиться с незнакомцем. Я позволил Нериссе идти, и доктор Марш вручил ей одну из своих визиток, предварительно написав несколько слов на ее обороте.

— А теперь, — сказал я, — о чем вы хотели у меня спросить?

— Я хотел узнать, почему ваш дом, на планете, заселенной менее двухсот лет назад, выглядит таким невероятно старым?

— Его построили сто сорок лет назад, но уверен, у вас на Земле есть дома и намного старше.

— Пожалуй, ты прав. Их сотни. Но на каждый такой дом приходится десять тысяч тех, что выстроены менее года назад, но у вас почти каждое здание выглядит таким же старым, как это.

— Здесь никогда не было слишком людно, потому их и не приходилось сносить. Так говорит мистер Миллион. А сейчас людей тут и того меньше. Меньше, чем было пятьдесят лет назад.

— Кто такой этот Мистер Миллион?

Я рассказал ему о мистере Миллионе, а когда закончил, он сказал:

— Похоже, у вас есть несвязанный симулятор Десять-Девять. Это довольно интересно. Их выпустили всего несколько.

— Симулятор Десять-Девять?

— Миллиард, десять в девятой степени. Известно, что в человеческом мозге несколько миллиардов синапсов, но как выяснилось, их деятельность вполне можно симулировать с помощью компьютерной техники...

Казалось, не прошло и минуты с тех пор, как Нерисса оставила нас одних, и вот она уже снова здесь. Она сделала реверанс и сказала доктору Маршу:

— Мадам готова вас принять.

— Сейчас? — буркнул я.

— Да, — бесхитростно ответила Нерисса. — Мадам сказала, что прямо сейчас.

— Я сам проведу. А ты пока присмотри за входом.

Я повел доктора Марша по темным коридорам, выбрав самый длинный путь, и, пока мы шли мимо облупленных зеркал и покосившихся ореховых столиков, все время старался еще немного расспросить его о Земле, но он отвечал односложно, похоже, сосредоточившись на вопросах, которые готовился задать тете.

Я постучал в тетину дверь. Она открыла сама; подол ее черной юбки безжизненно свисал над нехоженым ковром, но вряд ли доктор Марш обратил на это внимание.

— Мадам, я искренне прошу простить меня за беспокойство, но ваш племянник сказал, что возможно вы сможете помочь мне в поисках автора гипотезы Вейла.

— Доктор Вейл — это я. Прошу, входите, — пригласила тетя и захлопнула за ним дверь, оставив меня стоять в коридоре с разинутым ртом.

* * *

Я хотел поделиться этим случаем с Федрией во время нашей следующей встречи, но в тот день ее больше интересовал дом моего отца. Федрия, если я еще не называл ее по имени, это та самая девочка, что сидела на соседней скамейке, когда я наблюдал за игрой Дэвида в сквош. Мы снова встретились в парке, и представил ее не кто иной, как та самая ужасная гувернантка. Она помогла Федрии уместиться рядом со мной и — о чудо из чудес! — удалилась (хоть и не с глаз долой, но на расстояние за пределы слышимости). Федрия вытянула загипсованную ногу, опустив

сломанную лодыжку на середину гравийной дорожки, и улыбнулась самой очаровательной улыбкой, какую только можно вообразить.

— Не возражаешь, если я посижу здесь? — спросила она. У нее были восхитительные белые зубы.

— Буду только рад!

— И удивлен, в придачу. Ты знал, что твои зрачки при этом становятся больше?

— Ты права, я удивлен, — согласился я. — Я несколько раз возвращался сюда в надежде встретить тебя, но тебя никогда не было.

— И мы тебя искали, и тоже не могли найти, но, думаю, никто из нас просто не смог бы проводить столько времени в парке.

— Я бы смог, — возразил я, — если бы знал, что ты меня ищешь. Хотя я и без того приходил сюда при первой же возможности. Боялся, что она... — я махнул в сторону монстра, — не разрешит тебе вернуться. Как тебе удалось ее уговорить?

— А мне не пришлось никого уговаривать, — сказала Федрия. — Погоди, разве ты еще не догадался? И ничего не знаешь?

Я признался, что нет, и почувствовал себя полным дураком. Впрочем, я и был им, по крайней мере, в словах, которые говорил, потому что все время думал не о беседе, а о том, как бы запечатлеть в памяти ритмичные переливы ее голоса, фиолет ее глаз, и даже едва уловимый аромат кожи и теплое, нежное прикосновение дыхания на моей холодной щеке.

— В общем, — продолжила Федрия, — когда тетя Урания (хотя по правде, она всего лишь бедная двоюрод-

ная сестра моей матери) вернулась домой и рассказала о нашем знакомстве отцу, он выяснил кто ты, и вот я здесь!

— Понятно, — сказал я, и она рассмеялась.

Федрия была из тех девушек, которых растили с надеждой выдать замуж и одновременно с мыслью о возможной продаже. Дела ее отца, как она сама призналась, были «неважнецкими». Он промышлял перепродажей корабельных грузов, в основном тканей и лекарств с юга. Большую часть времени он утопал в долгах, которые его кредиторы и не надеялись вернуть, если, конечно, не соглашались на очередную отсрочку. Он прозябал в нищете, но при этом сумел обеспечить дочери лучшее образование и даже позаботился о пластической хирургии. Если по достижении Федрией брачного возраста ему удастся обеспечить ее еще и солидным приданым, то она породнит его с какой-нибудь богатой семьей. Но если к тому моменту он окажется стесненным в средствах, то сможет выручить за дочь сумму в пятьдесят крат большую, чем стоимость обычного уличного ребенка. И, конечно же, наша семья идеально подходила для обеих целей.

— Расскажи мне о своем доме, — попросила она. — Знаешь, как ребята называют его? «Cave Canem», а иногда просто «Cave». Мальчишкам кажется, что попасть к вам в гости дорогостоящее, и они часто рассказывают о том, как ходили туда. Только почти все они обычные врунишки.

Но мне хотелось говорить о докторе Марше и земных науках, и почти так же сильно, как она стремилась спросить про нас, я жаждал узнать все о ее собственном мире: о вскользь упомянутых «ребятах», о школе и семье. Однако, хоть я и был готов рассказать ей обо всем, вплоть

до услуг, оказываемых девушками моего отца своим благодетелям, были и такие вещи — вроде способностей моей тетушки слетать по лестницам, — о которых я предпочел умолчать. Мы купили по яичному рулету у той самой старушки, съели их под прохладными лучами солнца, обменялись признаниями и расстались не только возлюбленными, но и друзьями, пообещав вновь встретиться на следующий день.

Ночью, почти сразу после того, как я вернулся в постель после нескольких часов у отца (а если точнее — был *приведен*, потому как сам я еле волочил ноги), погода переменилась. Затаенный выдох поздней весны, а может раннего лета, незаметно проник сквозь закрытые ставни, и огонь в нашем маленьком камине вмиг погас от стыда. Отцовский лакей открыл для меня окно, и по комнате разнесся нежнейший аромат, шепчущий о таянии последних снегов под сенью самых дремучих и темных вечнозеленых лесов у северного подножия гор. С Федрией мы условились встретиться в десять часов утра, и перед тем, как отправиться в отцовскую библиотеку, я оставил на столике у кровати записку с просьбой разбудить меня на час раньше. Той ночью я спал, вдыхая ароматы весны и грезя о том, как мы с Федрией сбежим от ее тети и уединимся на низкой траве пустынной лужайки, среди голубых и желтых цветов.

Когда я проснулся, был уже час пополудни, а за окном по листвам деревьев тихо барабанил дождь. Мистер Миллион, читавший что-то в дальнем углу комнаты, сказал, что дождь начался еще около шести утра и поэтому он не стал меня будить. Как всегда после долгих ночных визитов в библиотеку, голова моя раскалывалась,

и я принял один из серых, пахнущих анисом порошков, которые отец прописал мне для облегчения боли.

— У тебя нездоровий вид, — озабоченно произнес мистер Миллион.

— А я ведь так надеялся прогуляться в парк, — простонал я.

— Понимаю.

Он покатился ко мне через комнату, и я вспомнил, как доктор Марш назвал его «несвязанным» симулятором. Впервые с тех пор, как в малолетнем возрасте удовлетворился значением символов на его корпусе, я наклонился (что прошло отнюдь не бесследно для моей головы) и снова взглянул на почти стершуюся от времени гравировку. На ней содержалось лишь название земной кибернетической компании, а под ним по-французски, как я всегда считал, его имя: M · Миллион — «Месье» или «Мистер» Миллион. И внезапно, словно огретый обухом, я вспомнил: ведь точка в алгебре используется в качестве знака умножения! Мистер Миллион заметил, как изменилось выражение моего лица, и пояснил:

— Ядро памяти емкостью в тысячу миллионов слов — «billion» по-английски, или «milliard» по-французски, а «M», разумеется, означает римскую цифру «тысяча». Мне казалось, ты давно об этом догадался.

— Значит, вы несвязанный симулятор. А бывают и связанные? И кого же вы симулируете? Отца?

— Нет, — лицо на экране, которое я привык считать лицом мистера Миллиона, отрицательно покачнулось. — Можешь называть меня, то есть симулируемую мной личность, своим прадедушкой. Он — то есть я — мертв. Для того чтобы создать модель личности, необходимо последовательно, слой за слоем, отсканировать клетки головного

мозга пучком ускоренных частиц, чтобы затем воссоздать на компьютере нейронную сеть или, другими словами, «образ ядра». Для человека эта процедура смертельна.

Он замолчал ненадолго, и я снова спросил:

— А связанные симуляторы?

— Когда симулятор встраивают в человекоподобное механическое тело, его соединяют — «связывают» — с удаленным ядром, потому что даже самое компактное ядро на миллиард слов нельзя сделать даже приблизительно таким маленьким, как мозг человека, — он снова замолк, и на мгновение его лицо распалось на мириады сверкающих точек, кружавшихся подобно пылинкам в луче солнечного света. — Прости. Впервые ты готов слушать, а я не готов продолжать лекцию. Когда-то давным-давно, прямо перед операцией, мне сказали, что мой симулятор — я — в определенных ситуациях сможет поддаваться эмоциям. До сегодняшнего дня я был убежден, что мне лгали. — Я хотел остановить его, но он выкатился из комнаты прежде, чем я смог оправиться от удивления.

Следующий час и даже больше, я сидел, вслушиваясь в шум дождя и размышлял о Федрии и словах мистера Миллиона. Все это перепуталось с вопросами, которые задавал отец ночью ранее — вопросами, которые, казалось, отнимали у меня ответы и оставляли внутри лишь пустоту, и в той пустоте начинали мелькать сны о заборах, стенах и скрытых рвах *ha-ha* с подпорными стенами, которые заметишь только перед тем, как свалишься в них. Однажды мне приснилось, что я стою внутри мощеного двора и окружают меня коринфские колонны, да так плотно, что не протиснуться, и в том сне я был ребенком трех-четырех лет. После нескольких попыток проплыть между

колоннами я заметил, что на каждой вырезано слово — единственное, что запомнилось мне, было *carapace*, — а двор на самом деле вымощен не брусчаткой, а погребальными табличками вроде тех, что вмурованы в полы некоторых старых французских церквей, и на каждой выгравировано мое имя, но с разными датами.

Этот сон преследовал меня, даже когда я думал о Федрии, а когда горничная принесла горячей воды — в то время я уже брился дважды в неделю, — я вдруг обнаружил, что крепко сжимаю лезвие бритвы, и порезался им так глубоко, что кровь струится по моей пижаме и стекает на постель.

* * *

Когда спустя три-четыре дня я вновь увидел Федрию, она уже с головой погрузилась в новый проект, в который втянула и нас с Дэвидом. Это была ни больше, ни меньше, а самая настоящая театральная труппа, состоящая по большей части из девочек ее возраста, которые собирались на протяжении всего лета играть пьесы в естественном амфитеатре парка. А поскольку труппа эта состояла в основном из девочек, актеры-мальчики пользовались большим спросом, и вскоре мы с Дэвидом обнаружили себя глубоко вовлеченными в процесс. Пьеса была написана комитетом актерского кружка, и ее действие — неизбежно — вращалось вокруг утраты политической власти первыми франкоязычными колонистами. Федрия, чья лодыжка не успевала срастись к премьере спектакля, должна была играть дочь-калеку французского губернатора, Дэвид — ее возлюбленного (бравого капитана

шассёров), а мне досталась роль самого губернатора, которую я охотно принял, потому что она была не только намного лучше роли Дэвида, но и предоставляла широкие возможности для проявления отцовской любви к Федрии.

Вечер спектакля, премьера которого состоялась в начале июня, я запомнил в мельчайших подробностях, и случилось это по двум причинам. Тетя Жаннин, которую я не видел с тех пор, как она захлопнула дверь за доктором Маршем, в самый последний момент объявила, что хочет посетить наше представление и что мне предстоит ее сопровождать. А мы, актеры, так боялись, что публика не придет, что я попросил отца прислать несколько девушек — они пропустили бы только раннюю часть вечера, когда клиентов еще совсем мало. К моему удивлению (полагаю, сочтя, что это будет хорошей рекламой), он согласился, поставив лишь одно условие, — девушки должны вернуться сразу по окончании третьего акта, если он пришлет за ними посыльного.

Я должен был явиться за час до спектакля, чтобы успеть нанести грим, поэтому, когда я отправился за тетушкой, было не позже пяти вечера. Она открыла дверь сама и тут же попросила меня помочь гувернантке достать с верхней полки стенного шкафа какой-то тяжелый предмет. Им оказалась складная инвалидная коляска, и мы собрали ее под руководством тети, после чего она отрывисто произнесла:

— Вы оба, помогите мне, — и, придерживаясь за наши руки, опустилась на сиденье коляски. Ее черная юбка подобно рухнувшему шатру легла на подставку для ног, и я увидел очертания ее тонких, как мои запястья, ног, а еще — странное, похожее на седло, утолщение пониже бедер. Тетя поймала мой взгляд и сказала:

— Не думаю, что это понадобится мне до возвращения домой. Приподними-ка меня. Встань сзади и ухвати под руки.

Я так и поступил, а горничная бесцеремонно сунула руки под юбку тети и вытащила маленькое обитое кожей устройство, на котором она сидела.

— Ну что, идем? — спросила тетя. — А то опоздаешь.

Горничная придержала дверь, и я выкатил тетю в коридор. Каким-то образом открытие того, что способность тети висеть в воздухе, словно дым, оказалась не только обретенной, но физической, и даже механической, взбудоражило меня еще сильнее. И когда она спросила, отчего я так притих, я признался в своих мыслях, и добавил, что никому прежде не удавалось сбрать работающее антигравитационное устройство.

— И ты думаешь, что у меня получилось? А тебе не приходило в голову, почему я не использую его, чтобы добраться до парка?

— Я думал, вы просто не хотите, чтобы его кто-то увидел.

— Чепуха. Это обычный протез, какой можно купить в любом хирургическом магазине. — Она вывернулась в кресле и посмотрела на меня. Ее лицо было очень похоже на лицо моего отца, а ее безжизненные ноги напомнили мне в тот момент о палочках, которые мы с Дэвидом представляли себе волшебными, и о том, как в детстве с помощью их магии пытались заставить мистера Миллиона поверить, что мы крепко спим в своих постелях, когда на самом деле прятались под кроватями. — Он создает сверхпроводящее поле и индуцирует вихревые токи в армированных стержнях в полу. Вихревые токи отталкивают соб-

ственное поле протеза, что и позволяет мне летать, если можно это так назвать. Я наклоняюсь, чтобы двигаться, и выпрямляюсь, чтобы остановиться. Ты выглядишь так, будто только что сбросил с души тяжкий груз.

— Так и есть. Мысль об антигравитации меня слегка пугала.

— Когда однажды я спускалась с тобой по лестнице, то использовала железные перила — очень кстати, что они имеют форму катушки.

Спектакль прошел достаточно гладко и завершился предсказуемыми аплодисментами тех зрителей, которые были потомками (или просто хотели себя таковыми считать) представителей старой французской аристократии. По правде говоря, публики собралось намного больше, чем мы надеялись: человек пятьсот зрителей, и это не считая неизбежных вкраплений вездесущих карманников, полиции и проституток. Ярче всего мне запомнился курьезный случай, произошедший во второй половине первого акта, в то время как я, сидя за столом на сцене, минут десять выслушивал реплики своих товарищей-актеров. Сцена была обращена к западу, и закат солнца окрашивал небо в зловещие фиолетово-красные цвета с прожилками золота, пламени и тьмы. И на этом неистовом фоне, напоминающем знамена Ада, подобно вытянутым теням легендарных гренадеров с плюмажами, по одной, по две, стали появляться головы, стройные шеи и узкие плечи отряда отцовских *demi-mondaines*. Они опоздали к началу представления и принялись занимать последние места на самой верхушке амфитеатра, окружая его так, как солдаты какого-нибудь древнего своюенравного правителя окружали бунтующую чернь.

Наконец они расселись, настал черед моей реплики, и я о них позабыл. Вот и все, что осталось в моей памяти о нашем первом выступлении, если не считать, что в какой-то момент мои движения напомнили публике манеры моего отца и вызвали волну неуместного смеха. И что в начале второго акта, заливая зрителей зеленым светом, в небе взошла Сент-Анн с ее неподвижными реками и травянистыми заливными лугами. А по завершении третьего акта явился низкорослый сутулый лакей отца и стройными рядами увел за собой черно-зеленые тени девушек.

Тем летом мы с не меньшим успехом поставили еще три пьесы, а Дэвид, Федрия и я стали дружной компанией, и уж не знаю, по собственной воле или по велению родителей, но Федрия старалась делить себя между нами поровну. Среди девушек, что приходили в парк, она лучше всех управлялась с мячом и ракеткой и, когда ее лодыжка зажила, стала для Дэвида достойной соперницей в спорте. Но так же часто она бросала все и приходила поболтать со мной на скамейке, расспрашивала об увлечениях ботаникой и биологией (хоть и не разделяла их), а так как благодаря чтению я обрел некое подобие таланта к каламбурам и остроумным ответам, Федрия радовалась любой возможности познакомить меня со своими друзьями.

А когда стало ясно, что денег, вырученных за первую пьесу, не хватит на костюмы и декорации для следующей, именно Федрия предложила во время будущих представлений ходить по рядам и собирать пожертвования, а толчая и суматоха позволяли совершать мелкие кражи для пользы нашего общего дела. Впрочем, большинство людей были достаточно умны, чтобы не брать с собой на вечернее представление, в темном парке, больше денег, чем необходимо

для покупки билетов и, может, стаканчика мороженого или бокала вина во время антракта. Таким образом, независимо от того, насколько нечистыми на руку мы были, прибыль наша оставалась скучной, и вскоре мы (особенно Дэвид и Федрия) принялись обсуждать возможность более рискованных и прибыльных авантюр.

Примерно в то же время, как следствие непрерывного и усиленного зондирования отцом моего подсознания, жестоких и почти еженощных допросов, смысл которых мне оставался неясен (а испытывая это на себе так долго, я почти перестал задаваться этим вопросом), я стал все чаще и чаще страдать от пугающих потерь контроля над сознанием. Большую часть времени, по словам Дэвида и мистера Миллиона, я вел себя хоть и необычайно тихо, но вполне естественно, а на вопросы отвечал пусть и отстраненно, но разумно, однако затем в районе полудня ни с того ни с сего я приходил в себя, изумленно таращился на знакомые комнаты, на лица, среди которых оказался, и совершенно не помнил, как просыпался, одевался, брился, завтракал и выходил на прогулку.

И хотя я любил мистера Миллиона все так же сильно, как в детстве, но после нашей беседы, в ходе которой узнал истинное значение символов на его боку, я уже не мог относиться к нему так, как прежде. Я всегда помнил, как помню и по сей день, что личность, которую я любил, умерла задолго до моего рождения, и что общаюсь я лишь с ее копией — не более чем математической моделью, реагирующей на человеческую речь и действия так, как это делал бы мой прадед. Я никогда не мог понять, обладает ли мистер Миллион самосознанием настолько, чтобы это давало ему право говорить: «я думаю», «я чувствую».

Когда я спросил его об этом, он смог объяснить только то, что и сам не знает ответа, и за неимением образца для сравнения, не может с уверенностью сказать, являются его мыслительные процессы настоящим сознанием или нет. И, естественно, я не мог знать, был его ответ результатом глубочайших раздумий человеческой души, каким-то образом выжившей в пляшущих абстракциях симулятора, или же, вызванный моим вопросом, ответ просто выдавался в виде фонограммы.

Как я и говорил, наш театр проработал до самого конца лета и дал последнее представление, когда на сцену, словно пожелтевшие надушенные письма из подброшенного в небо чемодана, уже опадали первые листья. Опустился занавес, мы, собственноручно написавшие и сыгравшие все пьесы сезона, вышли на поклон, и после того, как стихли последние аплодисменты, оказались вымотаны настолько, что смогли лишь смыть грим, переодеться и вместе с последними зрителями выбрасти по темным, обросшим кустарником тропкам парка на улицы города и разойтись по домам. По возвращении я готовился вернуться к своим обязанностям у главного входа, но в фойе меня уже поджидал лакей и сопроводил прямиком в библиотеку, где отец кратко объяснил, что поздние вечерние часы должен посвятить делам, и поэтому решил поговорить со мной (как он выразился) пораньше. Выглядел он усталым и больным, и, пожалуй, именно тогда мне впервые пришло в голову, что в один прекрасный день он умрет и я обрету, наконец, богатство и свободу.

Разумеется, я не помню, что говорил под действием наркотиков тем вечером, но сон, который мне приснился впоследствии, запомнился мне так живо, как если бы я

проснулся от него сегодня утром. Я плыл на корабле, белом корабле вроде тех, что тащили упряжки волов, да так медленно, что их острые носы вовсе не разгоняли зеленых вод паркового канала. Я был единственным членом команды и единственным живым человеком на борту. На корме, ухватившись за огромное рулевое колесо, стоял труп высокого худого мужчины. Труп держался за колесо так бессильно, что казалось, именно оно поддерживает и направляет его, а не наоборот. Его лицо, когда он повернулся ко мне, оказалось лицом с экрана мистера Миллиона. Как я и говорил, оно очень напоминало отцовское, но я знал, что мертвец у штурвала — не он.

Я пробыл на корабле очень долго. Казалось, мы дрейфуем по ветру всего в несколько баллов, но он постепенно усиливался. Когда ночью я поднимался на реи, — мачты, рангоуты и остальной такелаж дрожали и пели на ветру, белые паруса один за другим вздымались надо мной, и один за другим простирались вниз, а спереди и сзади высились облаченные в белое мачты. День за днем я работал на палубе, а летящие брызги насквозь пропитывали рубаху и оставляли на досках пятна, похожие на слезы, которые быстро высыхали на солнечном свету.

Я не помню, чтобы когда-либо наяву бывал на таком корабле, но, возможно, в младенчестве все-таки бывал, потому что его звуки — скрип мачт в гнездах, свист ветра в тысяче канатов и грохот волн о деревянный корпус — казались такими же живыми и настоящими, как звуки смеха и звон разбитого стекла над головой, которые я слышал в детстве, когда пытался уснуть, и как рев горна из цитадели, что иногда будил меня по утрам.

Меня наняли на корабль для какой-то работы, только вот я не знал для какой именно. Я таскал ведра с водой, отмывал запекшуюся кровь с палубы, натягивал канаты, ни к чему, казалось, не привязанные, или скорее крепко привязанные к чему-то намного выше парусов. С носа, рей и крыши просторной каюты капитана я следил за морской гладью, но когда вдалеке, сверкая раскаленной обшивкой, в море с шипением и грохотом вонзился звездолет, я не доложил об этом никому.

И все это время мертвец за штурвалом не умолкал. Его голова безвольно болталась на сломанной шее, и рывки колеса, вызванные бьющимися о руль корабля волнами, бросали ее от одного плеча к другому, запрокидывали к небу и роняли обратно вниз. Но мертвец все говорил и говорил, и из нескольких слов, что мне удалось уловить, я предположил, что он читает лекции об этической теории и ее постулаты кажутся сомнительными даже ему самому. От его речей меня окутывал страх, и я старался держаться поближе к носу, но временами ветер отчетливо доносил его слова, и когда бы я ни отрывал взгляд от работы, вдруг понимал, что стою к корме куда ближе, чем казалось, иногда почти касаясь мертвого рулевого.

И вот, когда я пробыл на корабле столь долго, что чувствовал себя бесконечно уставшим и одиноким, дверь одной из кают распахнулась и из нее, ровно плывя в двух футах над качающейся палубой, показалась моя тетя. Ее юбка не свисала безучастно, как я привык, а билась на ветру подобно флагу, из-за чего казалось, что тетушку вот-вот унесет. Не знаю почему, но я ее предостерег:

— Не подходите к человеку у штурвала. Он опасен!

— Чепуха, — ответила она так непринужденно, словно

мы встретились в коридоре у моей спальни. — Он уже слишком далек от того, чтобы причинять кому-то добро или зло, Номер Пять. Мой брат — вот кого следует бояться.

— Где он?

— Там, внизу, — сказала она и указала пальцем на палубу, как бы поясняя, что отец в трюме. — Он пытается выяснить, почему судно стоит на месте.

Я подбежал к краю палубы, выглянул за борт, но там была не вода, а ночное небо. Подо мной сияли звезды, бесчисленные звезды, разбросанные в бесконечном пространстве, и, взглянув на них, я понял, что корабль, как и сказала тетя, не только не двигался вперед, но даже не вращался, неподвижно качаясь на волнах. Я оглянулся, и тетя произнесла:

— Корабль не движется, потому что он закрепил его на месте до тех пор, пока не выяснит, почему корабль никуда не плывет.

И в тот момент я увидел, как скользну вниз по веревке в место, которое, как я считал, было корабельным трюмом. Запахло животными. Я проснулся, хотя и не сразу это осознал.

Мои ноги коснулись пола, и я увидел рядом с собой Дэвида и Федрию. Мы стояли полупригнувшись в какой-то огромной комнате. Федрия в тот день выглядела необычайно хорошо, но почему-то была напряжена и нервно кусала губы. Где-то закричал петух.

— Как думаешь, где он прячет деньги? — спросил Дэвид. В руках он держал набор инструментов.

Федрия, которая, похоже, ожидала, что он скажет что-то другое, а может просто в ответ на свои мысли, прошептала:

— У нас уйма времени. Мэридол покараулит.

Мэридол была одной из девушек, игравших с нами в пьесах.

— Ага, если не убежит. Так где, по-твоему, деньги?

— Точно не здесь. Скорее всего, внизу, за офисом, — она выпрямилась и медленно пошла вперед. Она была одета во все черное — от балетных туфелек до черной ленты, стягивающей ее черные волосы. Черная одежда изумительно подчеркивала ее белые руки и лицо, так что карминовые губы казались одиноким мазком краски, оставленным по ошибке. Мы с Дэвидом двинулись за ней.

По полу на расстоянии друг от друга были беспорядочно расставлены плетеные клети, и, когда мы проходили мимо, я увидел, что в каждой из них сидит по птице. Но едва добравшись до противоположной стороны комнаты — до лестницы, уходившей вниз через люк, — я понял, что птицы в клетках — бойцовые петухи. Столб света из слухового окошка добрался до одной из клеток, и запертый в ней петух встал, потянулся, вытаращил свирепые красные глаза и распустил яркое, как у попугая макао, оперение.

— Скорее, — поторопила Федрия. — Дальше собаки, — и мы последовали за ней вниз по лестнице. Этажом ниже творился ад кромешный.

Собаки сидели на цепях в одиночных стойлах с широкими проходами между ними и высокими перегородками, чтобы псы не могли видеть друг друга. Бойцовые псы всех мастей и пород, от десятифунтовых терьеров до мастиффов размером с небольшую лошадь, жестокие звери с бесформенными, как нарости на старых деревьях, головами, и челюстями, способными разом перекусить обе ноги человека. Шум от лая стоял невыносимый, и, пока мы спускались по лестнице, он сотрясал нас подобно

какому-то плотному вязкому веществу. Оказавшись внизу, я взял Федрию за руку и жестами (потому как, где бы мы ни были, находились мы там без разрешения) дал понять, что нужно сматываться. Федрия покачала головой и что-то тихо прошептала, но я ничего не понял, даже когда она повторила это, выразительно шевеля губами, и тогда, смочив палец, она написала на пыльной стене: «Они всегда так лают — на уличный шум, на что угодно».

Лестница вниз на следующий этаж находилась за массивной, но незапертой дверью, которую навесили скорее лишь для того, чтобы не пропускать шум. Когда мы закрыли ее за собой, мне стало намного легче, хотя лай был все еще очень громким. К тому времени я уже полностью пришел в себя и собирался объяснить Дэвиду и Федрии, что не понимаю, где мы находимся и зачем, но все же постыдился в этом признаться. В конце концов, не так уж было и сложно догадаться о наших намерениях. Дэвид спросил о деньгах, а прежде мы часто говорили — тогда эти разговоры казались мне лишь полупустым бахвальством — об одном-единственном ограблении, которое полностью освободит нас от необходимости лазить по чужим карманам.

Где мы находились, я узнал уже после того, как мы ушли, а как туда пробрались, догадался, собрав воедино крупицы из обрывков случайных фраз. Первоначально здание строилось под склады и стояло на Рю де Эгу, прямо возле залива. Его владелец поставлял товар организаторам всевозможных боев, и считалось, что у него самый большой ассортимент всяческих бестий в Округе. Отец Федрии как-то раз услышал, что этот человек недавно доставил сюда на корабле часть своего лучшего товара, и,

когда торговец позвал его к себе, он прихватил с собой и Федрию. А так как все знали, что место это никогда не открывается раньше, чем прозвенит последний ангелюс, мы пришли на следующий день сразу после второго перезвона и залезли через одно из слуховых окошек.

Миновав собак, мы спустились на второй этаж здания, и, признаюсь, мне трудно описать, что мы там увидели. Бойцовых рабов я видел и раньше, когда мы с Дэвидом и мистером Миллионом ходили через невольничий рынок в библиотеку, но никогда больше одного или двух за раз, да к тому же они всегда были надежно закованы в цепи. Здесь же они лежали, сидели и слонялись из угла в угол, и на секунду я даже задумался, как это они еще не разорвали друг друга на части, и нас троих в придачу. Но затем увидел, что каждый сидит на короткой цепи, закрепленной в полу, и по кругам из царапин не составляло труда определить, как далеко способен дотянуться раб. Здешняя мебель — убогие подстилки из соломы, несколько стульев и скамеек — была либо слишком легкой, чтобы причинить вред при броске, либо очень прочной и прибитой к полу. Я ждал, что рабы начнут кричать и угрожать нам, потому что слышал, как они грозили друг другу перед тем, как их закрывали в клетке, но, видимо, они понимали, что до тех пор, пока сидят в цепях, они ничего не могут сделать. Когда мы пробирались к лестнице, каждый поднимал на нас взгляд, но никакой еды у нас с собой не было, и интерес к нам они потеряли намного быстрее, чем псы этажом выше.

— Они ведь не люди, правда? — спросила Федрия. Она шла, держа спину ровно, как солдат на параде, наблюдала за рабами, с интересом изучавшими ее, и я вдруг понял,

что она стала выше и намного тоньше той «Федрии», которую я себе представлял, когда думал о ней. Теперь она была не просто симпатичной девушкой, но настоящей красавицей. — Они больше похожи на животных.

Благодаря занятиям я знал о рабах больше нее, и рассказал, что еще в младенчестве (иногда даже в детстве или юности) они были обычными людьми, и все их отличия от остальных — это лишь последствия хирургического вмешательства (иногда в мозг) и введения химических препаратов, вызывающих изменения в их эндокринной системе. Ну и, конечно же, шрамы.

— Твой отец проделывает все это с маленькими девочками, не так ли? Для нужд вашего дома.

— Да, но очень редко, — сказал Дэвид. — Это занимает кучу времени, да и к тому же большинство предпочитает нормальных девушек, даже если это очень странные девушки.

— Я бы хотела на них взглянуть, — мечтательно произнесла Федрия. — Я имею в виду тех, над кем он поработал.

Я все еще думал о бойцовых рабах вокруг, и сказал:

— Ты разве не видела таких, как они? Мне казалось, ты бывала здесь раньше. О собаках-то ты знала.

— О нет, конечно же, я видела их, и владелец мне о них рассказывал. Наверное, я просто размышляла вслух. Было бы ужасно, если бы они все еще оставались людьми.

Рабы провожали нас взглядами, и мне стало интересно, понимают ли они, о чем она говорит.

Первый этаж разительно отличался от верхних. Стены его были обшиты деревянными панелями, на них висели картины с изображениями собак, петухов, рабов и диковинных животных. Из высоких, узких окон открывался

вид на залив и Рю де Эгу, а внутрь они пропускали лишь тонкие лучи яркого солнечного света, которые то тут, то там выхватывали из сумрака подлокотник богатого кожаного кресла, квадрат темно-бордового коврика не больше книги, да наполовину полный графин. Я сделал три шага внутрь комнаты и понял, что мы обнаружены. В нашу сторону шагал высокий, узкоплечий молодой человек, который с испуганным видом остановился одновременно со мной. Юноша оказался всего лишь моим собственным отражением в настенном зеркале с позолоченной рамой, и на мгновение я ощутил смятение, возникающее, когда в незнакомой фигуре внезапно узнаешь близкого друга, и тебе, возможно впервые, удается взглянуть на него по-новому, с другой, ранее неизвестной тебе стороны. Мрачный юноша с острым подбородком, которого я увидел в зеркале за секунду до того, как признал в нем себя, был тем, кого видели перед собой Федрия, Дэвид, мистер Миллион и тетушка Жаннин, когда смотрели на меня.

— Здесь он принимает клиентов, — сказала Федрия. — Когда он пытается продать кого-то, то просит своих людей приводить товар по одному, чтобы вы не видели весь ассортимент, но собак отлично слышно даже здесь, поэтому он провел нас с папá наверх и все показал.

— А он случайно не показывал вам, где держит деньги? — в шутку спросил Дэвид.

— Обернись. Видишь вон тот гобелен? На самом деле это занавес. Когда папа говорил с ним, пришел какой-то его должник, расплатился, и торговец унес деньги туда.

Дверь за гобеленом вела в маленький офис с еще одной дверью на противоположной стороне, но ни сейфов, ни сундуков в нем не было. Дэвид сломал замок стола

ломиком из своего набора, но внутри лежали всего лишь кучи обычных бумаг, и я уже собрался было открыть вторую дверь, когда из комнаты за ней послышался то ли шорох, то ли шарканье.

С минуту никто из нас не двигался. Я замер с рукой на засове. Федрия за моим левым плечом искала тайник под ковром, да так и застыла на корточках, а юбка черным озером расстелилась у ее ног. Откуда-то из-за взломанного стола доносилось дыхание Дэвида. Шарканье за дверью повторилось, скрипнула доска.

— Это животное, — тихо прошептал Дэвид.

Я убрал руку с засова и посмотрел на него. Дэвид все еще сжимал ломик и был белее мела, но улыбался:

— Животное на привязи скребется об пол, вот и все.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— Любой, кто там есть, наверняка услышал нас, особенно когда мы взламывали стол. Если бы это был человек, он бы уже вышел, а если бы испугался, то спрятался бы и сидел тихо.

— Думаю, он прав. Открывай, — сказала Федрия.

— Хорошо, но сначала... Что, если это все-таки не животное?

— Это оно, — уверенно сказал Дэвид.

— Ну а если все же нет?

Ответ был написан на их лицах. Дэвид покрепче сжал ломик, и я отворил дверь. Комната за ней оказалась больше, чем я ожидал, но пустой и грязной. Единственный свет, проникавший в нее, исходил из окошка, расположенного высоко под потолком дальней стены. Посередине стоял большой, окованный железом сундук из темного дерева, а перед ним лежало нечто, походившее на кучу тряпья.

Как только я шагнул внутрь из устеленного ковром офиса, тряпки зашевелились, и ко мне повернулось треугольное, как у богомола, лицо. Его подбородок едва ли выше, чем в дюйме, висел над полом, но в глазах под густыми бровями горели крошечные алые огоньки.

— Должно быть, это здесь, — сказала Федрия. Она не обращала внимания на существа, а смотрела на окованный сундук. — Дэвид, ты сможешь его взломать?

— Думаю, да, — ответил Дэвид, но, как и я, он следил за глазами оборванного нечто. — А с ним что делать? — спросил он мгновение спустя и ткнул в сторону существа. Но не успели мы с Федрией ответить, как оно открыло рот, полный длинных редких серо-желтых зубов.

— Больно, — простонало оно.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что никто из нас не ожидал, что оно умеет говорить. С нами как будто заговорила мумия. Снаружи проехала карета, грохоча железными колесами по мостовой.

— Уходим, — сказал Дэвид. — Давайте поскорее уберемся отсюда.

— Но ему же плохо, разве ты не видишь? — возразила Федрия. — Наверное, хозяин привел его сюда, чтобы присматривать и заботиться о нем. Оно болеет.

— И он приковал больного раба к кассе? — спросил Дэвид, задрав бровь.

— Ты что, не понимаешь? Это единственная тяжелая вещь в комнате. Нужно всего лишь подойти и дать бедняге по башке. Если боишься, дай мне ломик, и я сделаю все сама.

— Нет, я сам.

Я пошел за ним и остановился в нескольких футах от

сундука. Дэвид властно поднял на раба руку с ломиком и произнес:

— Ты! Проваливай.

Раб издал булькающий звук и пополз в сторону, волоча за собой цепь. Он был закутан в грязное, рваное одеяло и казался не крупнее ребенка, однако я отметил, что ладони у него были громадными.

Я повернулся и шагнул в сторону Федрии, намереваясь убедить ее сразу же уйти, если Дэвиду не удастся открыть замок за несколько минут. Помню, как прежде, чем я что-то услышал или почувствовал, ее глаза расширились, и не успел я спросить, в чем дело, как набор инструментов Дэвида с грохотом опустился на пол, а сам Дэвид, тяжело дыша, с глухим звуком рухнул следом за ним. Федрия закричала, и с третьего этажа сразу послышался собачий лай.

Все это, конечно, заняло меньше секунды. Я повернулся сразу же, как только Дэвид упал. Раб выбросил вперед руку, поймал Дэвида за лодыжку, а затем в одно мгновение сбросил одеяло и прыгнул (только так я могу это описать) на него сверху.

Я схватил раба за шею и дернул его назад, решив, что он вцепился в Дэвида и его нужно немедленно оторвать, но как только раб почувствовал это, он тут же отбросил Дэвида и стал корчиться в захвате, словно паук. У него было четыре руки.

Я видел, как они извивались, пытаясь до меня дотянуться. Я отпустил его и в ужасе отпрянул, как будто мне в лицо бросили крысу. Это инстинктивное отвращение спасло меня — он вывернулся, ударил ногой, и если бы в тот момент я держался за него достаточно крепко,

чтобы дать ему точку опоры, то для меня бы все кончилось разрывом печени или селезенки и, как следствие, смертью.

Но вместо этого он пролетел вперед, а я, задыхаясь, назад. Я упал, откатился и оказался за пределами круга, выбраться за который ему мешала цепь. Дэвид к тому времени успел отползти, Федрия тоже держалась на безопасном расстоянии. Какое-то мгновение, пока я пытался сесть, дрожа от страха, мы молча таращились на раба. Затем Дэвид иронично процитировал:

*Битвы и мужа пою, кто роком
и злопамятным гневом Юноны ведомый,
Бежал, покинул берега родной Трои.*

Никто не засмеялся, и только Федрия протяжно выдохнула и спросила:

— Как им это удалось? В смысле, сотворить из него вот это?

Я предположил, что, скорее всего, ему пересадили лишнюю пару рук, предварительно подавив естественную сопротивляемость организма к чужеродным трансплантатам, и что во время операции ему наверняка удалили несколько ребер и заменили их плечевой структурой донора.

— Как-то раз я пытался проделать нечто подобное во время своих опытов над мышами — в менее амбициозных масштабах, разумеется. И, признаюсь, я поражен тем, как свободно он пользуется второй парой рук. Если вы работаете не с абсолютно идентичными близнецами, то нервные окончания вряд ли когда-нибудь приживутся должным образом, и кто бы это ни сотворил, вероятно, он потерпел сотни неудач прежде, чем получил то, что хотел. Уверен, этот раб стоит целое состояние.

— Я думал, ты завязал с мышами и переключился на обезьян, разве нет?

Нет, на обезьян я не перешел, хотя очень хотел. Так или иначе, было ясно, что болтовня нам сейчас не помощник. Так я и сказал Дэвиду.

— Тебе же больше всех не терпелось отсюда смыться, — съязвил Дэвид.

И он был прав, но в тот момент мне куда сильнее хотелось кое-чего другого. Провести вскрытие и исследовать это существо я хотел больше, чем Дэвид и Федрия когда-либо хотели денег. Дэвиду всегда нравилось считать себя намного смелее меня, и я знал, как его приструнить.

— Если ты струсил, можешь уходить, только не нужно прикрываться мной, братец.

Он бросил на меня сердитый взгляд.

— Отлично. Как будем его убивать?

— Ему до нас не дотянутся. Можем просто кидать в него что-нибудь тяжелое.

— Ага, конечно. А он швырнет обратно все, от чего увернется.

Все время пока мы спорили, существо, этот четырехрукий раб, не переставал зло улыбаться. Я был абсолютно уверен, что он понимает по крайней мере часть из того, что мы говорим, и подал Дэвиду и Федрии знак вернуться в комнату со взломанным столом. Мы вышли, и я прикрыл за нами дверь.

— Не хочу, чтобы он нас слышал. Будь у нас какое-то древковое оружие, вроде копий или чего-то такого, мы могли бы убить его с расстояния. Что мы можем использовать в качестве древка? Есть идеи?

Дэвид покачал головой, но Федрия произнесла:

— Погодите-ка. Кажется, я кое-что вспомнила.

Мы уставились на нее, пока она, сдвинув брови, притворялась, что роется в памяти, хотя на самом деле просто наслаждалась нашим вниманием.

— Ну, и? — не выдержал, наконец, Дэвид.

Она щелкнула пальцами:

— Оконные шесты! Ну, знаете, такие длинные палки с маленьким крючком на конце? Помнишь окна в комнате, где он принимает покупателей? Они находятся почти под самым потолком, и, пока он говорил с папá, один из слуг принес такую палку и открыл ею окно. Они должны быть где-то здесь.

Спустя пять минут поисков мы отыскали целых две. Они подходили в самый раз: палки из крепкого дерева, шестью футами длиной и дюймом с четвертью в диаметре. Дэвид помахал своей, сделал шутливый выпад в сторону Федрии, а потом спросил:

— А чем заменим наконечники?

В нагрудном кармане я всегда носил футляр со скальпелем и примотал скальпель к шесту с помощью изоленты, которую Дэвид, к счастью, держал на ремне отдельно от остальных инструментов, но мы не нашли из чего можно было бы сделать второй наконечник, и в итоге он предложил взять простой осколок стекла.

— Окно разбивать нельзя, — запротестовала Федрия. — Нас услышат с улицы. К тому же, осколок просто сломается, когда ты попытаешься ткнуть его.

— Если стекло будет толстое, то не сломается. Эх вы, смотрите и учитесь!

Я посмотрел и — снова — увидел собственное лицо. Дэвид указывал на большое зеркало, которое так удивило

меня, когда я спускался по лестнице. Пока я смотрел на свое отражение, он пнул зеркало ногой, и оно с треском рассыпалось. Сверху снова раздался собачий лай. Дэвид выбрал самый длинный треугольный осколок, поднес его к свету, и тот блеснул, словно драгоценный камень.

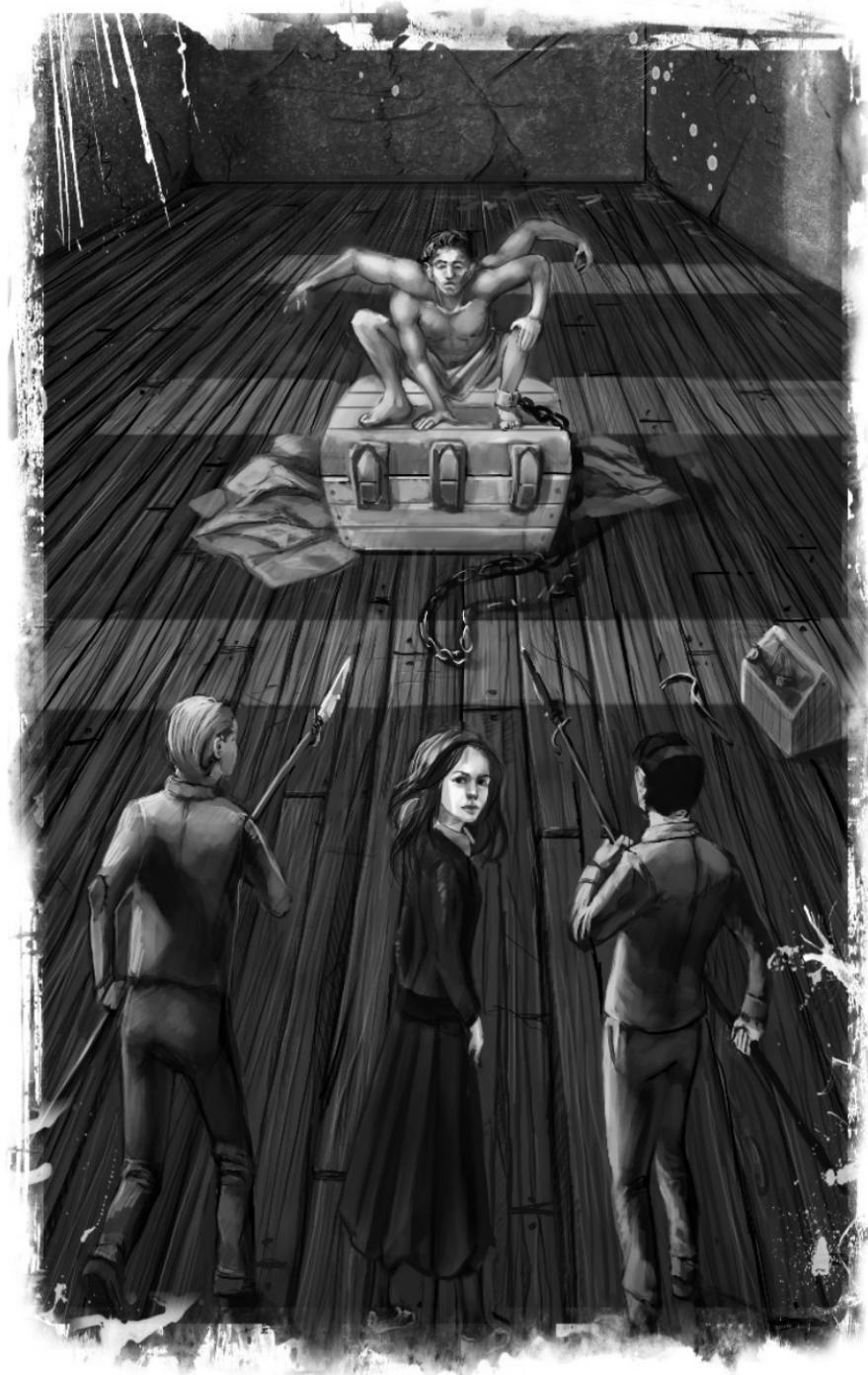
— Ничем не хуже тех, что делали из агата и яшмы на Сент-Анн, правда?

* * *

Обсудив план, мы вернулись в комнату и двинулись на врага одновременно с двух сторон. Раб вскочил на сундук и спокойно наблюдал за нами глубоко посаженными глазами, переводя взгляд с Дэвида на меня, пока, наконец, мы не подошли совсем близко. Дэвид бросился на него.

Раб извернулся, когда стекло полоснуло его по ребрам, схватил копье Дэвида за древко и дернул на себя. Я сделал выпад, но промахнулся, и не успел я вернуться в исходную стойку, а существо уже спрыгнуло с сундука и боролось с Дэвидом на полу у дальней стены. Я наклонился над ним, стал колоть, и колол до тех пор, пока Дэвид не вскрикнул — я понял, что случайно вогнал скальпель ему в бедро. Я увидел кровь, яркую артериальную кровь, которая брызнула струей и окропила доски пола, отшвырнул копье, прыгнул через сундук и бросился на раба.

Он был готов к этому и, ухмыляясь, лежал на спине, вздернув ноги и все четыре руки кверху, прямо как дохлый паук. Уверен, он придушил бы меня за несколько секунд, если бы Дэвид, осознанно или нет, не выбросил руку и не ткнул пальцами в глаза существа, в результате чего тот не сумел меня схватить, и я упал промеж его распостертых рук.

* * *

Больше рассказывать, в общем-то, и нечего. Раб отпихнул Дэвида в сторону и попытался укусить меня за горло, но я воткнул большой палец ему в глаз, изо всех сил стараясь держать его на расстоянии. Федрия, с большей отвагой, чем я мог от нее ожидать, сунула мне в свободную руку копье Дэвида со стеклянным наконечником, и я всадил его рабу в шею — подозреваю, что успел перерезать ему трахею и обе яремные вены, прежде чем он умер. Мы наложили жгут на ногу Дэвида и ушли, не получив ни денег, ни знаний, которые я надеялся извлечь из тела раба. Мэридол помогла нам довести Дэвида до дома, а мистеру Миллиону мы сказали, что он упал, когда мы лазали по заброшенному дому — впрочем, я сильно сомневаюсь, что он нам поверил.

Однако, несмотря на то, что мне не терпится побыстрее перейти к открытию, сделанному немногим позже и оказавшему на меня куда большее влияние, есть еще одна деталь, о которой нельзя не упомянуть, говоря об этом происшествии. Это образ, искаженный и преувеличенный моей памятью. Когда я снова и снова вонзал осколок в шею раба под лучами света, льющегося из окон высоко позади нас, наши лица почти соприкасались, и в зрачках его глаз я увидел раздвоенное отражение своего лица, и оно показалось мне в точности таким же, как у раба. Я никогда не забуду слова доктора Марша о возможности выращивания неограниченного числа идентичных личностей путем клонирования, и о том, что раньше, когда я был маленьким, отец пользовался репутацией торговца детьми. После

освобождения я пытался отыскать хоть какие-то следы матери, той женщины на фотографии, которую показывала тетя Жаннин, но тщетно — снимок, несомненно, был сделан задолго до моего рождения — может быть, даже на Земле.

Упомянутое открытие я сделал сразу, как только мы покинули здание, где я убил раба, и заключалось оно вот в чем: на улице стояла не сырья осень, а самый разгар лета! Все мы четверо — Мэридол уже успела к нам присоединиться — были крайне обеспокоены состоянием Дэвида и занимались сочинением истории, объясняющей его травму, что несколько смягчило испытанный нами шок, но никаких сомнений не было: стоял обычный для всякого лета жаркий день, с присущей ему томностью и духотой. Деревья, запомнившиеся мне почти голыми, покрывала густая листва, а среди ветвей шумели бесчисленные иволги. Над фонтаном в нашем саду больше не витал пар от подогретой воды, которую включали, чтобы не мерзли и не лопались трубы. Когда мы проходили мимо, держа Дэвида под руки, я провел рукой по воде — она была прохладной, как роса.

Это значило, что провалы в памяти, мои «хождения во сне», обострились и целиком поглотили зиму и весну. Я вдруг почувствовал, что потерял себя.

Когда мы вошли в дом, мне на плечо запрыгнула обезьянка, которую я поначалу принял за отцовскую. Позже мистер Миллион объяснил, что обезьянка принадлежит мне — я выбрал ее из числа своих подопытных животных и сделал домашним любимцем. Я не узнал маленькую бестию, но шрамы под шерстью и вывернутые конечности говорили о том, что она знакома со мной очень хорошо.

(Попо живет со мной и по сей день, а пока я сидел в тюрьме, за ней приглядывал мистер Миллион. В хорошую погоду она взбирается по серым, осыпающимся стенам этого дома, носится по парапету, и, когда я вижу ее сутулый силуэт на фоне неба, мне кажется, что отец все еще жив и вечером меня снова позовут в библиотеку, — но я прощаю зверька за это.)

* * *

Отец не стал вызывать врача для Дэвида и лично занялся его лечением. Если ему и было интересно, каким образом тот получил травму, он никак этого не показывал. Кажется мне (уж не знаю, насколько полезна эта догадка теперь, после стольких-то лет), он верил, что это я порезал его во время какой-то перепалки. Я говорю так, потому что после того случая он как будто начал опасаться чего-то каждый раз, когда мы оставались наедине. Отец мой был не из пугливых: на протяжении многих лет ему нередко приходилось иметь дела с самыми отвратительными из преступников, но рядом со мной он больше не чувствовал себя в безопасности, стал более сдержаным и осмотрительным. Хотя возможно, его поведение изменилось вследствие каких-то моих слов или поступков, совершенных той забытой зимой.

Мэридол и Федрия, равно как моя тетя и мистер Миллион, часто навещали Дэвида, так что комната нашего больного стала для всех нас чем-то вроде места встреч, куда лишь изредка заглядывал отец. Мэридол была худенькой, светловолосой, добросердечной девушкой, и я очень ею увлекся. Когда она уходила домой, я частенько провожал

ее, а по пути назад заглядывал на невольничий рынок и, как мы часто делали с мистером Миллионом и Дэвидом, покупал жареный хлеб, сладкий черный кофе и наблюдал за торговыми рядами. В мире не найдешь ничего более скучного, чем лица рабов, но я заметил, что не могу оторвать от них взгляда, и прошло много времени, не меньше месяца, прежде чем я понял — совершенно случайно я нашел в них то, что искал. На помост вывели молодого мужчину, уборщика. Его лицо и спина были испещрены рубцами от кнута, а зубы сломаны, но я все же узнал его: покрытое шрамами лицо было в точности таким, как у меня или отца. Я заговорил с ним, хотел выкупить и освободить его, но он отвечал в угодливой рабской манере, и я с отвращением развернулся и пошел домой.

В следующий раз, когда отец вызывал меня в библиотеку — чего не делал уже в течение нескольких ночей, — я разглядывал наши отражения в зеркале, скрывавшем вход в лабораторию. Отец выглядел моложе своих лет, я — старше. Мы могли показаться одним и тем же человеком. А когда он стоял ко мне лицом и я смотрел через его плечо, не видя собственного тела, а только его руки и мои, мы казались тем самым бойцовым рабом.

Не помню, кто первым предложил его убить. Помню только, что однажды вечером, проводив Мэридол и Федрию, я уже собирался лечь спать и вдруг осознал, что перед этим мы с девочками, мистер Миллион и тетя Жаннин сидели у кровати Дэвида и обсуждали именно это.

Не открыто, конечно. Возможно, мы боялись признаться в этом даже самим себе. Тетя упомянула о деньгах, которые, как она считала, прятал отец, Федрия мечтала о роскошной, как дворец, яхте. А Дэвид говорил о том,

какую потрясающую можно устроить охоту и сколько политической власти могут дать деньги.

Я же только молчал и думал о всех тех часах, неделях и месяцах, что он у меня отнял. Об уничтожении моего «я», которое он голодал ночь за ночь. О том, что могу сегодня войти в библиотеку, а затем очнуться и обнаружить, что я старик и в придачу, возможно, нищий.

Я понял, что должен убить отца, потому что, если я случайно выдам ему свои мысли под действием препараторов, лежа на потертой коже старого стола, он покончит со мной без колебаний.

В ожидании камердинера я составил план. Не будет никакого расследования, ни освидетельствования смерти отца. Я просто заменю его. Для наших клиентов ничего не изменится, они не заметят подмены. Друзья Федрии скажут, что я поссорился с ним и ушел из дома. Поначалу я буду скрываться от чужих глаз, а затем постепенно, в гриме, начну принимать некоторых привилегированных гостей в темной комнате. План был невыполнимый, но в то время он казался мне вполне достижимым, если не сказать пустяковым. Скальпель лежал в кармане и дожидался своего часа, а тело можно было уничтожить прямо в лаборатории.

Он прочитал это в моих глазах. В его голосе ничего не изменилось, но, думаю, он все прекрасно понимал. В комнате появились цветы, чего прежде никогда не было, и мне стало интересно, не догадался ли он обо всем раньше и велел принести их ради такого особого случая. Вместо того чтобы приказать мне лечь на обитый кожей стол, отец указал на кресло, а сам уселся за письменный стол.

— У нас сегодня будут гости, — сказал он.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Знаю, ты сердишься на меня. Я видел, как в тебе зреет злоба. Разве ты не знаешь, кто... — он собирался продолжить, но его прервал стук в дверь, и он крикнул: — Войдите!

Дверь открыла Нерисса. Она привела с собой одну из демимонденок и доктора Марша. Я удивился ему, но еще больше удивился тому, что в библиотеку отца допустили девушку. Она присела рядом с доктором Маршем, всем своим видом показывая, что сегодня она принадлежит ему одному.

— Добрый вечер, доктор, — поприветствовал его отец. — Надеюсь, вы всем удовлетворены?

Марш улыбнулся, явив взору крупные, квадратные зубы. В этот раз он был одет по самой последней моде, но контраст между бородой и бесцветной кожей бросался в глаза, как никогда.

— И душой, и телом, — ответил он. — Я видел голую девушку, великаншу вдвое выше обычного человека. Она прошла сквозь стену.

— Это голограмма, — сказал я.

— Знаю, — он снова улыбнулся. — Я видел и много других вещей. Я бы с радостью перечислил их все, но боюсь, это вас лишь утомит. Удовлетворюсь тем, что скажу: у вас замечательное заведение. Но вы это и без меня знаете.

— Всегда приятно услышать это еще раз, — поблагодарил отец.

— Вы готовы продолжить нашу дискуссию?

Отец посмотрел на девушку. Она встала, поцеловала доктора Марша и вышла из комнаты. Тяжелая дверь библиотеки захлопнулась за ней с мягким щелчком.

* * *

Со звуком, похожим на щелканье выключателя или треск старого стекла.

* * *

Впоследствии я часто вспоминал об этой девушке и о том, как она покидала библиотеку: туфли на высоком каблуке, гротескные длинные ноги, платье с открытой спиной, вырез которого опускался на дюйм ниже копчика. Обнаженная шея, туго стянутые, зачесанные кверху волосы, пронизанные лентами и крохотными огоньками. Хоть она никак не могла об этом догадываться, но, закрыв за собой дверь, девушка тем самым положила конец тому миру, в котором мы с ней оба жили.

— Она будет дожидаться вас снаружи, — заверил Марша отец.

— А даже если нет, уверен, вы предоставите мне кого-нибудь взамен, — зеленые глаза антрополога блеснули в свете лампы. — Ну а пока, чем я могу быть полезен?

— Вы изучаете расы, доктор. Скажите, вы могли бы назвать расой группу похожих друг на друга и одинаково мыслящих мужчин?

— И женщин, — с улыбкой кивнул Марш.

— А здесь, — продолжал отец, — здесь на Сент-Круа, вы же собираете материалы, которые потом заберете с собой на Землю?

— Да, я собираю материалы. Но, так или иначе, я сомневаюсь, что вернусь на Землю.

Должно быть, я слишком резко на него посмотрел. Он повернулся и, если такое вообще возможно, улыбнулся еще более снисходительно, чем прежде.

— Ты удивлен?

— Я всегда считал Землю колыбелью научной мысли, — ответил я. — Я легко могу представить ученого, покидающего ее для исследований...

— Но тебе кажется немыслимым, чтобы хоть один из них не захотел вернуться? Давай рассмотрим мое положение. К счастью для меня, ты не одинок в своем уважении к седине и мудрости отчей планеты. Как человеку с земным образованием, мне предложили вести факультет в вашем университете с практически любым окладом, какой мне взбредет в голову назвать, и академическим отпуском каждые два года. К тому же, возвращение на Землю занимает двадцать лет ньютоновского времени. Мне они покажутся, конечно же, всего лишь шестью месяцами, но к моменту прибытия домой мои знания окажутся устаревшими на целых сорок лет. Нет, боюсь, в моем лице ваша планета обрела новое научное светило.

— Кажется, мы уходим от темы, — заметил отец.

Марш кивнул, но добавил:

— Я как раз собирался сказать, что антрополог, как никто другой, способен почувствовать себя как дома в любых культурных условиях — даже таких странных, как те, что создала вокруг себя ваша семья. Думаю, я смело могу называть вас семьей, раз уж помимо *тебя* здесь проживают еще двое. Ты же не возражаешь, если я буду говорить о вас двоих в единственном числе?

Он посмотрел на меня, как будто ожидая возражений, но я промолчал, и он продолжил:

— Я говорю о твоем сыне Дэвиде — поскольку именно сыном, а не братом он приходится твоей неизменной личности — и о женщине, которую ты называешь тетей. В действительности же она дочь твоей ранней... э-э-э... версии, если позволите.

— Вы пытаетесь сказать, что я клонированная копия своего отца, и, как вижу, вы оба ожидали, что я буду шокирован. Что ж, я вас разочарую. Я давно об этом подозревал.

— Рад это слышать, — сказал отец. — Честно говоря, когда я был в твоем возрасте, это открытие сильно меня потрясло. Я отправился в библиотеку отца — в эту самую комнату — с желанием взглянуть ему в лицо и твердым намерением его убить.

— И что же? Ты его убил? — поинтересовался доктор Марш.

— Сейчас это уже не имеет значения — главное, что такое намерение у меня возникло. Я надеялся, что ваше присутствие поможет Номеру Пять легче перенести эту новость.

— Номер Пять? Так ты его называешь?

— Так намного удобнее, особенно учитывая, что у нас одинаковые имена.

— Он твой пятый клонированный ребенок?

— Пятый эксперимент? Нет, — отец сжался и втянул высокие плечи, завернутые в выцветший багрянец старого халата, отчего он стал похож на какую-то дикую птицу, и я тут же вспомнил, как читал в учебнике по естествознанию о птице под названием красноплечий канюк. Поседевшая с возрастом отцовская обезьянка взобралась на стол. — Скорее пятидесятый, если вам так интересно знать. Прежде

чем достигнуть успеха, мне пришлось много практиковаться. Вам эта техника может показаться простой, потому как вы слышали, что клонирование возможно, но вы и понятия не имеете, как трудно предотвратить возникновение самопроизвольных отлучий. Каждый ген, который доминирует во мне, должен остаться доминантным, но люди не садовый горох, который подчиняется простым законам Менделя.

— А что с неудачными клонами? Ты их уничтожил?

— Он их продал, — ответил я. — В детстве мне всегда было интересно, зачем мистер Миллион останавливается на невольничьем рынке и разглядывает рабов. Но со временем я догадался. — Футляр со скальпелем все еще лежал в нагрудном кармане. Я чувствовал его при каждом вдохе.

— Мистер Миллион, — сказал отец, — похоже, немного более сентиментален, чем я — к тому же, я не люблю выходить из дома. Видите ли, доктор, в ваше предположение о том, что на самом деле мы одна и та же личность, необходимо внести маленькую поправку. У каждого из нас есть небольшие индивидуальные отличия.

Доктор Марш собирался ответить, но я прервал его:

— Зачем? — спросил я. — Зачем тебе понадобились Дэвид и я? Зачем понадобилась тетя Жаннин много лет назад? Зачем тебе продолжать все это?

— Именно! — ответил отец. — Зачем? Мы задаем вопросы, чтобы задавать вопросы!

— Я тебя не понимаю. Что ты хочешь этим сказать?

— Я стремлюсь к самопознанию! Или, если хочешь, «мы» стремимся! Ты здесь благодаря моему стремлению, а я здесь благодаря стремлению своего предшественни-

ка, который в свою очередь был сотворен человеком, чей разум запечатлен в мистере Миллионе. Мы неустанно ищем ответы на множество вопросов, и один из них: зачем мы это делаем? Однако есть и нечто большее, — он наклонился вперед. Обезьянка подняла свою белую мордочку и озадаченно взглянула на него блестящими глазками. — Мы жаждем узнать, почему другие возносятся и преображаются, а мы остаемся неизменными.

Я вдруг вспомнил о яхте, о которой говорил с Федрией, и заявил:

— Я здесь не останусь.

Доктор Марш улыбнулся, а отец ответил:

— Кажется, ты меня не понял. Я не о том, что мы никуда не уезжаем. Я пытаюсь сказать, что мы не развиваемся социально и интеллектуально. Я ведь путешествовал, и ты тоже можешь, но...

— Но, в конце концов, все равно вернешься сюда, — закончил за него доктор Марш.

— Здесь наш предел! — Пожалуй, это был единственный случай, когда я видел отца таким возбужденным. Он как будто на секунду лишился дара речи, а затем резко махнул рукой на полки с множеством записных книжек и звуковых пленок. — И это после стольких поколений! Мы не достигли ни славы, ни власти даже на этой жалкой колониальной планетке! Что-то определенно нужно менять, но что?! — вскричал отец и гневно уставился на доктора Марша.

— В этом ты отнюдь не уникален, — сказал доктор Марш и усмехнулся. — Звучит как прописная истина, правда? Но я не имею в виду то, что ты копируешь сам себя. Я хочу сказать, что в течение последней четверти двадцатого века,

когда клонирование стало возможным, на Земле происходило ровно то же самое. Чтобы описать этот процесс, мы заимствовали термин из инженерии. Мы называем это «релаксацией» — неудачное слово, но уж какое есть. Знаешь, что такое метод релаксации в инженерии?

— Нет.

— Существуют проблемы, которые не решаются прямыми вычислениями, но могут быть решены методом последовательных приближений. Возьмем, к примеру, процесс теплопередачи. Не всегда можно сразу рассчитать температуру поверхности в каждой точке тела неправильной формы. Поэтому инженер, или компьютер, берет за основу приблизительную температуру, проверяет устойчивость заданных им значений, а затем на основе результатов этих вычислений делает новые предположения. С каждым таким вычислением последовательные наборы становятся все более точными, пока, наконец, различия не перестают играть какую-либо роль. Вот почему я сказал, что вы двое — в сущности один и тот же человек.

— Я лишь хочу, — нетерпеливо сказал отец, — чтобы вы объяснили Номеру Пять, что мои эксперименты на нем, в том числе столь ненавистные ему наркотерапевтические сеансы, крайне необходимы! Что если мы хотим превзойти самих себя, стать чем-то большим, то обязаны выяснить... — он уже почти перешел на крик и внезапно замолк, чтобы взять себя в руки. — Я создал его и Дэвида в надежде узнать что-то новое благодаря скрещиванию.

— Несомненно, это разумное объяснение существованию доктора Вейла, продукта более раннего поколения, — согласился доктор Марш. — Исследовать молодого себя очень важно, но так же полезно было бы и ему изучать тебя.

— Подождите, — вмешался я. — Вы все твердите, что мы с ним одинаковы. Это неправда. Да, в некоторых отношениях мы схожи, но я не такой, как отец.

— Между вами нет различий, которые нельзя объяснить разницей в возрасте. Сколько тебе? Восемнадцать? А тебе, — он посмотрел на отца, — я бы дал навскидку лет пятьдесят. Видите ли, есть только два обстоятельства, влияющие на различия между людьми: наследственность и окружение, природа и воспитание. А так как личность формируется преимущественно в течение первых трех лет жизни, определяющим фактором становится домашняя обстановка. Каждый человек рождается в том или ином окружении, однако оно может оказаться настолько суровым, что приведет его к смерти. И ни один человек не может заранее подготовить для себя окружение. За исключением, конечно же, вашего случая, который мы называем антропологической релаксацией, где окружение обеспечивается предыдущим поколением.

— Только потому, что мы оба выросли в этом доме...

— Который ты построил, обставил и наполнил выбранными тобой людьми. Но погодите. Давайте представим себе человека, которого ни один из вас никогда не видел, человека, рожденного в окружении, созданном родителями, отличными от него самого. Я говорю о первом из вас...

Но я уже не слушал. Я пришел убить отца и думал о том, как заставить доктора Марша уйти. Я следил за тем, как он сидит в кресле, наклонившись вперед, наблюдал за скупой и быстрой жестикуляцией его длинных белых рук, за движением губ в обрамлении черных волос. Я следил за ним и ничего не слышал. Мне казалось, что я полностью оглох, а Марш умеет общаться с помощью силы мысли,

и, распознав в его мыслях глупую ложь, я должен был заткнуть его.

— Вы с Сент-Анн.

Он запнулся на середине фразы и посмотрел на меня с удивлением.

— Да, я там бывал. Перед тем, как прилететь сюда, я провел несколько лет на Сент-Анн.

— Нет, вы там родились. Там же вы изучали антропологию по книгам, написанным на Земле двадцать лет назад. Вы абориген, или, по меньшей мере, наполовину абориген, а мы — люди.

Он быстро перевел взгляд на отца и сказал:

— Аборигенов больше нет. Ученые Сент-Анн сошлись во мнении, что они вымерли почти столетие назад.

— Однако вы не верили в это, когда пришли наведаться к моей тете.

— Я никогда не верил в гипотезу Вейла. Я лишь интересовался всеми, кто опубликовал хоть что-нибудь по моей специальности. Прошу вас, у меня совершенно нет времени выслушивать все это.

— Вы абориген. Вы не с Земли.

И очень скоро мы с отцом остались наедине.

* * *

Большую часть срока я отбыл в трудовом лагере Рваных Гор. Это был небольшой лагерь, состоящий всего лишь из ста пятидесяти заключенных, а зимой, в пору повальной смертности, их численность иногда падала и менее чем до восьмидесяти. Мы рубили лес, жгли уголь, а наткнувшись на подходящую березу, мастерили лыжи. На

горной границе леса мы собирали соляной мох, обладающий лечебными свойствами, и строили долгие планы по обрушению скал, которые раздавили бы роботов-надзирателей, но время шло, момент все не наступал, и в итоге скалы так никогда и не обрушились. Работа была тяжелой, а роботы неустанно следовали политике строгости и справедливости, заложенной в них тюремной администрацией. Таким образом, проблема жестокости и фаворитизма исчезла навсегда, а право быть снисходительным или жестоким осталось только за хорошо одетыми людьми в залах заседаний.

Так им, по крайней мере, казалось. Изредка я часами беседовал с охранниками, рассказывая о мистере Миллионе, а после находил то кусок мяса, то плитку бурого и крупнозернистого, как песок, сахара, спрятанного кем-то в моем спальном углу.

Преступнику не всегда удается извлечь выгоду из своего преступления, но как я узнал много позже, суд не смог найти ни единого доказательства, что Дэвид тоже приходится сыном моему отцу, и объявил наследницей тетю Жаннин.

Тетя вскоре умерла, и адвокат в письме уведомил меня, что согласно ее завещанию я унаследовал «большой дом в Порт-Мимизоне, вместе со всей его мебелью и движимым имуществом», и что этот дом «по улице Сальтамбонк, 666, в настоящее время находится на попечительстве у робот-слуги». Но так как другой робот-слуга, под чьим надзором я находился, не позволял мне ничего писать, ответить я не смог.

Время улетало на птичьих крыльях. Осеню я находил тела мертвых жаворонков у северных подножий скал, а весной у южных.

Я получил письмо от мистера Миллиона. После расследования смерти отца большинство девушки разъехались кто куда, а после смерти тети он был вынужден распустить и остальных, так как обнаружил, что как робот он не в состоянии внушать девушкам необходимое послушание. Дэвид укатил в столицу. Федрия удачно вышла замуж. Мэридол родители продали в рабство. Согласно дате в письме его написали спустя три года после дня судебного разбирательства, но как долго оно ко мне добиралось, я сказать не могу. Конверт открывали и закрывали много раз, отчего он стал грязным и потрепанным.

Однажды, обессиленно молотя крыльями, в наш лагерь залетела птица (баклан, кажется). Мы убили ее и съели.

Один из роботов-надзирателей взбесился, сжег пятнадцать заключенных, напал на других стражей и всю ночь сражался с ними на мечах из белого и голубого пламени. Его никем не заменили.

Затем меня и еще нескольких заключенных перевели в другой лагерь, еще дальше на севере, где я вглядывался в пропасти красных скал, таких глубоких, что, бросив камешек, можно было слышать, как легкий перестук от его падения перерастает в рев камнепада, который спустя полминуты затихает в глубине, так и достигнув дна, затерянного где-то в непроглядной тьме.

Я представлял, что рядом со мной люди, которых я знал. Когда я сидел, прикрывая от ветра миску с похлебкой, на соседнюю скамейку присаживалась Федрия, улыбалась и рассказывала о своих друзьях. Дэвид играл в сквош на пыльном грунте нашего поселка и спал у стены, возле моего угла, а Мэридол держала меня за руку, когда я тащил в горы свою пилу.

Со временем эти образы померкли, но даже в последний год я никогда не засыпал, не убедив себя перед сном, что утром мистер Миллион обязательно возьмет нас с собой в библиотеку. И я никогда не просыпался без страха, что лакей отца пришел за мной.

* * *

Потом мне и еще трем заключенным велели отправиться в другой лагерь. Мы взяли с собой еды, но по дороге едва не умерли от жажды и переутомления. Оттуда нас направили в третий лагерь, где нас допрашивали люди, которые были не заключенными вроде нас, а свободными людьми в мундирах. Они записали все наши ответы, затем приказали нас вымыть, сожгли всю старую одежду и накормили ячменной кашей с мясом.

Я очень хорошо запомнил, как впервые позволил себе осознать, что все это значит. Я обмакнул ломоть хлеба в миску, пропитал его ароматной ячменной массой с налипшими кусочками мяса и вдруг подумал о жареном хлебе и кофе на невольничьем рынке, но не как о чем-то из прошлого, а как о чем-то из будущего. У меня затряслись руки, да так сильно, что я не мог больше удерживать миску. Мне захотелось броситься к ограде и закричать.

Еще через два дня нас стало уже шестеро. Нас усадили в повозку, запряженную мулами, и та повезла нас по извилистым дорогам, катившимся с гор до тех пор, пока умирающая зима вместе с березами и елями не осталась позади, сменившись высокими каштанами и дубами вдоль обочин, под раскинувшимися ветвями которых цвели весенние цветы.

Улицы Порт-Мимизона просто-таки кишили народом. Если бы мистер Миллион не нанял для меня портшез, я бы потерялся в одно мгновение. По дороге я велел носильщикам остановиться и (на деньги, что он мне вручил) купил у разносчика газету, чтобы узнать, наконец, точную дату.

Меня приговорили к обычному для такого преступления сроку, от двух до пятидесяти лет, но хоть мне и были известны месяц и год начала моего заключения, в лагере было совершенно невозможно уследить за пролетающими годами, которые считал каждый, но точного количества не знал никто. Человек мог слечь с лихорадкой, а спустя десять дней, вновь почувствовав себя достаточно здоровым для работы, сказать, что прошло целых два года, либо же, что их просто не было. А затем лихорадку подхватывал ты сам. Я не помню ни одного заголовка и ни одной статьи из газеты, которую купил. На протяжении всей дороги домой я смотрел только на дату в верхнем углу страницы, снова и снова.

Прошло девять лет.

Мне было восемнадцать, когда я убил отца. Теперь мне было двадцать семь, но я бы не удивился, если бы узнал, что мне сорок.

* * *

Облезлые серые стены нашего дома совсем не изменились. Железный пес с тремя волчьими головами все так же стоял в саду, но фонтан больше не нарушал тишины, а клумбы папоротника и мха заросли бурьяном.

Мистер Миллион расплатился с носильщиками и отпер ключом дверь, которая при жизни отца закрывалась лишь

на небольшую цепочку. Дверь распахнулась и навстречу мне бросилась невероятно высокая, стройная женщина, с корзинкой пралине, которые она, судя по всему, продавала на улицах. Ей оказалась Нерисса, а значит, теперь у меня была служанка и, возможно, любовница, пожелай я этого, хотя платить ей мне было абсолютно нечем.

* * *

Полагаю, сейчас я должен объяснить, зачем писал весь этот отчет, работа над которым заняла у меня много дней. А еще я должен объяснить, зачем я это объясняю. В общем, вот. Я писал и продолжаю писать это сейчас лишь затем, чтобы понять самого себя, потому что знаю, что когда-нибудь буду перечитывать то, что написал, и удивляться.

Возможно, к тому времени я уже разгадаю загадку собственного существования, или она просто перестанет возбуждать во мне интерес.

* * *

Со дня моего освобождения прошло уже три года. Когда мы с Нериссой вновь оказались в этом доме, он весь стоял вверх дном. Мистер Миллион рассказал, что последние дни своей жизни тетя Жаннин провела в поисках мифических капиталов отца. Ей не удалось найти их, да я и не уверен, что они вообще существовали. Зная характер отца лучше, чем она, могу предположить, что большую часть заработанных на девушках средств он истратил на свои эксперименты и оборудование. Поначалу я сильно нуждался в деньгах, но репутация дома легко привела обратно

женщин, ищущих покупателей, и мужчин, которые были не прочь у них кое-что купить. От меня же, как я убеждал себя, когда мы начинали, не требовалось ничего более, кроме как знакомить их, и сейчас у меня есть надежная опора под ногами. Федрия живет с нами и тоже работает. Ее блестательный брак распался. Прошлой ночью я сидел в своей операционной в библиотеке и услышал ее голос за дверью. Я отворил — рядом с ней стоял ребенок. Однажды мы им понадобимся.

«ИСТОРИЯ»
ЗА АВТОРСТВОМ
ДЖОНА В. МАРША

*Если жаждешь обладать Всем,
Не обладай Ничем.
Если жаждешь стать Всем,
Оставайся Никем.
Если жаждешь познать Все,
Не знай Ничего.
Ибо если возжелаешь хоть чего-нибудь,
То не сумеешь познать Господа —
Свое единственное сокровище.*
Святой Иоанн Креста

В стране скользящих камней, где годы длиннее, жила девушка по имени Качающиеся Ветви Кедра, и однажды с ней случилось то, что случается со всеми женщинами. Она располнела и стала неповоротливой, груди набухли и налились молоком, а когда меж бедер ее пролилась влага, мать отвела ее в место, где рождаются люди, туда, где смыкаются два скальных утеса. Там, на песке узкого ущелья, возле камня, что совсем недавно скатился вниз и замер у сплетения нескольких кустиков, где все незримое благосклонно к материам, она родила двоих мальчиков.

Первый появился вместе с рассветом. Когда он покидал утробу, с гор, едва тронутых первыми лучами солнца, подул холодный порывистый ветер, и в честь этого мать нарекла младенца Джоном (что означает «мужчина», и

поэтому всем мальчикам давали имя *Джон*) Восточным Ветром.

Второй вышел не так, как обычно положено новорожденным — не головой вперед, подобно человеку, покоряющему крутую гору, но вперед ногами, подобно тому, кто нащупывает почву при спуске с нее. Бабушка в тот момент держала на руках его брата и не подозревала, что родится двойня, поэтому ступни мальчика коснулись песка прежде, чем его успели подхватить. В честь этого мать нарекла мальчика Джоном Пескоходом.

* * *

Стоило мальчишкам появиться на свет, как девушка тут же вознамерилась подняться на ноги, однако мать предсторегла ее.

— Не вставай, ты убьешь себя, — сказала она. — Вот, лучше покорми их поскорей, чтобы груди твои всегда были полны.

Качающиеся Ветви Кедра взяла их обоих на руки, обоих поднесла к груди и снова откинулась на холодный песок. Черные, шелковистые волосы темным ореолом рассыпались вокруг головы девушки, а на щеках ее засеребрились слезы боли. Ее мать принялась разгребать песок и, когда добралась до того, что все еще хранил силу солнца умершего дня, укрыла им ноги дочери.

— Спасибо, мама, — сказала Качающиеся Ветви Кедра, не отрывая глаз от двух крохотных личиков, прильнувших к ее груди и все еще измазанных кровью.

— Так поступила моя мать, когда ты родилась, и то же сделаешь ты для своих дочерей.

— Но у меня ведь сыновья.

— Не сомневайся, будут и дочери. А убивают либо первые роды, либо уже никакие.

— Нужно омыть их в реке, — сказала Качающиеся Ветви Кедра, приподнялась и спустя мгновение встала на ноги. Девушка была красивой, однако сейчас ее опустошенное тело казалось почти бесформенным. Обессиленная, она пошатнулась, но мать вовремя подхватила дочь и не позволила ей вновь опуститься на песок.

Когда женщины с младенцами добрались до реки, солнце стояло уже высоко, и там, на мелководье, мать Качающихся Ветвей Кедра утопили, а Восточного Ветра похитили.

* * *

Годы его мира, куда не заворачивали корабли, тянулись долго, и к тринадцати годам Пескоход вымахал и стал совсем взрослым: кости его вытянулись, руки стали большими и сильными. Он вырос поджарым (чем, впрочем, не отличался от любого другого жителя страны скользящих камней) и уже сам добывал себе пищу. А еще иногда ему снились странные сны. На исходе тринадцатого года жизни Пескохода, его мать, старый Кровавый Палец и Летающие Ноги сообща решили, что настала пора ему встретиться со жрецом, и в одиночестве мальчик отправился в путешествие по необъятным гористым землям, где скалы высятся подобно скоплениям темных туч, а все живое, в сравнении с ветром, солнцем, пылью, песком и камнями, выглядит жалким и ничтожным. Днем он шел на юг — один, всегда на юг, — а ночью ловил скальных

мышей, сворачивал им шеи и оставлял возле привала. Иногда к утру они исчезали.

На пятый день, в полдень, Пескоход добрался до ущелья Вечного Грома, служившего обителью для жреца. В дар жрецу он нес фазана-притворщика, которого ему удалось убить благодаря огромной удаче. Птицу он тащил на плече, ухватив за волосатые ноги, а ее лысая голова и длинная шея болтались за его спиной. Пескоход знал, что достойно проявил себя как мужчина и что к ущелью он доберется еще до захода солнца (Летающие Ноги указал ему ориентиры, и каждый из них он уже прошел), и потому гордо, хоть и с легкой опаской, вышагивал по песку.

Вечный Гром он услышал раньше, чем увидел. Земля впереди была ровной и безжизненной, лишь кое-где помеченней камнями и кустарником, и не сулила ничего, кроме голых камней под ногами. Вокруг слышалось едва различимое урчание, в воздухе витала легкая дрожь. Пескоход ни на миг не сбавлял шаг и вскоре увидел, как перед ним поднимается легкая дымка. Это не могло служить признаком близости ущелья Вечного Грома — сквозь дымку он наблюдал перед собой все ту же равнину, да и звук был не то чтобы громким.

Он сделал еще три шага. Звук был похож на рев. Земля тряслась. Перед его ногами взгляду открылась узкая расщелина, что простиравась глубоко-глубоко вниз к белой воде. Пескохода обдало брызгами, и намокшая пыль потекла вниз по его телу. Если до этого ему было тепло, то теперь его забил озноб. Камни были гладкими, мокрыми и вовсю тряслись. Пескоход осторожно присел, свесил ноги надо тьмой, над белой водой далеко внизу, а

затем, как человек ищущий почву под ногами, проник в ущелье Вечного Грота. И только добравшись до самого истока, где пенилась вода, а небо, усеянное россыпью дневных звезд, нависало над головой фиолетовой прорезью не толще пальца, Пескоход отыскал пещеру жреца.

* * *

Водяная пыль окутывала зев пещеры, он ревел под натиском падающей воды, а пещера неизменно уводила Пескохода вверх и вверх по расколотым камням, рухнувшим когда-то вниз. Карабкаясь в полной темноте, зажав в зубах фазана-притворщика, Пескоход как зверь цеплялся за камни руками и ногами до тех пор, пока, наконец, его пальцы не нашупали ступни жреца, а руки не дотянулись до иссохших ног. Там, ощущая, как осыпается под руками паутина из шерсти, перья и маленькие сухие косточки, оставшиеся от былых подношений, он возложил фазана-притворщика и вернулся ко входу в пещеру.

Наступила ночь, и, улегшись в особом обрядовом месте, Пескоход наконец, спустя долгое время, уснул, невзирая на грохот воды. Однако дух жреца не явился ему во сне. Его ложе обернулось плотом из камыша, парящим в нескольких дюймах над водой. Его окружали необъятные деревья, и каждое тянулось ввысь из кольца змеящихся корней. Их кора была белой, подобно сикоморовой, а стволы вздымались до неимоверных высот, где они терялись в темном скоплении бесчисленных листьев. Но в своем сне Пескоход не поднимал туда взгляд. Круг, внутри которого он парил, был таким просторным, что

деревья опоясывали весь видимый горизонт и обрезали неизмеримый изгиб неба там, где иначе он соприкоснулся бы с земной твердью.

Каким-то немыслимым для себя образом Пескоход изменился. Руки и ноги его удлинились и стали более гибкими. Он был полностью уверен в этом, хоть и не пытался ими пошевелить. Он обратил свой взор в небо и почувствовал, что падает в него. Плот едва заметно затрясся в такт биению его сердца.

Это был его четырнадцатый день рождения, и созвездия снова вернулись туда, где сияли в ночь его появления на свет. Когда наступит утро, солнце взойдет в созвездии Лихорадки, однако сейчас планета-сестра, чей величественный диск едва виднелся над необъятной стеной деревьев, загораживала собой две яркие звезды — глаза, которые только и были видны в созвездии Дитяти Тени. Но ни одна планета не осталась прежней. Он отбросил знание о том, что Снежная Женщина стоит теперь в созвездии Пяти Цветов, и представил ее на месте Видящего Семени, где она светила в ночь его рождения. Представил Стрижа в Молочной Долине, Мертвца на месте Утраченных Желаний... И Водопад, безмолвно ревущий на небосклоне.

Чья-то нога хлюпнула рядом с его головой. Восточный Ветер сел, благодаря многолетнему опыту лишь слегка покачнув небольшой плот.

— Что же ты узнал? — спросил Последний Глас, его учитель, величайший из звездопроходцев.

— Нетак уж и много, — с сожалением ответил Восточный Ветер. — Боюсь, я уснул. Я заслуживаю наказания.

— Ну, ты хотя бы честен, — сказал Последний Глас.

— Ты учил меня тому, что каждый, кто стремится к развитию, должен уметь признавать свои ошибки.

— И также я учил тебя, что не преступник выносит приговор.

— И каким же он будет? — спросил Восточный Ветер, всеми силами стараясь не выдавать тревоги.

— Временно отложенным, ради моего лучшего ученика. Однако ты все же уснул.

— Уверен, всего лишь на мгновение. Мне приснился странный сон, но такие снились мне и прежде.

— Продолжай. — Безмятежный и властный, Последний Глас навис над учеником. Он был очень высок, и голубоватый свет восходящей планеты-сестры озарял его бледное, бескровное лицо, из которого ежедневно, как того требовал ритуал, учитель вырывал несколько клочков бороды. Его голову по бокам покрывали отметины, выжженные в потоках Хребтов Мужества, из-за чего волосы, густые, как ни у одной женщины, росли у него только сверху, жестким гребнем.

— Мне снова снилось, что я холмогорец, пришедший к истоку реки, чтобы услышать пророчество в священной пещере, и, готовясь получить его, я лег рядом с грохочущей водой, — сказал Восточный Ветер. Последний Глас не ответил, и он добавил: — Знаю, вы надеялись, что я ходил среди звезд, но, как видите, это был всего лишь сон об отсутствии духа.

— Возможно. А что тебе звезды поведали о завтрашней церемонии? Станешь ли ты трубить в раковину?

— Если того пожелает мой учитель.

* * *

Пескоход проснулся оттого, что вконец продрог и закоченел. Такие сны ему снились и раньше, но наутро они тут же вылетали из головы, а если в них и содержалось какое-то послание — он его не понимал. К тому же он знал, что Последний Глас был совсем не тем духом, которого он ждал. Несколько минут Пескоход вертел в голове идею о том, чтобы остаться в пещере до тех пор, пока снова не сможет заснуть, но мысль о ясном утреннем небе над головой и теплом свете солнца на плоскогорье решила все за него. Когда, проголодавшись как волк, он сделал последнее усилие и развалился отдохнуть на теплой, пыльной земле равнины, стоял уже полдень.

Через час он набрался достаточно сил, чтобы снова встать и отправиться на охоту. Он был хорошим охотником — молодым, сильным и даже более терпеливым, чем длиннозубая кошка, которая, растянувшись на скальном уступе, может выжидать хоть день, хоть два, ни на миг не забывая о котятах, тоскующих по ней. О том, как они слабеют с каждым мяуканьем и вдохом, как спят и, проснувшись, снова плачут, пока она не убьет для них. Когда Пескоход был всего на год или два моложе, с ними жили и другие добытчики, не такие сильные, как он. Те, кто на заходе солнца, после выслеживаний, засад и погонь, возвращались к месту ночлега с пустыми руками и впалыми животами в надежде на обедки и умоляли матерей выжать для них хоть немного грудного молока, принадлежащего теперь самым младшим. Все они теперь мертвы. Они познали истину о том, что место ночлега

легко обрести охотнику с добычей, не трудно и холмогорцу с полным животом, но племя отворачивается и избегает голодных ртов, пока, наконец, не затеряется среди скал и на третий некормленый день не скроется от них навеки.

На протяжении двух дней Пескоход охотился так, как под силу было только холмогорцам: все подмечал и подбирал, вынюхивал гнезда совиных мышей, глотал их мышат как креветки и разжевывал собранные семена в сладкую кашицу. От ползанья его кожа окрасилась в холодные цвета каменной пыли, волосы растрепались и нарушили броский, предательский силуэт его головы. Он превратился в тихий туман, который поднимается вверх и не виден до тех пор, пока не коснется щеки — и только тогда ослепляет.

На второй день, за час до наступления полной темноты, Пескоход набрел на след клещевого оленя — небольшого безрогого копытного, питающегося коричневыми кровососущими насекомыми, которых оно слизывает с камней, выманив цокотом копыт из своих убежищ вблизи питьевых источников. По следу он двинулся, когда планета-сестра только-только взошла на небосклон, вступая в свои права, и продолжал идти, когда она наполовину скрыла голубое богатство своих континентов за самой дальней из дымящихся гор запада. Спустя еще какое-то время Пескоход услышал нарастающие отголоски песни благодарения, которую Дети Тени запевают, когда убьют достаточно много, чтобы накормить каждый рот, и понял, что опоздал.

В великие стародавние времена долгих сновидений, когда над людьми царствовал Всевышний, люди по ночам без страха ходили среди Детей Тени, а Дети Тени, в свою очередь, без страха проводили дни в обществе людей. Время

сновидений давным-давно прошло — оно отдало свои годы реке и уплыло к заливным лугам навстречу смерти. Но великому охотнику, размышлял Пескоход, под силу вновь ступить на старые пути. (А поскольку еще в раннем детстве он вместе с молоком впитал дар, позволявший ему взглянуть на себя со стороны, Пескоход с улыбкой прибавил: «великому, но очень голодному охотнику».) И разумеется, на все воля Божья. Дети Тени свободно убивают и правой и левой рукой, пока солнце спит, но какими же дураками им нужно быть, чтобы попытаться убить его вопреки воле Все-вышнего, и неважно день это будет или ночь.

Он бесшумно, но гордо и прямо шагал, пока голубой свет планеты-сестры не выхватил из темноты место, где Дети Тени, словно летучие мыши вокруг пролитой крови, кольцом окружили клещевого оленя. Дети Тени повернули головы к Пескоходу задолго до того, как он приблизился, и вертели они ими так же свободно, как совы.

— Доброе утро в землях, где много еды, — вежливо приветствовал Пескоход.

Он подступил еще на пять шагов, но никто не издал ни звука. Затем нечеловеческие уста ответили ему:

— Еды и правда много.

Пытаясь припугнуть детей, заигравшихся до поры, когда их тени становились длиннее их самих, женщины в месте ночлега рассказывали, будто зубы Детей Тени источают яд. Пескоход не верил этим байкам, но сразу вспомнил о них, когда другой заговорил. Он знал, что выражение «много еды» никак не подходит клещевому оленю, но все же сказал:

— Это хорошо. Я услышал вашу песнь — пело много ртов, и все были полны. Это я привел к вам добычу и

теперь прошу поделиться со мной мясом, а иначе, чтобы насытиться, я убью самого крупного из вас, а остальные смогут забрать кости, когда я закончу. Мне все одно.

— Народ не такой, как ты. Народ не ест плоть себе подобных.

— Это вы о себе-то? Конечно же едите, когда изголодаетесь, вот только голодны вы всегда.

— Нет, — тихо отозвалось сразу несколько голосов.

— Я знаю человека по имени Летающие Ноги — он высокий и не боится солнца. Он убил одного из вас и оставил голову в качестве ночного подношения. Когда же он проснулся, череп был полностью обглодан.

— Лисы, — ответил голос, который раньше молчал. — Или же, что вероятнее всего, он убил мальчика из своего же племени, а не одного из нас. По дороге сюда ты оставлял нам мышь, а мы сейчас должны отплатить тебе олениной? Дороги же оказались твои мыши. Надо было задушить тебя, пока ты спал.

— В этой попытке вы потеряли бы многих.

Одна из темных фигур встала на ноги.

— Я могу убить тебя прямо сейчас. В одиночку. Мы безжалостно убиваем ваших мелких отродий, что приходят к нам, скуля — усыпляем их бдительность и наедаемся вволю.

— Я вам не сосунок — мне уже четырнадцать лет. И пришел я не с пустым животом. Я уже ел сегодня и, поверьте мне, поем еще.

Поднявшееся Дитя Тени сделало шаг вперед. Несколько других протянули к нему руки, словно пытаясь остановить, но больше ничего не сделали.

— Ну же, давай! — взревел Пескоход. — Думал выманить меня из места ночлега и убить среди скал? Детоубийца!

Он согнул руки и колени и ощутил силу, ожившую в его руках. Еще до того, как бросил свой безрассудный вызов, Пескоход решил: если Дети Тени попытаются его убить, он сразу же сбежит, не пытаясь влезть в драку — он был уверен, что легко обгонит их короткие ноги. Но еще Пескоход был уверен, что, ядовиты их укусы или нет, он сумеет одолеть миниатюрную фигуру напротив.

— Ты не должен вредить ему, — торопливо вставил голос, приветствовавший его, но так тихо, что походил на шепот. — Он неприкосновенен.

— Я пришел не сражаться с вами, — ответил ему Пескоход. — Мне всего лишь нужна честная доля от клещевого оленя, которого я привел в ваши руки. Вы пели, что еды у вас в достатке.

Дитя Тени, вышедшее противостоять ему, пригрозило:

— Я одним мизинцем переломаю тебе кости, мелкий ты туземный звереныш! Да так, что их осколки прорвутся сквозь кожу!

Пескоход отодвинулся от протянутых к нему когтей и презрительно бросил:

— Если вы с ним одной крови, заставьте его сесть на место, а иначе он мой.

— Неприкосновенен, — ответили ему голоса. Их звучание было подобно ночному ветру, вечно и безуспешно скитающемуся в поисках убежища.

Левой рукой он мог отбить скрюченные когти, а правой — обхватить тонкую шею противника смертельной хваткой и придушить. Пескоход пригнулся, уперся широко расставленными ногами в землю и стал выжидать, когда крадущаяся фигура окажется в пределах досягаемости. Но в тот самый момент широкую завесу дыма

над Хребтами Мужества сдуло в сторону, и последний свет заходящей планеты-сестры на краткий миг, подобно вспышке молнии, осветил лицо Дитяти Тени: темное и болезненное, с огромными глазами над обвисшей плотью, впалыми щеками и крошечными, как у младенца, ртом и носом, из которых вяло текла густая слизь.

Несмотря на то, что впоследствии Пескоход ясно припоминал все черты того лица, он не обратил на них внимания при мимолетном проблеске голубого света. Вместо этого он разглядел лица остальных Детей, увидел их уверенность в силе, которой они, наевшись мяса, мнили себя исполненными, и что в действительности они всего лишь глупцы, на которых дунешь, и они исчезнут. А так как он был еще слишком молод, Пескоход не видел прежде ничего подобного, и, когда когти коснулись его горла, он увернулся, отпрянул и, надрывно глотая воздух по причине, которой не понимал, бросился к скоплению темных тел возле клещевого оленя.

— Вот, глядите, — сказал голос, который приветствовал его первым. — Он плачет. Ну же, мальчик, скорее садись с нами. Ешь.

Маленькие темные руки увлекли его вниз, и Пескоход присел около оленя рядом с остальными.

— Ты не должен причинять ему боль — он наш гость, — сказал кто-то Дитяти Тени, чьи пальцы еще минуту назад тянулись к горлу Пескохода.

— Э-э-э...

— Нет ничего дурного в том, чтобы иногда позабавиться с ними и напомнить им их место. Но сейчас пусть поест.

Кто-то вложил ему в руку кусок сырой оленьей плоти, и Пескоход, как он всегда делал, проглотил мясо прежде, чем

его смогли бы вырвать из его рук. Только что грозившее ему Дитя Тени опустило руку на его плечо.

— Прости, что напугал тебя.

— Все в порядке, забудь.

Планета-сестра закатилась за горизонт и больше не затмевала красоты созвездий, засиявших на осеннем небосклоне: Женщина с Горящими Волосами, Пять Волосатых Ног и, конечно же, Аметистовая Роза, которую жители заливных лугов и топей, болотное племя, именовали Тысячей Щупалец и Рыбой. Клещевой олень был приятным на вкус, еще приятнее оседал в желудке, и Пескоход ощущал внезапное умиротворение. Эти сморщеные фигурки стали его друзьями. Они поделились с ним едой. Пескоход подумал, как же приятно сидеть вот так: вокруг друзья, в руках еда, а Женщина с Горящими Волосами стоит на голове в ночном небе.

Голос, заговоривший с ним первым (какое-то время Пескоход не мог разобрать, из чьего рта тот доносился), произнес:

— Теперь ты наш друг. Прошло много времени с тех пор, как мы в последний раз обретали друга Тени среди местного населения.

Пескоход не понял, о чем тот говорит, но ему показалось, что ответить кивком будет вежливо и безопасно. Он кивнул.

— Ты сказал, что слышал, как мы пели, — продолжил голос. — Это была Песнь Множества Полных Ртов. Теперь эта радостная песнь звучит и в тебе, пусть и без многоголосия.

— Кто ты? — спросил Пескоход. — Я никак не могу понять, кто из вас говорит.

— Я здесь.

Двою Детей Тени (по-видимому) расступились в стороны, и темная область, которую Пескоход принимал до этого за звездную тень от валуна, выпрямилась и явила ему сморщенное лицо и яркие глаза.

— Приветствуя тебя, — сказал Пескоход и назвал свое имя.

— Меня зовут Старым Мудрецом, — представился старейший из Детей Тени. — И я также приветствую тебя.

Пескоход заметил, что сквозь Старого Мудреца слегка просвечивают звезды, а значит, он был призраком. Однако это не слишком его заботило — призраки были частью повседневной жизни, а дружественный призрак мог стать сильным союзником. Правда, чаще всего они предпочитали оставаться в мире грез. И ведь кто в здравом уме стал бы их в этом упрекать?

— Тебе кажется, будто я всего лишь тень усопшего, — сказал Старый Мудрец. — Но это не так.

— Все мы лишь тени, отброшенные мертвыми, — дипломатично произнес Пескоход.

— Нет, — возразил Старый Мудрец, — это не про меня. И раз уж ты теперь друг Тени, я поведаю, кто я на самом деле. Оглянись вокруг. Видишь всех тех, кто собрался у этой туши? Твоих друзей, таких же верных, как и я?

— Вижу. — Пескоход окинул собравшихся взглядом и пересчитал — не появился ли кто-нибудь еще. Их было семеро.

— То, что они делали, ты назвал пением. У нас есть много разных песен: Песнь Множества Полных Ртов, Песнь Извилистых Небесных Троп, на которые никому не ступить, Охотничья Песнь, Песнь Былых Печалей, которую

мы поем, когда высоко в летнем небе видно Воинственную Ящерицу и в ее хвосте маленьким желтым самоцветом сияет наш старый дом. И это далеко не все. Твои люди рассказывают, что иногда эти песни тревожат их во сне.

Пескоход кивнул с набитым ртом.

— Твои слова и пение твоих людей в местах ночлега — все это лишь сотрясание воздуха. Когда ты говоришь или кто-то из сидящих здесь обращается к тебе, это тоже сотрясание воздуха.

— Сотрясание, — перебил его Пескоход, — это когда говорит гром. А когда я говорю с тобой, то чувствую лишь легкую дрожь в своем горле.

— Именно! Твое горло дрожит и тем самым сотрясает воздух, точно так же, как человек, чтобы тряхнуть куст, должен сначала тряхнуть рукой, держащей его. Но когда поем мы, то сотрясаем вовсе не воздух! Мы сотрясаем протяженность, а я — песнь, которую поют все Дети Тени, я — их коллективное сознание, когда они мыслят, как один! Протяни свои руки, только не соприкасай их. А теперь представь, что их нет. Вот это мы и сотрясаем.

— Но это же пустое место.

— То, что ты называешь пустым местом, удерживает вещи вокруг на расстоянии друг от друга. Когда оно исчезнет, все миры схлопнутся во вспышке огненной смерти, из которой рождаются новые миры. Но послушай. Теперь ты названный друг Тени и до того, как ночь подойдет к концу, должен научиться, как позвать нас на помощь, если она тебе понадобится. Это совсем не сложно, и вот как это можно сделать: когда услышишь наше пение — ты поймешь, что, сидя или лежа неподвижно, внимательно вслушиваясь и устремив свои мысли к нам, ты сможешь

слышать нас с очень далекого расстояния — мысленно запой ту же песнь. Пой с нами, и мы услышим эхо нашей песни в твоих мыслях и поймем, что ты нуждаешься в нас. Ну же, попробуй прямо сейчас.

Все Дети Тени вокруг Пескохода запели Песнь Дневного Сна, повествующую о восходе солнца, о первом лучике света, о длинных, длинных тенях и танцах пылевых дьяволов на вершинах холмов.

— Давай же, пой вместе с нами! — призвал Старый Мудрец.

И Пескоход запел. Поначалу он пробовал добавить в песнь что-то свое, как делали все мужчины в местах ночлега, но Дети Тени тут же ушипнули его и нахмурились. После этого лилась только та Песнь Дневного Сна, какую знали лишь они, и вскоре каждый начал танцевать вокруг костей клещевого оленя, изображая пылевых дьяволов.

Теперь Пескоход видел, что Дети Тени не все были стариками, как он себе их представлял. Двое действительно были сморщенными и сутулыми. Еще в одном он разглядел женские черты, хотя, как и у остальных, волос у нее было немного. Другие двое были ни молодыми, ни старыми, а последние двое казались ему не старше мальчишек. Пескоход танцевал и вглядывался в их лица, удивляясь тому, как лица одних кажутся ему одновременно и молодыми, и старыми, а лица других — старыми, но все еще молодыми. Сейчас он видел их гораздо лучше, чем когда они, сгрудившись, сидели вокруг клещевого оленя, и вдруг осознал — оба озарения нахлынули разом, так что удивление от одного усиливало удивление от другого, — что граница черного неба начала багроветь, а Детей Тени осталось всего семеро. Старый Мудрец исчез. Пескоход

повернулся навстречу восходящему солнцу — наполовину инстинктивно, наполовину от мысли, что Старый Мудрец мог пойти в ту сторону. Когда же он повернулся обратно, то увидел, как Дети Тени бросаются врассыпную и постепенно исчезают среди скал. В поле зрения остались только двое, а затем и вовсе никого. Его первой мыслью было броситься за ними вдогонку, но почему-то он был уверен, что они бы вряд ли этого захотели.

— Ступайте с Богом! — крикнул он и помахал им вслед.

Первые лучи нового солнца очертили горизонт, и путаница из черных и золотистых форм потянулась к нему навстречу. Пескоход опустил взгляд на клещевого оленя, на остатки плоти на его костях, и решил, что напоследок не помешает раскроить ему череп и угоститься мозгом.

— Доброе утро в землях, где много еды, — полуушутя обратился он к останкам и стал есть, не дожидаясь, пока сбегутся муравьи.

Через час, ногтем выковыривая из зубов застрявшие кусочки мяса, он вспомнил сон, приснившийся ему прошлой ночью. Наверняка Старый Мудрец мог бы растолковать его значение. Зря он его не попросил. Если он уляжется спать сейчас, при дневном свете, ему вряд ли приснится хоть что-нибудь путное, но он слишком замерз и устал. Пескоход растянулся на песке, наслаждаясь теплым солнечным светом, и увидел перед собой женщину, очертания спины которой показались ему до боли знакомыми. Он шел быстрее нее и вскоре признал в женщине свою мать, но когда попытался поприветствовать ее, понял, что не может этого сделать. Затем, привыкший всегда быть уверенным в своих ногах, Пескоход ни с того ни с сего споткнулся о камень. Он выбросил вперед руки, чтобы защитить лицо, всем телом

принял удар, очнулся и обнаружил, что сидит на песке, один, обливаясь потом от солнечной жары.

Все еще дрожа, Пескоход встал и стал смахивать с себя песок, прилипший к его рукам, ногам и спине. Ну и глупость! Какой смысл было ложиться спать днем — его дух сразу же покинул тело и отправился блуждать и скитаться, и даже если жрец являлся к нему во сне, то встретить его было просто некому. Более того, жрец мог разгневаться на него и может не захотеть больше возвращаться. Нет, нужно либо вернуться в пещеру и повторить попытку, либо признать собственное поражение и отступить, что было бы просто невыносимо. Стало быть, назад, к ущелью.

Однако не с пустыми руками. Фазан-притворщик, пожертвованный им в первый раз, показал себя недостойным подношением. Возможно, жрец просто не удовлетворился им. Но могло статься и так, что он готовил для Пескохода какое-то великое откровение, для которого фазана оказалось недостаточно, и эта мысль его немного успокоила. Пожалуй, клещевой олень, если ему удастся отыскать еще одного, оправдает надежды жреца в полной мере. Он пришел с севера и видел по дороге несколько признаков обитания диких животных. Отправиться отсюда на восток — значит снова пересечь реку, бурлящую в ущелье. Пойти на запад, в сторону дымящихся гор, — значит тащиться по бескрайней и сухой каменной пустыне. Он двинулся на юг.

Местность медленно повышалась. И без того скучной растительности становилось все меньше. Серые скалы уступили место красным. К полудню или около того, неутомимый шаг Пескохода привел его на вершину хребта, откуда он увидел то, что прежде встречалось ему лишь дважды в его жизни: крошечную, залитую водой ложбину,

оазис посреди высокогорной пустыни, сохранивший в себе достаточно почвы, чтобы дать жизнь настоящей траве, диким цветам и дереву.

Такие места были редкостью и считались священными, но если бы он осмелился, то смог бы напиться и передохнуть здесь несколько часов. К тому же у Пескохода было преимущество — он пришел один, а значит, не доставит дереву чрезмерного беспокойства. Не слишком медленно, не слишком быстро, со всей учтивостью, как того и требовали от него обычай, Пескоход направился к дереву и уже собрался было поприветствовать его, когда вдруг заметил девушку, сидящую среди корней с младенцем на руках.

На мгновение он невежливо отвел взгляд от дерева. Робкое, боязливое лицо девушки, на котором лишь недавно простили женские черты, овалом своим напоминало сердце. Ее длинные волосы (что было совсем непривычным для Пескохода) были чистыми — она вымыла их в пруду у подножия дерева, и теперь расчесанные пальцами непослушные пряди раскинулись мокрой темной шалью на ее загорелых плечах. Она сидела, скрестив ноги, молча и неподвижно, а ребенок с цветком в волосах крепко спал на ее бедрах.

Пескоход церемонно поприветствовал дерево, испрашивая разрешения напиться, и пообещал ему не задерживаться надолго. Ответом ему был шелест зеленых листьев, и хоть слов этих Пескоход не понимал, гнева в них он не услышал. Он улыбнулся, выражая свою признательность, после чего наклонился к пруду и пил.

Пил он долго и жадно, совсем как пустынный зверь, а когда утолил наконец свою жажду и поднял голову над водой, подернутой ветровой рябью, то увидел в ней

отражение девушки, танцующее рядом с его собственным. Она смотрела на него большими, испуганными глазами, но, несмотря на это, стояла совсем близко.

— Доброе утро, — поздоровался он.

— Доброе утро.

— Я Пескоход, — представился он, а затем подумал о своем путешествии в пещеру, клещевом олене, о фазане-притворщике и Старом Мудреце, и добавил: — Пескоход издалека, великий охотник и друг Тени.

— Меня зовут Семь Девочек в Ожидании, — ответила незнакомка. — А это, — сказала она и нежно улыбнулась ребенку на ее руках, — Много Розовых Бабочек. Я назвала ее так за ее крохотные ручки — она машет мне ими, когда просыпается.

За свою недолгую жизнь Пескоход уже успел узнать, как много рождается детей и как мало из них выживает, но все же улыбнулся и кивнул.

Девушка смотрела в пруд у подножия дерева, на само дерево, на цветы и траву — куда угодно, только не в глаза Пескоходу. Он наблюдал, как белые зубки девушки, словно снежные мыши, выглядывают, чтобы коснуться ее губ, а затем прячутся снова. Ветер вырисовывал узоры на траве, а дерево произнесло что-то, чего он понять не мог, в отличие от Семи Девочек в Ожидании, которая, похоже, разбирала смысл в шелесте его листьев.

— Ты собираешься оставаться сегодня на ночлег? — нерешительно спросила она.

Пескоход понял, что она имеет в виду, и ответил со всей мягкостью:

— У меня нет еды, которую я мог бы разделить с тобой. Прости. Я охочусь, но то, что удастся добыть, я должен

сохранить в подарок жрецу из ущелья Вечного Грому. Разве некому делить с тобой ночлег?

— Вокруг ничего не было... Розовые Бабочки родилась совсем недавно, и я не могла уходить отсюда далеко... Мы спали там, за тем кривым утесом, — сказала она и несчастно пожала плечами.

— Я никогда не сталкивался с подобным, — ответил Пескоход и опустил ладонь ей на плечо. — Но я знаю, каково это — сидеть в одиночестве и обреченно ждать кого-то. Это, должно быть, невыносимо.

— Ты мужчина. Тебе не понять этого, пока ты молод.

— Прости, я не хотел рассердить тебя.

— Я не сержусь. И я не одна — Розовые Бабочки всегда со мной, и у меня есть для нее молоко. Теперь мы спим тут.

— Каждую ночь?

Девушка кивнула, почти с вызовом.

— Нехорошо задерживаться у дерева дольше, чем на одну ночь.

— Розовые Бабочки — его дочь. Он сам сказал об этом, явившись мне во сне задолго до ее рождения. Ему нравится, что она здесь.

— Все мы порождены союзом женщин и деревьев. Но они редко хотят, чтобы мы оставались с ними дольше одной ночи.

— Он добр к нам! Я увидела тебя и... — голос девушки опустился и стал едва различим среди шелеста травы на ветру. — И подумала, что это он прислал тебя к нам. Подумала, что ты принес нам что-нибудь поесть.

Пескоход взглянул на крохотный пруд.

— Здесь есть рыба?

Покорно и смиренно, словно признаваясь в каком-то злодеянии, девушка произнесла:

— Я не словила ни одной за... за...

— Как давно?

— Ни одной за последние три дня. Так мы и жили. Я ела рыбу из пруда, а Розовые Бабочки кормила молоком. Молоко у меня еще есть, — она посмотрела вниз на ребенка, затем снова на Пескохода, отчаянным взглядом умоляя поверить ей. — Она только что ела. Молока было в достатке, правда.

— Будет холодно, — сказал Пескоход, взглядываясь в небо. — Видишь, какое ясное?

— Ты останешься сегодня на ночлег?

— Всю еду, которую найду, я должен оставить в подарок. — И он рассказал ей о жреце и о своем видении.

— Но ты же вернешься?

Пескоход кивнул, и она подсказала ему лучшие места для охоты — места, где ее племя добывало дичь, когда им это удавалось.

Крутой скалистый склон за деревом, прудом и маленьким кругом живой травы отнял у него больше часа на подъем. У кривого утеса — его изогнутый, изъеденный эрозией каменный перст был воздет к небесам — он нашел место ночлега, которое служило приютом ее племени: скалы, укрывавшие спящих от ветра, несколько вытоптанных троп, еще не стертых непогодой, и блестящие косточки мелких животных. Но это место не представляло для него интереса или пользы.

Пескоход охотился до самого темна, пока в небе не взошла планета-сестра, но так ничего и не добыл. Ему хотелось улечься спать прямо там, где стоял, но он обещал

девушке вернуться, да и в воздухе уже потянуло ледяным духом. Как и ожидал, он нашел ее лежащей среди корней дерева в обнимку с ребенком.

Вымотанный, он рухнул наземь рядом с ней. Шум его дыхания и тепло тела разбудили ее. Она вздрогнула, открыла глаза, улыбнулась, увидев его, и вдруг он почувствовал, что рад сюда вернуться.

— Поймал что-нибудь? — спросила она.

Он покачал головой.

— А я поймала. Вот, гляди. Я подумала, это пригодится тебе в качестве подарка, — она протянула ему маленькую окоченевшую рыбку.

Пескоход принял ее, но затем снова покачал головой. Если фазана-притворщика оказалось недостаточно, то рыбешки — и подавно.

— Рыба протухнет прежде, чем я доберусь туда, — сказал Пескоход. Прогрыз рыбье брюшко, раздвинул дыру пальцами, выскреб кишки и избавился от большинства костей, оставив лишь две крохотные полоски плоти. Одну из них он протянул девушке.

— Вкусно, — проглотив, сказала она. Потом поинтересовалась: — Ты куда?

Пескоход встал, все еще пережевывая рыбу, и в голубом сиянии планеты-сестры потянулся, расправляя усталые, замерзшие мышцы.

— На охоту, — ответил он. — Днем я искал крупную добычу, которую смог бы преподнести в дар жрецу. Сейчас же я хочу найти что-нибудь поменьше, чтобы нам двоим было что поесть. Если повезет, удастся поймать скальную мышь.

Затем он ушел, а девушка легла, обняла ребенка и принялась вглядываться сквозь листву в яркую полосу

Водопада, в широкие моря и бушующие бури планеты-сестры. Ее веки сомкнулись, и она сорвала планету-сестру с дерева. Она поднесла голубой плод к своим губам и вкусила сладость. После чего девушка проснулась, все еще чувствуя привкус нежного сока во рту, и увидела, что кто-то над ней нависает. На миг она испугалась.

— Идем со мной, — это был он, Пескоход. — Ну же, просыпайся. Я кое-что нашел.

Он снова коснулся ее губ липкими пальцами, пропитанными сочным ароматом фруктов, цветов и земли.

Она встала на ноги, продолжая прижимать к себе Розовые Бабочки. Выпирающими грудями она согревала животик и ножки девочки (ведь именно для этого они и нужны, помимо молока), а ее руки, обвивающие крохотное тельце, пробивал озноб.

— Идем, — Пескоход потянул ее за собой.

— Это далеко?

— Нет, не очень. — (На самом деле дорога предстояла неблизкая, и Пескоход предложил бы ей понести Розовые Бабочки, но знал, что Семь Девочек в Ожидании испугается, как бы он ей не навредил.)

Путь лежал на северо-восток, почти к самому истоку реки. К тому времени, как они добрались до места, помеченного маленькой темной выемкой в земле, которую Пескоход выбрал своей пяткой, Семь Девочек в Ожидании уже совсем обессилела и едва не валилась с ног.

— Здесь, — объявил он. — Я остановился передохнуть, прислушался и услышал, как они говорят.

Сильными пальцами он принялся разрывать твердую, на первый взгляд, почву, разбрасывая в стороны комья. Один из них, такой же темный, как и остальные в голубом

свете планеты-сестры, засочился жидкостью. Посыпалось тихое жужжание. Пескоход разломил сочащийся ком надвое, тут же затолкав одну половину в рот себе, а другую в рот девушки. Внезапно она осознала, как сильно проголодалась, и принялась жадно жевать и глотать, выплевывая воск.

— Помоги мне, — попросил Пескоход. — Не бойся, они не ужалят тебя, сейчас слишком холодно. Просто выгребай их оттуда.

Он принял копать снова. Девушка уложила Розовые Бабочки на видное место, умастила ее губки медом, смазала им маленькие ручки, чтобы та могла слизывать его с пальцев, и присоединилась к Пескоходу. Они ели не только мед, но и жирных белых личинок, копали и ели, пока их руки, лица и тела не стали липкими и полностью вымазанными пчелиным перегноем. Пескоход отбирал самое вкусное и отдавал девушке, а она в свою очередь лучшие свои находки заталкивала в рот ему. Одурманенных пчел они сметали в сторону, и копали, и снова ели до тех пор, пока сытые и счастливые не упали в объятья друг другу. Девушка прижалась к нему, чувствуя, как затвердел и окружился ее живот, словно арбуз, выросший под ребрами, и прильнула губами к его грязному и сладкому лицу.

Он приобнял ее за плечи и мягко притянул к себе.

— Нет, — сказала она. — Не взбирайся на меня. Я разорвусь. И заболею. Лучше так...

Его дерево выросло большим, и она обвила его своими руками, а после они уложили Розовые Бабочки меж своих разгоряченных тел, чтобы каждый из них спал в тепле остаток ночи, в клубке из ног и вздохов.

Слух Пескохода наполнился ревом Вечного Грона. Он

встал и вошел в пещеру жреца, но, несмотря на то, что там было так же темно, как и раньше, в этот раз он видел все. Невесть откуда он открыл в себе силу видеть без помощи глаз и света. Пещера простиралась во все стороны, повсюду громоздились обломки упавших камней.

Он двинулся вперед и вверх. Становилось суще. Пол превратился в песчаную глину. Каменные сосульки свисали с холодных запотевших скал над головой и точно так же торчали из пола, будто он забрел в пасть какого-то чудовищного зверя. Дальше стало еще суще, каменные клыки исчезли, и остался только шершавый глиняный язык да сводчатая глотка, которая все сужалась и сужалась. Впереди он увидел ложе, окруженное костями и дарами, и жреца, поднявшегося ему навстречу.

— Мне жаль, — сказал Пескоход. — Ты голоден, а я ничего тебе не принес.

Затем он вытянул перед собой руки и увидел, что в одной держит сочные пчелиные соты, а в другой — горсть жирных личинок, увязших в меду. Жрец улыбнулся, принял их и, склонившись над кучей беспорядочно валяющихся костей, достал из нее звериный череп и протянул его Пескоходу.

Череп был старым и давным-давно высох, но жрец окропил его свежей кровью из своей ладони, и прямо на глазах Пескохода кровь снова вселила в него жизнь: кость окрепла, стала влажной, покрылась темными венами, обросла кожей и мехом. В нем Пескоход узнал голову выдры. Та открыла свои блестящие живые глазки и уставилась прямо на него.

В глазах выдры он увидел реку, где она родилась; реку, текущую мимо разоренного улья. Он видел, как ее воды

бросаются с высоких холмов, отыскивая истинную поверхность мира, наблюдал, как она несет свои стремительные потоки сквозь ущелье Вечного Грому, замедляется у порогов и снова набирает скорость, после чего расширяется на полмили и, наконец, тихо-тихо, почти незаметно, растекается по заливным лугам. Пескоход видел, как небо уверенно рассекают волосатые и белые цапли, а внизу, над водной гладью, отважно сражаются с ветрами желтые лягушки. Затем он поплыл сквозь мутную зеленую воду, как если бы погрузился в нее на целых двадцать футов, и там, среди камней, гравия и рожденного в горах песка, разглядел силуэт выдры. Коричневая, почти черная, она взвилась в воде, словно змея, подплыла к нему вплотную, повернулась, и он смог увидеть, как она перебирает своими сильными короткими лапами — от песчаного дна их отделяло расстояние в целый палец, но все равно казалось, будто она вышагивает прямо по песку. И тут он очнулся.

— Что? Что такое?

Розовые Бабочки заерзала. Сонный, он помог ей дотянуться до одной из материнских грудей, а другую накрыл своей ладонью. Он весь продрог и подумал о своем сне, но тот, кажется, еще не прекратился.

Он стоял на берегу широкой реки, ногами увязая в грязи. Рассвет еще не наступил, но звезды уже померкли. Утренний ветер покачивал камыш, а волны убегали за край света. В реке, забравшись по колено в воду, так что течение крохотными водоворотами охватывало их ноги, стояли Съедобный Лист, Летающие Ноги, старый Кровавый Палец, девушка по имени Сладкие Уста и Качающиеся Ветви Кедра.

Из-за его спины выступили двое мужчин. Он знал,

что жители заливных лугов не позволяют своим юношам взлечь с женщиной, пока горное пламя не докажет их мужества, покрыв шрамами бедра и плечи. У этих двоих были такие шрамы. Их волосы были завязаны в тугие узлы, на запястьях они носили травяные браслеты, а шеи были украшены ожерельями из восковидных цветов. Мужчина с покрытой шрамами головой издал боевой клич. Пескоход увидел, как Летающие Ноги поймал на себе взгляд шрамоголового и сделал шаг назад. Он продолжал отступать, когда внезапно река углубилась, и дно ушло из-под его ног. Летающие Ноги целиком погрузился в воду, вынырнул и стал барахтаться. Шрамоголовый бросился на него сверху. Летающие Ноги отчаянно боролся, но другие шрамоголовые были уже по пояс в воде. Они окружили его и тоже принялись толкать вниз, все глубже и глубже. Силы Летающих Ног постепенно утекали, сопротивление гасло, и Пескоход, — осознавая, что все это ему снится, пока он спит рядом с Семью Девочками в Ожидании, — подумал, как на месте Летающих Ног притворился бы мертвым и подождал, пока его не вытащат обратно на воздух. Тем временем Летающие Ноги перестал барахтаться. Ил, поднятый им со дна, увлекло течением, и воды реки очистились. Его руки и ноги безжизненно качались на воде, а длинные волосы раскинулись за ним подобно водорослям. В своем сне Пескоход направился к телу. Он старался высоко поднимать ноги и почти не создавал брызг, когда опускал их обратно. Когда он приблизился к Летающим Ногам и взглянул в пустое бледное лицо под водой, его глаза открылись, а следом распахнулся и рот. В них читалась предсмертная агония, но она быстро унялась и стихла, после чего зрачки замерли и остекленели.

Пескоход не мог дышать. Дрожа и судорожно глотая воздух, он сел. Чувствуя, будто что-то давит ему на грудь, он поднялся на ноги в попытке вынырнуть из невидимой воды. Семь Девочек в Ожидании зашевелилась во сне и разбудила Розовые Бабочки, которая тут же захныкала.

Он оставил их и поднялся на вершину небольшого холма. Как и во сне, солнце уже собиралось показаться из-за горизонта, — восток зажегся красно-фиолетовыми цветами, и они заиграли на лице Пескохода.

Когда утром Семь Девочек в Ожидании уже напилась из реки и кормила Розовые Бабочки грудью, он рассказал ей о своем сне:

— Летающие Ноги думал так же, как и я. Он хотел притвориться мертвым, но люди из болотного племени разгадали его хитрость, и... — Пескоход замялся.

— Ты сказал, он не мог встать, — рассудительно заметила девушка. — Значит, он все равно бы утонул.

— Да.

— Пойдешь сегодня на охоту? Тебе все еще нужно добыть что-нибудь в подношение жрецу, и раз уж вчера мы не остались у дерева, ты можешь переночевать там сегодня.

— Не думаю, что жрецу нужен от меня еще один дар, — медленно сказал Пескоход. — Я решил, что он отверг меня, но теперь понимаю, что все мои сны посыпал именно он: сон в пещере, в котором я плавал и смотрел на звезды, сон при дневном свете, где я гулял с матерью, сон, увиденный мной прошлой ночью, и другие, — все благодаря ему. Похоже, люди с болот и вправду похитили моих соплеменников.

Семь Девочек в Ожидании уселись, положила Розовые Бабочки на колени и, не глядя ему в глаза, осторожно заметила:

— До болот путь неблизкий.

— Сон подсказал мне, как добраться туда быстрее, — Пескоход подошел к краю небольшого ручейка, который однажды станет великой рекой, и посмотрел вниз. Вода была прозрачной, глубиной по бедра. Дно усеивали камни и песок. Он лег на воду.

Быстрое даже здесь, течение подхватило его. На мгновение он поднял голову над водой. Семь Девочек в Ожидании была уже далеко, и ее небольшая фигурка, обласканная лучами нового солнца, отдалялась все быстрей. Она помахала ему вслед и приподняла Розовые Бабочки так, чтобы та увидела его. Пескоход знал, какие слова слетают с ее уст: «Ступай с Богом».

Он отдался течению, перевернулся на живот и вспомнил о выдре. Представил, что у него тоже есть высоко расположенные ноздри и короткие, но мощные перепончатые лапы, вместо длинных ног. Он греб, набирал скорость, снова греб и снова ускорялся, лишь изредка останавливаясь, чтобы прислушаться к реву водопадов.

* * *

На своем пути Пескоход миновал их множество, — выбирался из воды и обходил пешком. Меньшие пороги он просто переплывал, и с каждым разом они давались ему все легче. На полпути от ущелья Вечного Грона он поймал крупную рыбу, которую намеревался сохранить для подношения жрецу в пещере. В глубоких заводях течения завихрялись и утягивали его к самому дну, где их сила убывала, и он замирал, подвешенный в зеленом свете, и волосы облаком окутывали его лицо, а после разевались

за спиной, когда Пескоход устремлялся обратно к поверхности сквозь легион хрустальных пузырьков воздуха.

Позднее в тот же день (хотя об этом он мог только догадываться) Пескоход проплыл мимо знакомого, родного ему края, мимо скалистых холмов, по которым кочевало его племя, и таким образом с утра продвинулся дальше на север, чем за целых пять дней прошел на юг к ущелью Вечного Грона. Наступил вечер, и Пескоход, отыскав наиболее спокойный участок реки, выбрался на песчаный берег. Он так устал, что еле заставил себя выползти из воды. Он уснул на песке, укрывшись среди высоких трав, и ни разу не взглянул на звезды.

На следующее утро Пескоход около получаса шагал вдоль узкого побережья, после чего, так и оставшись голодным, скользнул обратно в реку. Здесь все получилось куда проще. Рыбы на глубине было в избытке, и он поймал одну превосходную рыбину, а затем утку-шипачку, тихо подкравшись под водой с раскрытыми глазами и ухватив неудачливую птицу за лапы.

Река успокоилась, и пускай его продвижение от этого замедлилось, путь стал менее утомительным. Она неспешно текла меж лесистых холмов, затем, расширившись, скользила по низинам, где огромные деревья утопали корнями в воде, а их изогнутые ветви на целых пятьдесят футов нависали над каналом с обоих берегов. Наконец, на равнине, от края до края поросшей камышом и лишь кое-где отмеченной редкими деревьями, течение останавливалось, а холодная, безжизненная вода, по непонятным Пескоходу причинам, приобрела вкус пота.

Снова наступила ночь, но на этот раз рядом не оказалось уютного берега. Почти полмили он пробирался

по вонючей грязи, прежде чем наткнулся на дерево. Над головой кружили водоплавающие птицы, взывая друг к другу. Иногда они кричали так, словно смерть солнца вселяла в них неописуемый ужас, означала неминуемую гибель, знаменовала наступление ночи страха.

Подойдя к дереву, Пескоход заговорил с ним, но дерево не ответило на его приветствие, и тогда он понял: какая бы сила ни наполняла деревья пустынных оазисов на его родной земле, здесь ее нет и в помине. Это дерево могло говорить с незримым не лучше, чем с ним, и не было способно породить ребенка в чреве женщины. Все же попросив разрешения (в конце концов, он мог и ошибаться), Пескоход забрался на высокую ветку. Там его заметило несколько насекомых, но от холода они сделались вялыми. Небо покрывали облака, через которые временами пробивался бескровный свет планеты-сестры. Он уснул, но вскоре проснулся. Сперва он унюхал, затем услышал, и лишь после увидел в редких лучах света несущегося по болоту медведя-трупоеда — огромного, толстолапого, вонючего.

Пескоход почти успел снова уснуть. *Горе, скорбь, печаль.*

«Какая еще печаль?» — подумал он, но тут же вспомнил о Семи Девочках в Ожидании, Розовых Бабочках и живом, мыслящем дереве, правящем на маленьком озере рядом с цветочной лужайкой в стране скользящих камней, и что-то кольнуло в его груди.

«*Горе, скорбь, печаль*», — пропел порывистый ночной ветер.

«Не печаль, — подумал про себя Пескоход. — Ненависть». Люди с болот убили Летающие Ноги, а ведь

тот делился с ним добычей, когда Пескоход был еще совсем маленьkim. Они собираются убить Кровавого Пальца и Съедобного Листа, Сладкие Уста и его мать.

Печаль. Пой о печали.

«Не печаль, — снова подумал он. — Всего лишь дерево и ветер». Он сел и прислушался, пытаясь убедить себя, что это всего лишь вздохи ветра или бормотание дерева, грезящего о лучших краях. Впрочем, что бы это ни было за звук — может, он все-таки ошибся насчет этого одинокого, окруженного камышами дерева? — злобы в нем не было. В нем не было... совсем ничего.

Растерянный ветер вздыхал, но не словами. Листья вокруг почти не трепетали. Где-то высоко вдали прогремел гром.

«Печаль, — пели голоса. — Горе, скорбь, печаль. Одиночество и ночь грядет, нескончаемая ночь».

Не дерево, не ветер — Дети Тени. Где-то. Пескоход медленно и мягко произнес про себя: «Доброе утро. Я не одинок, не опечален, но я спою вместе с вами».

Горе, скорбь, печаль. Он вспомнил слова Старого Мудреца: «Теперь ты названный друг Тени и до того, как ночь подойдет к концу, должен научиться, как позвать нас на помощь, если она тебе понадобится». Он свято, помальчишески, верил, что сумеет освободить своих людей в одиночку, но если Дети Тени могут поддержать его, он с радостью примет их помощь.

«Одиночество», — протянул он с ними, сомкнул уста и открыл свой разум облакам, милям бескрайней воды и камыша и грядущей нескончаемой ночи.

«Горе, скорбь, печаль», — (где-то) вновь пропели Дети Тени, но их мысленная песнь уже не походила на простые

эмоции и превратилась в нечто более осмысленное, в привычную для таких обстоятельств ритуальную песнь. Они услышали его.

«Приди к нам, друг Тени. Помоги нам в нашем горе».

Пескоход пытался задавать им вопросы, но не мог. Как только его мысль переставала быть частью песни, как только прекращала молить и трепетать вместе с другими, незримые узы рвались и он снова оставался один.

«Приди к нам, помоги нам, — пели Дети Тени. — Помоги нам в нашем горе».

Содрогаясь от воспоминания о медведе-трупоеде, Пескоход спустился с дерева. Где-то далеко в ночи злобно заклекотала хищная птица. Было сложно определить, откуда доносится песня, движения отвлекали, мешали сосредоточиться. Он остановился, постоял немного, прислонился к стволу дерева и, наконец, закрыл глаза и откинул голову. *Горе, скорбь, печаль.* Кажется, с северо-запада, наискосок от основного русла реки. Пескоход взглянул на небо в надежде сориентироваться по Оку Холода, но плотные, густые облака если и пропускали звездный свет, то лишь на краткие мгновения.

Он двинулся в выбранном направлении, зашлепал по грязи и остановился, смутившись от собственного шума. Болото, казалось, слушало. Он снова зашагал и через несколько сотен шагов приноровился идти почти бесшумно. Высоко поднимая колени, он быстро переносил ногу над водой и вертикально опускал вытянутую стопу вниз, как ныряльщик. «Как болотная птица», — подумал он. Пескоход вспомнил длинноногих хохлатых жабоколов, гордо шагающих по самому краю реки. «Я истинный Пескоход».

Но под ногами его была лишь грязь. Несколько раз его охватывал испуг от мысли, что он увязнет в этом болоте, а маленькие зверьки, вроде скальных мышей, поспешно разбегались или ныряли в воду, потревоженные его шагами. Кто-то невидимый посвистывал на него из камышовых зарослей и черных отверстий нор.

«*Горе, скорбь, печаль*», — пели Дети Тени, теперь уже ближе. Все еще мягкую почву больше не покрывала стоячая вода. Пескоход осторожно скользил от тени к тени и замирал, когда свет планеты-сестры пробивался сквозь облака. До него донесся голос — тонкий, но уже настоящий голос Дитяти Тени. Он слышался на некотором расстоянии, но совершенно отчетливо:

— Они выжидают, хотят схватить его.

— У них ничего не выйдет, — отвечал ему другой голос, гораздо менее четкий. — Он наш друг. Он... мы... убьем их всех.

Пескоход затаился среди камышей. Пять минут, десять — он не двигался. Над головой проплывали облака, уносясь на восток, но на их место тут же наползали новые. Ветер качал камыш и что-то шептал. Спустя долгое время молчание нарушил голос, не принадлежащий никому из Детей Тени:

— Они ушли. Если кто-то вообще здесь был. Они услышали их и ушли.

Второй голос согласно хрюкнул в ответ. В сотне, а может и больше, шагов впереди что-то зашевелилось. Пескоход скорее услышал их, чем увидел. Еще через минут пять он начал медленно по кругу отходить влево.

Примерно через час он узнал, что там неровным четырехугольником засели четверо мужчин, и предполо-

жил, что в его центре скрываются Дети Тени. Оказаться загнанным было для него не внове, — в детстве за ним дважды охотились изголодавшиеся люди, — и Пескоход мог бы легко раствориться в воздухе, найти новое место для ночлега или же вернуться к старому. Но вместо этого он начал медленно прокрадываться вперед, одновременно испуганный и возбужденный.

— Скоро рассвет, — произнес один из мужчин.

— Тише ты. Другие все еще могут прийти.

Пескоход подобрался почти к самому центру четырехгольника.

Он крался медленно. Неожиданно его рука схватила воздух. Земли впереди больше не было. Пескоход пошарил руками. Они ушли вниз. Не провалились полностью, но уперлись в крутой, но плавный склон. Он вглядился в темноту и услышал тонкий голосок Дитяти Тени:

— Мы тебя видим. Проползи еще немного вперед, если можешь, и вытяни руки.

Миниатюрные, костлявые пальцы обхватили его запястья, потянули, и он увидел перед собой маленькую, темную фигурку. Его потянули снова, и появилась еще одна фигурка. Затем его схватила третья, а первые две растворились среди камышей. Четвертая — и эта проскользнула мимо. Пятая — и с последней они остались одни. Прижимаясь к самой земле, он развернулся и пополз обратно. Вокруг раздавались тихие шорохи, где-то рядом один из охотников крикнул (казалось, прямо в ухо):

— Вон, смотри!

Раздался треск сотни ломающихся камышей. Кто-то продирался сквозь заросли. Из камышей справа показался охотник и бросился на Пескохода. Подкравшееся сбоку

Дитя Тени кинулось нападавшему в ноги, обвилось вокруг лодыжек, и тот повалился наземь.

Едва охотник успел упасть, а Пескоход уже вонзал свои безжалостные, как камни, пальцы ему в шею. Сверкнула молния, и Пескоход увидел искаженное от боли лицо и две маленькие ручки, тянувшиеся выдавать глаза жителю болот.

Затем, все еще ослепленный вспышкой, Пескоход встал. Вокруг была беспроглядная тьма, слышались вопли жителей болотного племени, кто-то тонким голосом кричал. Перед ним замаячила темная фигура охотника, и Пескоход сноровисто пнул врага в живот, схватил за голову и дернул навстречу своему колену. Отступил на шаг. Дитя Тени запрыгнуло охотнику на плечи, обвило костлявые ноги вокруг его горла, вцепилось пальчиками в волосы.

— Оставь его, — торопливо сказал Пескоход. — Нужно скорее уходить отсюда.

— Но зачем? — голос Дитя Тени звучал спокойно и радостно. — Мы побеждаем!

Оседланный им охотник, корчащийся в агонии, выпрямился и попытался вырваться из захвата. Ноги Дитя Тени сжались, и на глазах Пескохода болотный житель упал на колени. Внезапно все вокруг стихло. Стало даже тише, чем было до того, как их обнаружили: смолкли насекомые и птицы, ветер больше не колыхал камыш.

— Вот и все, — произнесло Дитя Тени. — Славная компания, не так ли?

— Не сомневаюсь в храбрости твоего народа, — ответил Пескоход, все еще не уверенный, что драка закончилась, — но половину из них я одолел сам.

Житель болот, рухнувший на колени минуту назад, не-

уверенно поднялся и ведомый Дитятей Тени на его плечах, пошатываясь, заковылял прочь.

— Я не о нас, — услышал Пескоход. — Я о них. Нам хватит не на один пир. Теперь им всем дорога в яму, где они держали нас. Приходи туда и увидишь сам.

— А ты разве не идешь? — Пескоход повертел головой в поисках говорившего, но никого не увидел.

Ответа не последовало. Пескоход развернулся и, доверившись своему превосходному чувству направления, зашагал обратно к охотничьей яме. Там он увидел всех четырех пленников: на плечах троих сидели всадники, а четвертый стонал от боли и катался по земле, отчаянно протирая окровавленными пальцами кровоточащие глазницы. Еще двое Детей Тени сидели на затоптанной болотной траве.

— Сегодня съедим слепца, — раздался голос из-за спины Пескохода. — А остальных отведем в холмы и поделимся с друзьями.

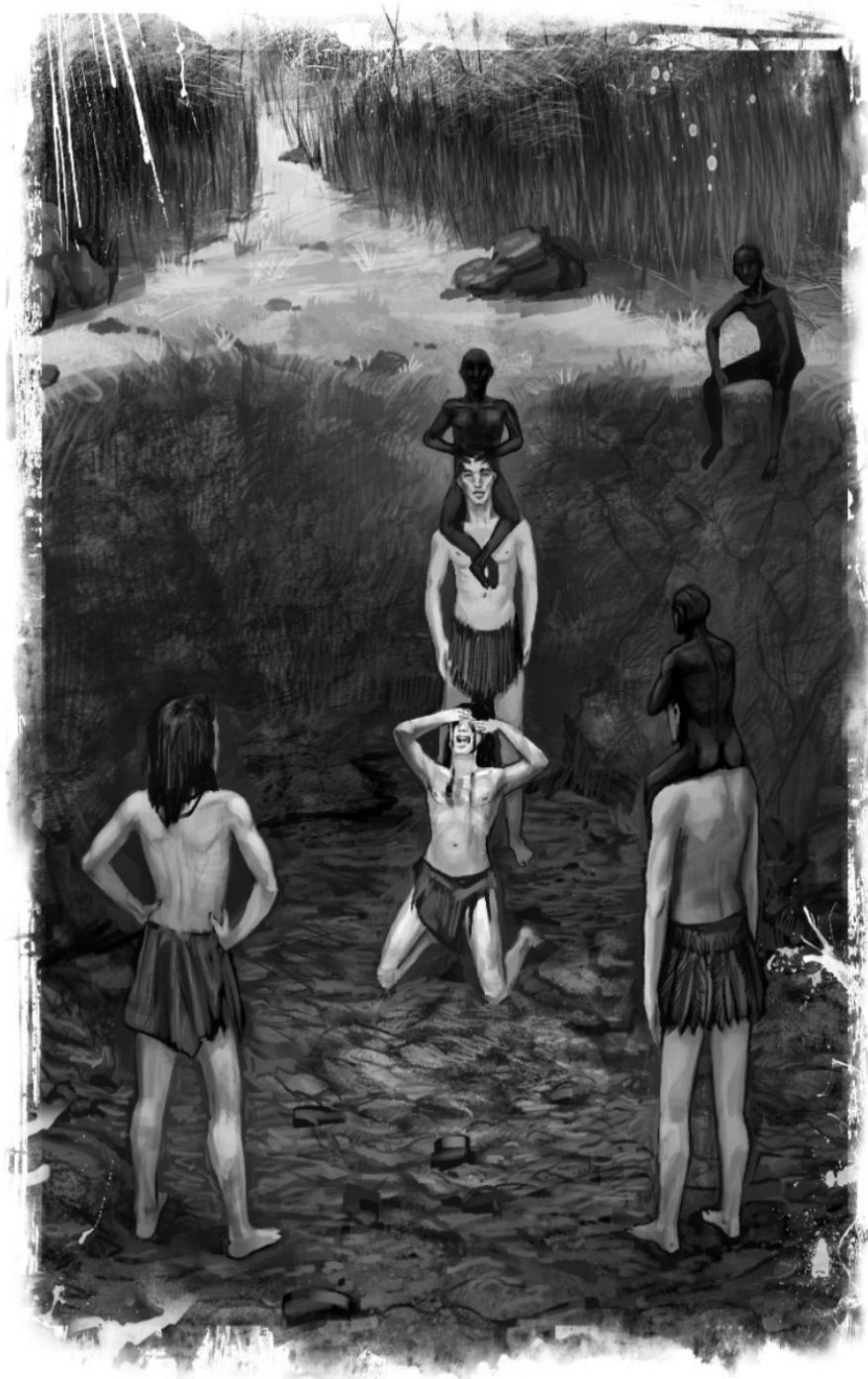
Слепой заскулил.

— Где ты? Я тебя не вижу, — сказал Пескоход. — Ты тот самый Старый Мудрец, с которым я говорил три ночи назад?

— Нет.

Из ниоткуда вдруг вышагнуло шестое Дитя Тени. В полумраке (в котором даже острые глаза Пескохода различали лишь силуэты и смутные очертания, — оседланых охотников он скорее чувствовал, чем видел) оноказалось вполне реальным, хоть и выглядело старше остальных.

Облака расступились, и звездный свет заблестел на его голове, словно покрытой инеем.

— Лишь по твоему пению мы признали в тебе друга Тени. Ты так молод. Это правда, что ты стал одним из нас всего три ночи назад?

— Я ваш друг, — осторожно заметил Пескоход, — но не думаю, что я один из вас.

— В своих мыслях ты с нами. Только это имеет значение.

— Звезды, — произнес слепец голосом, который вполне мог быть голосом его раны, цедящей слова через лиловосиние края языком из сочащейся крови. — Будь здесь наш звездопроходец Последний Глас, он бы тебе объяснил. Он покидает тело и странствует среди звезд верхом на спине Воинственной Ящерицы. Оттуда он видит то, что видит Бог. Ему ведомо то, что ведомо Богу и как ему должно поступить.

— В моей стране тех, из чьих уст льются подобные речи, — усмехнулся Пескоход, — мы гоним на край скалы. И даже немножко дальше.

— Звезды говорят с Богом, — упрямо продолжал слепой пленник, — и река говорит со звездами. Те, кто смотрит в ночные воды, могут видеть среди ряби приближение летящих звезд. Мы отдаем им жизни невежественных холмогорцев, и, если звезды эти покидают свои места на небе, мы окропляем воды кровью звездопроходца.

Старый Мудрец куда-то запропастился (Пескоход больше не видел его среди молчаливо ждущих Детей Тени), но его голос произнес:

— Хватит болтовни. Мы голодны.

— Потерпите немного. Мне нужно узнать о своей матери и моих друзьях. Эти люди пленили их.

— Сперва отгони нелюдей, — потребовал слепец.

— Оставьте нас, — сказал Пескоход, и двое Детей Тени, не восседавших на шеях охотников, пошуршили ногами по

траве, но остались сидеть на своих местах. — Они ушли, — соврал Пескоход. — Теперь рассказывай про пленников.

— Это ты меня ослепил?

— Нет, это было Дитя Тени. Я тот, кто сжимал пальцы на твоем горле.

— Тебя привело их пение?

— Да.

— Потому-то мы и держим их вдали от людей, рядом с холмами. Частенько их пение приводит к нам их собратьев. Бывало, их постепенно набивалось в яме числом до двадцати, потому что их не особо заботит то, что их друзей могут съесть — лишь бы удрать самим. Но иногда, прямо как сейчас, мы теряем все — никогда не думал, что это может случиться со мной. Но я и не знал, что их пение может привести мальчишку.

— Я мужчина. Я познал женщину и видел веющие сны. Ты утопил Летающие Ноги, осквернив чистоту Бога смертью. А что с остальными?

— Ты хочешь спасти их, Пальцы на Моем Горле?

— Меня зовут Пескоход. Да, я спасу их, если смогу.

— Они далеко к северу отсюда, — жутким голосом произнес слепец. — Рядом с великой обсерваторией Ока. В ловчей яме, которую мы зовем Другим Оком. Но своего глаза я лишился, и второго тоже. Так скажи же мне, где сейчас светят звезды? Я хочу знать, когда пробьет мой смертный час.

Небо было затянуто облаками, но Пескоход все равно не-произвольно взглянул вверх, и как только сделал это, слепец прыгнул. В одно мгновение Дети Тени накинулись на него, как муравьи на падаль, а Пескоход пнул пленника ногой в лицо. Остальные пленники бросились врассыпную.

— Не хочешь отведать с нами этого мяса? — спросил Старый Мудрец, когда слепца удалось приструнить. — Ты друг Тени, один из нас, а значит, есть его для тебя больше не зазорно. — Он появился снова, хотя в борьбе со слепцом участия не принимал — по крайней мере, одна из туманных фигур была похожа на него.

— Нет, — сказал Пескоход. — Я вчера хорошо поел. А вы разве не станете преследовать тех, кто бежал?

— Позже, не сейчас. Волоча этого на себе, мы никогда их не догоним, а если оставим его тут, — слепой или нет — он тоже сбежит. Можно, конечно, сломать ему ноги, но где-то недалеко бродит медведь-трупоед — мы учゅали его прямо перед тем, как появился ты.

— Да, я видел его, — кивнул Пескоход.

— Не хочешь посмотреть, как он умрет?

— Лучше я пойду по следу остальных, — ответил Пескоход. Про себя он подумал, что они, должно быть, побежали на север, вниз по течению. К яме под названием Другое Око.

— Неплохая мысль.

Пескоход отвернулся, и не успел он сделать и десяти шагов, как полился дождь. Но даже шум падающих капель не мог заглушить предсмертные хрипы слепца.

* * *

Наступило новое утро, ясное и прохладное. Прежде чем солнце успело подняться на ширину ладони над горизонтом, разошлись последние облака, очистив голубой небосклон, кое-где все еще подернутый тьмой и отмеченный увядающими звездами. На заливных лугах гнулся

и посвистывал на ветру камыш, и Пескоход, отдавшись бушующим водам реки, плыл, наблюдая, как случайные птицы покоряют мягкий воздух, пересекая небо от края до края.

Выследить троих беглецов было не трудно. Болотники — рыбаки, воины, ловцы мелкой дичи, но не охотники, по крайней мере, не в том смысле, какой придают этому в горах. Он еще не видел их, но сотни крохотных признаков подсказывали, что они уже совсем недалеко: примятые к земле травинки все еще силились выпрямиться, а отпечатки ног в грязи до сих пор медленно наполнялись водой, когда он проходил мимо. Были там следы и других мужчин. Путь беглецов пролегал уже не по обычным звериным тропкам. Пескоход ощущал в этих землях чье-то незримое присутствие, которого не было на сотнях миль пустынных предгорий, присутствие бесстрастное, безжалостное, погруженное в глубокие думы, презрительное ко всему существу под облаками.

В то же время Пескоход прекрасно знал, что за ним следом идут Дети Тени. В предрассветные часы он слышал их Песнь Множества Полных Ртов, а позднее — Песнь Дневного Сна. Сейчас они молчали, но и в тишине витало их присутствие.

Трое беглецов устали — судя по следам в грязи, они уже спотыкались и еле волочили ноги. Однако нечего было и думать о том, чтобы справиться с ними в одиночку, без помощи Детей Тени, к тому же они и нужны-то были ему лишь затем, чтобы заманить Детей Тени глубоко в болота, где они смогли бы ему помочь. Он и сам вымотался от погони, и, отыскав клочок земли, достаточно сухой, чтобы на нем выросло несколько кустиков, Пескоход уснул.

* * *

— *И где же он?* — спросил Последний Глас, и Восточный Ветер, который все видел, рассказал ему.

— *Ага!* — победно воскликнул Последний Глас.

* * *

Они напали на Пескохода в сумерках, окружили плотным кольцом. Подкрались сзади, обступили со всех сторон: крепкие, покрытые шрамами мужчины с уродливыми глазами. Пескоход отчаянно метался по кругу, от одного края к другому, пытаясь отыскать лазейку, но болотные жители все приближались и приближались, пока не сомкнули круг плечом к плечу. Он понадеялся на темноту, но в темноте-то (в конце концов) его и поймали. Пескоход яростно сопротивлялся, и его крепко избили.

Пять дней его продержали в плenу, затем всю ночь гнали перед собой и с первыми лучами солнца толкнули в яму, прозванную Другим Оком. В ней уже сидело четверо: его мать, Качающиеся Ветви Кедра, Съедобный Лист, старый Кровавый Палец и девушка по имени Сладкие Уста.

— Сынок! — вскрикнула Качающиеся Ветви Кедра и разрыдалась. Она сильно исхудала с тех пор, как они виделись в последний раз.

Полдня Пескоход убил на попытки вскарабкаться по стенам Другого Ока. Сначала он заставил Съедобного Листа и девушку Сладкие Уста подталкивать его вверх, затем убедил старого Кровавого Пальца облокотиться на крутой песчаный склон, чтобы Съедобный Лист мог взобраться

ся ему на плечи, а Пескоход по ним обоим — выбраться наружу и сбежать, но песок стен Другого Ока был таким мягким, что проскальзывал под их руками и ногами, и чем больше они на него опирались, тем невозможнее становилось лезть. Наконец Кровавый Палец потерял равновесие, Пескоход свалился, и на этом их потуги кончились.

Спустя где-то час после полудня у края ямы появился еще один Пескоход и долго стоял, взирая вниз. Пескоход в яме тоже пристально смотрел на себя вверх. Затем болотники, крепкие мужчины со шрамами, принесли длинную лиану и, держась за один конец, сбросили в яму другой.

— Этот, — сказал Пескоход наверху и указал на Пескохода настоящего.

Пескоход отрицательно покачал головой. Нет.

— Не бойся, тебя не принесут в жертву... пока что. Вылезай.

— Вы меня отпускаете?

Другой Пескоход рассмеялся.

— Тогда, если хочешь говорить со мной, братец — полезай вниз сам.

Восточный Ветер взглянул на тех, кто держал лиану, шутливо пожал плечами и, придерживаясь за нее, скользнул вниз.

— Дай-ка разглядеть тебя получше, — сказал он Пескоходу. — У тебя мое лицо.

— Ты мой брат, — ответил Пескоход. — Ты снился мне, и я слышал о тебе от матери. Мы родились, и, омывая нас в реке, она держала меня, а ее матушка тебя. Но пришли болотники, вырвали твое имя из бабушкиных уст, чтобы получить власть над тобой, а затем убили ее.

— Я знаю, — сказал Восточный Ветер. — Последний Глас, мой учитель, все мне рассказал.

Пескоход решил, что получит определенное преимущество, если втянет в разговор их мать, поэтому произнес:

— Напомни, как же ее звали, мама? Твою матушку, которую они утопили?

Но Качающиеся Ветви Кедра молчала и только плакала.

— Ты умрешь, — сказал Восточный Ветер, — и понесешь наши послания по реке, что говорит со звездами, а те перескажут их Богу. Однако Последний Глас предупредил меня, что твоя смерть может нести угрозу для меня самого. Не исключено, что мы с тобой — один человек.

Пескоход покачал головой и презрительно сплюнул.

— Это честь для тебя. Сейчас ты обычный мальчишка с гор, каких уйма, но среди звезд ты будешь превыше и важнее меня, постигающего несомые рекой послания Бога.

— Между нами нет ничего общего, — огрызнулся Пескоход, — у тебя даже бороды нет, — сказал он и коснулся губы, под которой уже пробивалась щетина.

Неожиданно девушка Сладкие Уста, наблюдавшая за ними (вместе со Съедобным Листом и старым Кровавым Пальцем), захихикала. Пескоход сердито на нее посмотрел, и она просто ткнула пальцем в Восточного Ветра, не в силах сдерживать смех.

— В младенчестве, — объяснил Восточный Ветер, — нам тugo перевязывают эти штуки женскими волосами, и они отмирают. Это совсем не больно, и лишь некоторые из тех, кто избран стать звездопроходцем, умирают от этого. Да, Последний Глас предупредил меня, что мы — одно целое, но ты умрешь раньше меня и отправишься к реке и звездам. Я не боюсь этого. В сновидениях я поплыту

вместе с тобой в места силы. Я пришел сказать, что в своих снах ты все еще сможешь ходить, как живой человек.

Вдруг Восточного Ветра позвали сверху:

— Ученик Небес, мы схватили еще нескольких. Может тебе стоит подняться?

Пескоход посмотрел наверх и увидел крохотные фигурки Детей Тени, с трех сторон окруженные болотниками.

— Нет уж, — ответил Восточный Ветер. — Если я не убоялся этих, — эти хотя бы люди, — стоит ли мне бояться тех?

— Не исключено, — сказал Пескоход.

Дети Тени покатились вниз по песчаному склону. В ярких солнечных лучах они выглядели еще меньше, чем ночью, — землистого цвета и с ногами-крючьями. Глядя на них, Пескоход подумал, что настоящий ребенок в таком состоянии долго не проживет.

— Скоро мы умрем, — сказало одно из Детей Тени (Пескоход не был уверен, какое именно), — и они нас всех съедят. И тебя тоже.

— Ритуал поедания даров, принесенных в жертву реке, сильно отличается от пира, маленькие нелюди. А вами мы попирем, — сказал Восточный Ветер.

Болотник, позвавший Восточного Ветра, (он явно пользовался авторитетом среди остальных) объявил с края ямы, потирая руки:

— Пятеро, Ученик Небес! И нет ничего слаще мяса Детей Тени!

— Шестеро, — поправил Восточный Ветер.

— Эта яма вырыта не руками, — заметило одно из Детей Тени. Несколько его сородичей уже ощупывали все вокруг, просеивая мелкий песок сквозь пальцы.

— Они следовали за тобой, — обратился Восточный

Ветер к Пескоходу. — Не хочешь познакомить их с новым домом? Объяснить, почему они оказались здесь?

— Объяснил бы, если б мог. Но никто не знает, почему мир такой, какой есть. Известно лишь, что подчиняется он воле Бога.

— Так знай же, где стоишь. Здесь — в паре сотен шагов на восток — река растекается в бесконечность. Она подобна стеблю, переходящему в бутон цветка, с той лишь разницей, что бутон реки, называемый Океаном, не имеет границ.

— Я в это не верю, — ответил Пескоход.

— Ты разве еще не понял? И не понимаешь, почему река превосходит в святости даже Бога и звезды? Почему детей на заре их жизни следует омывать в ее водах? Почему, когда падает звезда, воды реки нужно окроплять кровью звездопроходцев? Река — это Время, и оканчивается она здесь, впадая в священный Океан — в прошлое, что простирается в вечность. На восточном, более низком берегу, где вода то соленая, то сладкая, находится Око — великий круг, из которого звездопроходцы отправляются в путь. На этом же, западном, берегу река умолила Океан сотворить Другое Око, чтобы хранить здесь дары, которые со временем будут ему преподнесены. Последний Глас, большой знаток всего на свете, говорит, что руки Океана, что непрерывно хлещут по берегам, утаскивают из-под наших ног песок, в то время как вынесенный рекой на побережье, — наползает сверху, восполняя потерю. Таким образом, Другое Око никогда не пустует и никогда не будет наполнено.

— Мы омываем детей в реке, — отвечал Пескоход, — потому что она — проявление божественной чистоты. Младенцы покрыты корневой землей деревьев, — их

отцов, — и ее надлежит смыть. А что до остальной твоей чуши — она не лучше фантазий о нашем с тобой единстве.

— Последний Глас вскрывал тела женщин... — начал было Восточный Ветер, но завидев отвращение на лице Пескохода, развернулся, ухватился за лиану и подал знак, чтобы его вытащили. Наверху он коротко махнул рукой на прощанье и сказал:

— Всего доброго, матушка. Всего доброго, братец, — и ушел.

— Ты мог что-то выпросить у него, — неодобрительно проворчал старый Кровавый Палец. — А теперь он уже не вернется.

Пескоход пожал плечами.

— Они хоть выпустят нас наверх, чтобы попить? — спросил он. — Меня мучит жажда, а прудов в этой яме что-то не видать.

Не видать здесь было и тенька, но Дети Тени заранее разлеглись под стеной на закатной стороне и свернулись там маленькими темными клубками.

— На закате они сбросят нам стебли, — сказал Кровавый Палец. — Не самые вкусные, но сока в них хватает. Вот и все питье. И вся еда.

Он ткнул пальцем в Детей Тени:

— Но если прикончить этих паразитов, то будут нам и еда и сочный напиток. Нас трое, их пятеро — не такой уж плохой расклад. При свете дня дерутся они слабо.

— Двое вас, шестеро нас. И Съедобный Лист не полезет в драку, если я встану против него.

На миг лицо Кровавого Пальца исказилось гневом. Пескоход прекрасно помнил его огромные кулаки и приготовился увернуться и ударить. Но Кровавый Палец только криво усмехнулся, обнажив полубеззубый рот:

— Только ты и я, да, малец? Будем колотить друг друга остальным на потеху. Победишь ты — твоим друзьям еда. Возьму верх я — и они придут за мной с наступлением ночи. Нет уж. Через пару дней ты оголодаешь, если хоть кто-то из нас вообще останется жив. Тогда-то мы и поговорим.

Пескоход покачал головой, но улыбнулся. Всю ночь его гнали похитители, а утром он провел, борясь с осыпающимися стенами, поэтому, когда Кровавый Палец отвернулся и отошел, Пескоход вырыл небольшое углубление в песке рядом с Детьми Тени и улегся в него спать. Спустя какое-то время подошла девушка Сладкие Уста и легла рядом с ним.

* * *

На закате, как и обещал Кровавый Палец, в яму сбросили несколько стеблей. Дети Тени их поделили и принесли по одному для Пескохода и Сладких Уст. Сладкие Уста приняла свою долю, но ее так испугали светящиеся глаза Детей Тени, что она перебралась на другой край ямы и села рядом с Качающимися Ветвями Кедра.

Появился Старый Мудрец и занял место возле Пескохода. Стебля в его руках не было.

— Ну и что же нам теперь делать? — спросил Пескоход.

— Говорить, — ответил Старый Мудрец.

— Но какой в этом смысл?

— Возможности действовать у нас, может, и нет, но всегда полезно обсудить то, что уже сделано и что еще может быть сделано, когда ничего другого сделать нельзя. Все великие политические движения в истории зародились в тюрьмах.

— Что такое политические движения? И что такое история?

— У тебя высокий лоб и широко посаженные глаза, — ответил Старый Мудрец, — однако, как и у всех твоих сородичей, мозги у тебя в брюхе... — он похлопал Пескохода по твердому, плоскому животу, ну или, по крайней мере, сделал вид, потому как пальцы его были бесплотными, — так что ни одна из этих черт не говорит о наличии умственных способностей.

— У всех нас мозги в брюхе, когда мы голодны, — тонко подметил Пескоход.

— Разумы, ты хотел сказать, — поправил его Старый Мудрец. — Истинный разум способен взмывать на четырнадцать тысяч футов над головой и даже выше.

— Звездопроходцы болотного племени уверяют, что их умы — или они имеют в виду души — покидают землю, несутся сквозь пространство, отталкиваются от планеты-сестры и, отдавшись тяготению вселенной, скользят, парят и кружатся меж созвездий до самого рассвета, обретая знания и наблюдая за всем сущим. Так мне говорили, пока я был в плену.

Старый Мудрец фыркнул и спросил:

— Ты знаешь, что такое звездолет?

Пескоход покачал головой.

— Видел когда-нибудь бревно, плывущее по реке? Там, среди холмов, где воды мчатся между скал и увлекают за собой поленья?

— Таким способом я сам спускался по реке. Потому и добрался до заливных лугов так быстро.

— Тем лучше, — сказал Старый Мудрец и обратил свой взор в ночное небо. — Вон там, видишь? — спросил он, указывая пальцем. — Как вы его называете?

Пескоход попытался проследить за направлением призрачного перста.

— Где? — все еще не видя, спросил он. Женщина с Горящими Волосами безмятежно взирала невидящими глазами сквозь руку Старого Мудреца.

— Да вон же! Простирается через все небо, от края до края.

— Ах, это, — догадался наконец Пескоход. — Это Водопад.

— Отлично. А теперь представь полое бревно, достаточно большое, чтобы в него поместились люди и могли отправиться на нем туда. Представил? Вот это и будет звездолет.

— Понятно.

— На таких, путешествуя среди звезд, летали люди — моя раса. Еще задолго до начала времени сновидений.

— А я думал, вы всегда здесь жили, — удивился Пескоход.

— Нет, — покачал головой Старый Мудрец. — Мы прибыли сюда недавно. Либо очень-очень давно. Я точно не помню.

— А что об этом говорится в ваших песнях?

— В те времена у нас еще не было песен. Потому-то, наверное, мы и остались здесь, и по этой же причине потеряли наш звездолет.

— Вы бы все равно не смогли вернуться, — заметил Пескоход. Он представил себе плавание по реке против течения.

— Мы знаем. С тех времен мы сильно изменились. Как думаешь, Пескоход, мы похожи на вас?

— Да не очень. Вы слишком маленькие, у вас болезненный вид, уши у вас слишком круглые, волос тоже мало.

— Все так, — задумчиво сказал Старый Мудрец и замолчал. В наступившей тишине Пескоход слышал тихий незнакомый звук, он то нарастал, то утихал: то Океан в четверти мили отсюда разглаживал пляж своими мокрыми ладонями, однако Пескоход этого не знал.

— Я не пытался вас оскорбить, — сказал наконец Пескоход. — Я просто говорил, что вижу.

— Мысль — вот, что определяет нас, — ответил Старый Мудрец. — Мы представляем себя не такими, как ты описал, поэтому на самом деле мы выглядим иначе. Тем не менее, мне грустно слышать, как нас видят другие.

— Мне жаль.

— Как бы там ни было, когда-то мы выглядели совсем как вы.

— О! — только и сказал Пескоход. В детстве Качающиеся Ветви Кедра часто рассказывала ему истории вроде «Как кошачий мул получил свой хвост» (украл его у недоящерицы, которой тот служил языком) или «Почему неорел никогда не летает» (стесняется показывать свои уродливые ноги другим животным и прячет их в высокой траве, если, конечно, не собирается кого-нибудь убить). Пескоход думал, что Старый Мудрец хочет рассказать ему такую же сказку, а так как эту он еще не знал, то слушал с нескрываемым интересом.

— Как я и сказал, мы прибыли сюда то ли недавно, то ли очень-очень давно. Иногда, на рассвете, перед тем, как затянем Песнь Дневного Сна, мы вглядываемся в лица друг друга и пытаемся вспомнить имя нашего старого дома. Но также мы слышим мысли наших не поющих братьев, летящих среди звезд. Мы отвлекаем их, заставляем повернуть назад, но их мысли все равно проникают в

наши песни. Возможно, наш дом зовется Атлантидой или Му, а может Гонданой, Африкой, Пуатемом или Страной Друзей. Я помню все эти имена, один за пятерых.

— Интересная история, — сказал Пескоход. Ему понравились названия, но, упомянув о себе как о пятерых, Старый Мудрец напомнил ему об остальных Детях Тени. Все они проснулись и слушали, рассевшись по разным уголкам ямы. Двое из них пытались взобраться по зыбким песчаным стенам и замерли прямо там, боясь пропустить хоть слово: один в четверти пути наверх, второй почти на половине. Люди же, все за исключением его самого, спали. В яму проникало голубое сияние планеты-сестры.

— Когда мы прибыли сюда, мы выглядели так же, как ты сейчас... — начал Старый Мудрец.

— Но вы сбросили свое обличье, когда пошли купаться, — продолжил за него Пескоход, вспомнив о перьях и цветах, которые его соплеменники иногда носили в волосах. — А мы укралы его у вас и с тех пор носим на себе, — когда-то Качающиеся Ветви Кедра рассказывала ему похожую сказку.

— Нет. Нам необязательно было сбрасывать облик, чтобы вы забрали его себе. Ты происходишь из расы оборотней — в нашем старом доме мы называли таких вервольфами. До нас вы выглядели как любое животное, а некоторые из вас принимали фантастические облики, вдохновленные облаками, потоками лавы и воды. Однако затем прилетели мы и предстали перед вами во всей своей силе, величии и могуществе. Мы приводнились в море, шипя подобно тысяче змей, и ступили на ваш берег как завоеватели, сжимая в руках горящий свет и пламя.

— Ах! — восхищенно воскликнул Пескоход. Сказка ему очень нравилась.

— Свет и пламя... — задумчиво повторил Старый Мудрец, раскачиваясь взад-вперед. Он прикрыл глаза и энергично шевелил челюстью, как будто что-то ел.

— А что было потом?

— А ничего, это конец. Вы так восхитились нами, что переняли наш облик и носите его по сей день. То есть, я хотел сказать, наш былой облик.

— Но это же совсем не конец, — возразил Пескоход. — Ты рассказал, как мы стали одинаковыми, но забыл рассказать, как мы стали такими разными. Я ведь выше любого из вас, да и ноги у меня прямые!

— Мы выше вас и сильнее, — ответил Старый Мудрец. — Мы окутаны великой и ужасной славой. Да, у нас больше нет штук из света и пламени, но мы убиваем взглядом, а песни наши несут врагам погибель. Растения роняют фрукты в наши руки, а земляistorгает урожай, поднося нам сынов летающих матерей, стоит только заглянуть под камень.

— Ах, — снова сказал Пескоход. Он хотел ответить: «Ваши кости кривы и слабы, а лица вялы. Вы бежите от людей и света», но промолчал. Теперь он звался другом Тени и не хотел ссориться. А вслух сказал: — Но все равно мы не одно и то же, ведь у моих соплеменников нет ваших способностей, а наши песни не витают в ночном ветру и не тревожат сон.

Старый Мудрец кивнул и ответил:

— Я покажу тебе, — он опустил взгляд, кашлянул в ладони и протянул их к Пескоходу.

Пескоход попытался разглядеть, что он держит, но пла-

нета-сестра сейчас сияла ярко, и в ее свете руки Старого Мудреца были прозрачными, будто сотканными из тончайшей паутины. В них что-то определенно было — какая-то темная масса, — но, даже наклонившись ближе, Пескоход все равно не мог понять, что это, и, когда он попробовал коснуться того, что держал Старый Мудрец, его пальцы прошли сквозь руки и сквозь то, что в них было. Он вдруг почувствовал себя глупым и одиноким мальчишкой, который вместо того, чтобы лечь спать, разговаривает с пустотой.

— Вот, — сказал Старый Мудрец и подал знак. К ним подошло второе Дитя Тени, из плоти и крови, и приселось рядом с Пескоходом.

— Это с тобой я говорил все это время? — спросил Пескоход, но оно не ответило и даже не взглянуло на него. Вместо этого оно кашлянуло в ладони, как сделал это Старый Мудрец, и вытянуло их перед собой.

— Говоря со мной, ты общаешься со всеми нами, — объяснил Старый Мудрец. — По большей части с этими пятерыми, но также и со всеми остальными Детьми Тени, хотя их песни доносятся слишком уж издалека, чтобы определять мою форму. Но взгляни-ка на то, что он протягивает тебе.

Пескоход посмотрел на Дитя Тени. Темное, юное на вид лицо Дитя оставалось безучастным и молчаливым. Глаза его были почти закрыты, но сквозь полуприкрытые веки Пескоход все равно ощущал на себе его взгляд: дружелюбный, смущенный и боязливый.

— Возьми немногого, — предложил Старый Мудрец.

Пескоход ткнул пальцем в пережеванную массу и понюхал, — ну и мерзость.

— Мы отказались от всего ради нее. Всего лишь трава

этого мира, но нет ничего ценнее ее. Широкие листья, серые и бородавчатые; желтые цветы, а зерна похожи на колючие розовые яйца.

— Я видел это растение, — сказал Пескоход. — Съедобный Лист предостерегал меня в детстве — оно ядовито.

— Так говорят твои соплеменники, и ты действительно умрешь, если проглотишь его, хотя, пожалуй, такая смерть куда лучше жизни. Однако, между полным и следующим ликами планеты-сестры, мужчина может сорвать свежие листья и, плотно сложив, положить себе за щеку. С той поры для него больше не будет ни женщин, ни мяса — он становится святым, потому что в нем поселяется Бог.

— Встречал я одного такого, — шепотом процидил сквозь зубы Пескоход. — Убил бы, но пожалел.

Он не хотел говорить в полный голос, ожидая, что Старый Мудрец разозлится, но тот лишь кивнул:

— И мы таких жалеем. Завидуем им. Такой человек становится Богом. И пойми, он тебя тоже пожалел.

— Он убил бы меня.

— Потому что узрел, какой ты есть на самом деле, и ощутил твой стыд. Но только когда в небе снова взойдет полный лик планеты-сестры, мужчина может найти и сорвать свежие листья, выплюнув старые и пережеванные, более не приносящие удовлетворения, ибо, если станет жевать свежие листья чаще, он умрет.

— А если жевать его так, как ты говоришь, оно безопасно?

— Каждый из нас греет себя им смолоду, и, как видишь, мы все здоровы. И разве мы плохо сражаемся? Мы живем до глубокой старости.

— Как долго? — заинтересовался Пескоход.

— А это имеет значение? Много, с точки зрения обретенного опыта, — мы чувствуем гораздо сильней. А когда наконец умираем, мы знаем, что были больше, чем Бог, и меньше, чем животные. Но то, что мы носим во рту, утешает нас, даже когда не приносит величия. Оно — плоть, когда мы голодны и негде наловить рыбы, и молоко, когда вокруг нет воды. Юноша ищет женщину и находит, возвышается, а затем умирает для этого мира. Великим ему больше не стать, но женщина — его утешение, напоминание о былых временах, о том, что с ней он снова мал и лишь тень того, кем он был прежде. Так же происходит и с нами с той лишь разницей, что своих седых жен мы сплевываем в ладони, когда они перестают приносить утешение. Мы обращаем взор к лицу планеты-сестры, чтобы узнать, как много времени прошло, и, когда момент наступает снова, находим себе новых жен, и мы снова молоды и с Богом.

— Но вы больше не похожи на нас, — сказал Пескоход.

— Мы сменили свой облик. Давным-давно в нашем старом доме, задолго до того, как первый глупец сумел высечь огонь, мы были совсем как вы — скитались по свету и не имели ни имен, ни названий ни для чего, кроме солнца, ночи и друг друга. И теперь снова, как и тогда, боги и рукотворные вещи не волнуют нас. А вы такие же, как мы — потому что ходите, только видя, как ходим мы, и делаете то, что делаем мы.

Мысль о том, что его народ во всем подражает Детям Тени, которых при свете дня они открыто презирали, позабавила Пескохода, но он ответил только:

— Уже поздно, мне нужно отдохнуть. Но спасибо тебе за доброту.

— Ты не попробуешь?

— Не сейчас.

Молчаливое Дитя Тени, казавшееся сейчас менее реальным, чем призрачная фигура, сидящая рядом, сунуло пережеванные листья обратно в рот и побрело прочь. Пескоход потянулся и подумал, как было бы неплохо, если бы Сладкие Уста пришла и снова легла с ним. Старый Мудрец никуда не ушел, но исчез, а ему самому снились дурные сны: каждая частичка его тела испарилась, он видел, не имея глаз, и чувствовал, не имея кожи, — нагой червь сознания, висящий посреди пылающих красот. Кто-то закричал.

Крик повторился, и он бросился сражаться с пустотой. Пескоход отчаянно молотил руками воздух, но ноги его были зажаты, а в рот набился песок. Качающиеся Ветви Кедра кричала, а Съедобный Лист и старик Кровавый Палец схватили его за руки и принялись тянуть, да так сильно, что казалось, вот-вот разорвут Пескохода пополам. Вокруг него кружком сидели Дети Тени и наблюдали за происходящим. Сладкие Уста вовсю рыдала.

— Земля оседает на дне, — сказал Кровавый Палец, когда Пескохода наконец вызволили, — и иногда это происходит очень быстро.

— Когда ты был еще маленьkim, но уже считал себя взрослым, ты перестал спать рядом со мной, — сказала Качающиеся Ветви Кедра, — и я вставала по ночам, чтобы проверить все ли с тобой в порядке. Сегодня я проснулась и вспомнила об этом.

— Спасибо, — поблагодарил Пескоход, все еще кашляя и отплевывая песок.

— Мы не знали. Впредь наши недремлющие глаза

всегда будут приглядывать за тобой, — раздался голос из тени.

— Спасибо вам всем, — ответил Пескоход. — Хорошо иметь много друзей.

Они еще немного поболтали, после чего, один за другим, люди разбрелись по своим местам и легли спать. Какое-то время Пескоход кругами бродил по яме, осматривая почву под ногами и прислушиваясь к шороху песка. Но слышал он только Океан и, в конце концов, снова попробовал уснуть.

— *Этого не может быть!* — воскликнул Последний Глас. — Взгляни еще раз!

— Я не могу... облако...

Маслянистая гладь реки стелилась под ночным небом: черная, блестящая и ширящаяся гладь. В ней было не видно звезд — ничего, кроме ее собственных вод и плавающих водорослей.

— Взгляни еще раз!

Длинные, нежные, хоть и костлявые руки скжались на его плечах.

Кто-то тряс его, вокруг было все так же темно. На миг ему показалось, что он проваливается в песок, но нет. Рядом с ним стояли Кровавый Палец и Сладкие Уста, а за ними виднелись чьи-то чужие, незнакомые ему фигуры. Пескоход сел и увидел, что это болотники, со шрамами на плечах и заплетенными волосами.

— Нужно идти, — сказала Сладкие Уста. Ее большие глуповатые глаза смотрели на все вокруг и ни на что в отдельности.

При помощи лианы, подгоняемые болотными жителями, они кое-как выбрались наверх: сперва Пескоход

и Кровавый Палец, затем Съедобный Лист, а за ними следом — две женщины и Дети Тени.

— Кто?.. — хотел было спросить Пескоход у Кровавого Пальца, но тот лишь пожал плечами.

У реки, стоя на мелководье, их ждал Последний Глас. За его спиной уже брезжил рассвет. На голове у него был надет венок из белых цветов, скрывающий шрамы от ожогов там, где раньше росли волосы, а еще один венок, из свежих красных цветов, казавшихся черными в бледном свете раннего утра, он накинул себе на плечи. Рядом с ним, наблюдая за происходящим, стоял Восточный Ветер, а на берегу в ожидании толпились несколько сотен человек — молчаливые фигуры, залитые красно-желтыми лучами рассветного солнца. Постепенно проявлялись черты их лиц, и внешне некоторые — мужчина тут, ребенок там — неожиданно контрастировали на фоне остальной массы маскообразных, неподвижных лиц. Но Пескоход не обращал на них внимания и смотрел только на Последнего Гласа — он впервые видел звездопроходца вне мира грез.

Тем временем стражники завели их по колено в воду. Затем Последний Глас воздел руки к небу, навстречу увядающим звездам, и монотонно запел. Его песнь была богохульной, и спустя несколько мгновений Пескоход мысленно закрылся от нее, моля Бога дать ему шанс нырнуть, уплыть на глубину и таким образом бежать. Но это значило бы бросить остальных, да и к тому же на берегу стояло много болотников, а они, как он часто слышал, — отличные пловцы. Он взмолился жрецу, но тот ничего не ответил. А потом Последний Глас замолчал — намного раньше, чем он ожидал.

Наступила тишина, и Последний Глас рассек руками воздух. По толпе наблюдателей прокатился звук — стон, означавший, похоже, удовлетворение. Кровавого Пальца и Съедобного Листа обступили мужчины и стали загонять их на глубину. Пескоход бросился на помощь, но его тут же сбили с ног. Он упал в воду и яростно замахал руками, ожидая, что его станут топить, но никто его больше не трогал. Он нашупал дно под ногами и поднялся, откашливаясь и убирав руками с глаз свои длинные намокшие пряди. Мужчины по-прежнему толпились вокруг Съедобного Листа и старика Кровавого Пальца, но спокойствия воды уже никто не нарушал, и только мелкая рябь бежала по ней, золотящаяся в свете восходящего солнца.

— Двоих на сегодня хватит, — произнес кто-то за спиной Пескохода. — Люди довольны.

Он обернулся и увидел Восточного Ветра, который невозмутимо прошагал мимо и пошел прочь, высоко поднимая колени над водой, как волосатая цапля.

— Назад, в яму, — возвестил один из стражей, повернулся пленников, и Качающиеся Ветви Кедра, Сладкие Уста и Пескоход, а за ними и Дети Тени, побрали назад к берегу. Едва они вышли из воды, как Пескоход услышал позади хруст костей, обернулся и увидел, что двое Детей Тени мертвы, а их головы безвольно болтаются на плечах, пока болотники утаскивают их прочь. Он остановился и ощутил такой гнев, какого не испытывал еще при виде чужих смертей. Стражник подтолкнул его.

— Зачем вы их убили? — зло воскликнул Пескоход. — Они ведь не участвовали в церемонии!

Двое схватили его и скрутили ему руки. Первый ответил:

— Они не люди. Мы можем есть их, когда захотим.

А другой добавил:

— Вечером нас ждет знатный пир.

— Отпустите его, — это был Восточный Ветер. Он взял его под локоть. — Бессмысленно сопротивляться, брат, — они просто переломают тебе руки.

— Хорошо, — сдался Пескоход. Еще немного и ему бы вывернули плечи. Он махнул руками взад-вперед.

— Обычно мы приносим в жертву только одного за раз, — сказал Восточный Ветер. — Поэтому мои люди в таком восторге. Двоих людей и двоих нелюдей хватит на добрый кусок мяса каждому, поэтому они радуются.

— Значит, звезды довольны?

— Когда звезды довольны, — ответил Восточный Ветер безразличным голосом, который звучал как эхо его собственного, — нам вообще не нужно отправлять посланников по реке.

Они добрались до ямы прежде, чем Пескоход понял, что она близко. Он подошел к краю, готовый спуститься сам, чтобы не быть брошенным в нее насильно. Но внизу уже кто-то был: маленькая фигурка, прижимающая к себе другую, поменьше. Он замешкался в удивлении, и его тут же схватили за руки и бесцеремонно столкнули вниз. Новоприбывшим пленником оказалась Семь Девочек в Ожидании.

Этой ночью Старый Мудрец и оставшиеся Дети Тени пели Песнь Скорби по своим погибшим друзьям. Пескоход лежал на спине, смотрел на звездное небо и пытался понять, произвело ли какой-то эффект сообщение, порученное доставить старику Кровавому Пальцу и Съедобному Листу, но он не был обучен читать

по звездам и видел в них не более, чем привычные созвездия. Семь Девочек в Ожидании весь день рассказывала, как плыла следом за ним по реке, а затем была схвачена, и жалость, которую он, слушая ее, ощутил поначалу, постепенно сменилась бессильным гневом на ее непроходимую глупость. Сама же Семь Девочек в Ожидании выглядела скорее обрадованной, а не испуганной, обретя в яме замену бросившим ее товарищам. Но Пескоход напомнил себе, что она еще не видела церемонии утопления.

Кто бы мог прочитать по звездам? Ночь была ясной, а так как планета-сестра, которая уже пошла на убыль, еще не появилась в небе, они сияли во всем своем величии. Пожалуй, старый Кровавый Палец мог бы, но Пескоход его никогда не спрашивал. Пескоход напомнил себе, что именно поэтому яма и называется Другим Оком. Где-то на другом берегу Восточный Ветер и Последний Глас тоже изучают звезды. Он беспокойно поерзал: в следующий раз он точно бросится в реку и попытается сбежать. Свободный, он сможет помочь остальным. Если, конечно, они переживут этот следующий раз. Пескоход представил, как Качающиеся Ветви Кедра заталкивают под воду, как искажается в агонии ее лицо, проглядывающее сквозь мелкую рябь, и тут же отогнал эту мысль. Ему захотелось, чтобы Семь Девочек в Ожидании или Сладкие Уста легли рядом с ним и развеяли его тревоги, но они лежали бок о бок, протянув руки друг к другу, и спали. Песнь Скорби возвышалась и опадала, а затем стихла и умерла. Пескоход сел.

— Старый Мудрец! Умеешь ли ты читать по звездам?

Старый Мудрец приблизился к нему по песку. Сейчас

он казался призрачнее обычного, но при этом выше, как будто его фантом растянули.

— Умею, — ответил он. — Хотя я не всегда вижу в них то же, что и твои люди.

— А ты можешь ходить среди них?

— Я могу делать все, что захочу.

— И что же говорят звезды? Кто-нибудь еще умрет?

— Завтра? Ответ: и да, и нет.

— Что это значит? Кто?

— Каждый день кто-то умирает, — ответил Старый Мудрец. А затем добавил: — Не забывай, я из тех, кого вы зовете Детьми Тени. Когда звезды говорят со мной, они говорят о том, что касается нас. Но поклоняться им глупо. Истина — это то, во что веришь.

— Умрет Качающиеся Ветви Кедра?

Старый Мудрец покачал головой:

— Не она. Не завтра.

Пескоход откинулся на песок и вздохнул с облегчением:

— Я не стану спрашивать об остальных. Не хочу знать.

— Это мудрое решение.

— Но зачем тогда ходить среди звезд?

— Действительно, зачем? Мы только что пели Песнь Скорби по нашим мертвым. Ты был погружен в мысли о других погибших, поэтому мы не злимся на то, что ты к нам не присоединился, — однако Песнь Скорби лучше твоих мыслей.

— Она не вернет их назад.

— А хотели бы мы этого?

— Хотели бы чего? — Пескоход с некоторым удивлением осознал, что злится, и разозлился на себя за это. Старый Мудрец медлил с ответом, и он добавил: — Что ты

имеешь в виду? — Созвездия в небе сверкали с ледяным презрением, игнорируя их обоих.

— Я всего лишь хотел сказать, — медленно произнес Старый Мудрец, — что, если б наша песнь могла вернуть Заговорщика и Охотника, стали бы мы петь? Возвратив с того света, не убили бы мы их тем самым?

Пескоход заметил, что Старый Мудрец выглядит моложе, чем прежде. Странные они, эти духи. И еще обидчивые, вспомнил он.

— Прости, если я был неучтив, — сказал он как можно мягче. — Заговорщик и Охотник — имена твоих погибших друзей? Я друг Тени, а значит, они были и моими друзьями тоже, как и Кровавый Палец, и Съедобный Лист. Мы могли бы сделать кое-что и для них — посидеть в кругу, допоздна рассказывать истории из их жизни, — но здесь для этого не лучшее место. Здесь мне не по себе.

— Понимаю. Ты очень похож на человека, которого называл Кровавым Пальцем.

— Мать его матери и моей матери, должно быть, были сестрами или что-то вроде того.

— Ты разглядываешь моих товарищей, Детей Тени. Почему?

— Потому что никогда не думал, что у Детей Тени могут быть имена. Я всегда думал о них просто как о Детях Тени.

— Знаю, — ответил Старый Мудрец, снова взорвался в небеса, и Пескоходу вспомнилось, как он сказал, что может ходить среди звезд. Спустя долгое время (Пескоход лег обратно, перевернулся на живот и, положив голову на руки, ощутил слабый солоноватый запах своей плоти) Старый Мудрец произнес: — Их зовут Огнелис, Лебедь и Свистун.

— Прямо как людей.

— До пришествия людей с неба у нас не было имен, — мечтательно произнес Старый Мудрец. — Мы были длинными и жили в норах меж корней деревьев.

— Я думал, такими были мы, — удивился Пескоход.

— Прости, я запутался, — признался Старый Мудрец. — Нынче вокруг так много вас и так мало осталось нас.

— Ты слышишь наши песни?

— Я сплетен из ваших песен. Когда-то существовали люди, которые использовали свои руки — когда у них еще были руки — только для принятия пищи, но затем среди них появились другие, умевшие пересекать небеса от звезды к звезде. Первые могли слышать песни вторых и посыпать их обратно — гораздо, гораздо, гораздо громче. Вторые внимали этим песням, проникались ими до костей и, похоже, стали меняться под влиянием первых. Некогда я был уверен, что смогу отличить одних от других, но теперь уже нет.

— А я больше не уверен, что понимаю, о чем речь, — ответил Пескоход.

— Как искра на безмолвном своде пустоты, — добавил Старый Мудрец, — сияющий образ опустился в море в облаках из пара... — но Пескоход больше не слушал. Он ушел и устроился между Сладкими Устами и Семью Девочками в Ожидании, касаясь руками каждой.

* * *

На следующее утро, еще до рассвета, в яму снова сбросили лиану. На этот раз болотникам не пришлось спускаться в Другое Око, чтобы выгнать холмогорцев наверх. Кто-то просто прикрикнул на них с края, и

они поднялись, пусть и медленно, и нехотя. Наверху их встретил Восточный Ветер, и Пескоход, взобравшись с тремя оставшимися Детьми Тени, спросил его:

— И что же сказали звезды этой ночью?

— Они в гневе. В страшном гневе. Последний Глас обеспокоен.

— Мне тоже показалось, что выглядели они плохо — Стриж залетел прямо в волосы Женщине с Горящими Волосами. Сдается мне, Съедобный Лист и старый Кровавый Палец не доставили порученное им сообщение. Съедобный Лист всегда выполняет просьбы, но вот старый Кровавый Палец, думается мне, рассказывал всем, что вы не заслужили того, что получаете. То же самое скажу и я, если вы меня пошлете.

— Глупец! — воскликнул Восточный Ветер и попытался сбить его с ног. А когда у него не получилось, это сделали двое болотников.

Утро выдалось туманным и оттого темным. Пескоход (когда снова поднялся на ноги) подумал, что темнота и холодный туман, который над водами реки будет плотнее всего, обеспечат ему превосходное прикрытие для побега. Но болотники, по всей видимости, считали так же. Двое шли рядом с ним и держали под руки. Сегодняшний путь до реки показался ему длиннее. Пескоход споткнулся, и стражники стали его подгонять, чтобы шел в ногу с остальными. Впереди то появлялись, то исчезали в тумане маленькие темные силуэты Детей Тени и широкие бледные спины болотных жителей.

— Здорово мы наелись прошлой ночью, — сказал один из болотников. — Вчера тебя не пригласили, но ничего — сегодня и ты там будешь.

— Ваших звезд это не задобрят, — зло ответил Пескоход.

Страх и ярость вспыхнули в глазах стражника, и он выкрутил Пескоходу руку. Впереди, в тумане, раздались и стихли чьи-то нечеловеческие вопли.

— Пусть наши звезды и гневятся, — сказал другой болотник, — зато животы этим вечером будут полны.

Навстречу им вышло еще двое болотников, оба несли по обмякшему телу Дитяти Тени. Пескоход уже чувствовал запах реки и в жуткой тишине тумана слышал плеск волн, бьющихся о берег.

Последний Глас ждал их там же, где и раньше. Вокруг его высокой фигуры кружились завитки белесого пара. Сегодня болотные жители нарядились в ожерелья, браслеты и венки из свежей зеленой травы и исполняли медленный танец на берегу. Извиваясь в танце как змеи, женщины, мужчины и дети еле слышно что-то напевали. Восточный Ветер отпустил одного из стражников и прошептал Пескоходу в ухо:

— Сегодняшнее собрание может оказаться последним для нашего болота. Звезды по-настоящему разгневаны.

— Вы так их боитесь? — презрительно спросил Пескоход.

Но Восточный Ветер ничего не ответил и ушел, а стражники согнали его вместе с матерью, двумя девушками и последним Дитятей Тени в тесную дрожащую группу. Розовые Бабочки вовсю ревела, а Семь Девочек в Ожидании качала ее на руках, успокаивая бессмысленной болтовней, и просила помощи у Бога. Пескоход приобнял девушку, и она уткнулась в его плечо.

Пескоход опустил взгляд на последнее Дитя Тени, стоящее рядом, и заметил, что оно тряслется. Тут же был и

Старый Мудрец — в тумане он выглядел таким бесплотным, что казалось, его не способен видеть никто, кроме Пескохода. Неожиданно последнее Дитя Тени коснулось его руки и сказали:

— Мы умрем вместе. Знай, мы любили тебя.

— Жуй сильнее и перестанешь придавать этому такое значение, — отмахнулся от него Пескоход. Но затем, устыдившись, что задел чувства друга в его последний час, он добавил с чуть большей теплотой: — А ты который? Не ты ли показывал мне то, что вы жуете?

— Я Волк.

В это время Последний Глас затянул свою песнь.

— Ваш Старый Мудрец называл мне ваши имена прошлой ночью: Огнелис, Свистун и какое-то еще одно имя, но среди них точно не было твоего, — удивился Пескоход.

— У нас есть имена для семерых, — ответило Дитя Тени, — есть имена для пятерых. Ты же слышал имена для троицы. Мое нынешнее имя — имя для одного. И только его имя, Старого Мудреца, — неизменно.

— За исключением тех редких случаев, — вставил Старый Мудрец, — когда меня зовут Групповой Нормой, — Старый Мудрец был уже едва различим и стал походить на что-то вроде пустоты в густом тумане — на просвет в форме человека.

Пескоход наблюдал за стражей и разглядел, как ему показалось, отличную возможность для побега — завороженные пением Последнего Гласа, болотники расслабились и утратили бдительность. Все вокруг окутывал туман, а река была широкой и сокрытой от глаз. Если на то будет воля Божья, он успеет добраться до глубины...

Господь Бог мой, милостивый Господин...

Пескоход рванул с места, взметнув ногами брызги, и, проскользнув между двух болотников, попытался нырнуть. Безуспешно. Его поймали за волосы и, перед тем как вернуть обратно к остальным, избили кулаками по лицу. Семь Девочек в Ожидании, Сладкие Уста и его мать хотели было помочь, но Пескоход осыпал их проклятиями, оттолкнул от себя и кое-как умылся в горькой речной воде.

— Зачем ты побежал? — спросило последнее Дитя Тени.

— Затем, что хочу жить! Ты же знаешь, что через несколько минут нас всех утопят!

— Я слышу твою песнь, — ответило Дитя Тени, — и тоже хочу жить. Может, я и не твоей крови, но жизнь мне дорога так же, как и тебе.

— И все же нам суждено умереть, — прошептал голос Старого Мудреца.

— Нам! Не тебе! — ядовито бросил Пескоход. — Твоих костей им не забрать.

— Вместе с ним умру и я, — ответил Старый Мудрец, указав на последнее Дитя Тени. — Я наполовину твое, наполовину его творение, но без его эха твой разум не сможет придать мне форму.

— Я тоже хочу жить, — тихо повторило последнее Дитя Тени. — И мне кажется, у нас есть выход.

— Да? И какой же? — вопросительно уставился на него Пескоход.

— Люди странствуют среди звезд, изгибая пространство, чтобы сделать пути короче. С тех пор, как мы впервые очутились здесь...

— С тех пор, как *они* впервые очутились здесь, — вежливо поправил его Старый Мудрец. — Теперь я на-

половину человек и вижу, что мы всегда вслушивались в чужие мысли, но одна до нас так и не дошла — мысль о том, что мы тоже люди. Что, может быть, все мы принадлежим к единому виду, с той лишь разницей, что одни оглядываются в прошлое и увядают, а другие смотрят в будущее и процветают.

— В моем сознании звучит песнь девушки с младенцем, — сказало последнее Дитя Тени, — как и напев того, кого зовут Последним Гласом. И мне все равно, одно я с ними или нет. Мы пели, чтобы отваживаться отсюда звездолеты. Мы хотели жить так, как пожелаем, не вспоминая о том, что было и что есть. И пусть они изгибали небеса, мы изгибали их мысли. Что, если мы призовем их прямо сейчас и они явятся? Болотные жители схватят их, и им будет из кого выбирать. И, возможно, сегодня выберут не нас.

— Разве ты справишься с этим один? — спросил Пескоход.

— Нас так мало, что среди нас даже один — немалое число. А остальные поют все ту же песнь, так что звездолеты не разглядят всего, что пожелают. На единый удар сердца моя песнь прояснит их взор, а изогнутые небеса соприкасаются с нашим небом во множестве точек. Нам не придется долго ждать.

— Это принесет одни лишь беды, — сказал Старый Мудрец. — Долгое время мы беззаботно гуляли по этому бесценному раю, но что потом? Будет лучше, если все мы здесь умрем.

— Нет ничего хуже моей собственной смерти, — упрямо ответило последнее Дитя Тени, и что-то, что окутывало мир, исчезло навсегда.

Оно исчезло в один миг и покинуло реку и туман, никак не затронув ни трясущихся в танце болотников, ни поющего Последнего Гласа, ни их самих, но значило оно куда больше всего этого. Пескоход никогда не обращал на это внимания, потому что оно нависало над ними всегда, однако сейчас он уже не мог вспомнить, что это было. Небеса открылись, и не осталось ничего между птицами и солнцем, а туман, вихрящийся вокруг Последнего Гласа, мог подняться до самой Женщины с Горящими Волосами. Пескоход взглянул на последнее Дитя Тени и увидел, что по щекам его текут слезы, а в глазах — одна лишь пустота. Себя он чувствовал так же и, повернувшись к Качающимся Ветвям Кедра, спросил:

— Мама, какого цвета сейчас мои глаза?

— Зеленого, — ответила Качающиеся Ветви Кедра. — В этом свете они кажутся серыми, но на самом деле они зеленые. Зеленый — это цвет глаз.

— Зеленый... — пробормотали за ее спиной Семь Девочек в Ожидании и Сладкие Уста, а Семь Девочек в Ожидании добавила: — И у Розовых Бабочек глаза тоже зеленые.

Затем на севере, где под серым небосводом угрём извивался Океан, пронизав туман, высоко в небе полыхнула искра — красная, цвета запекшейся крови. Пескоход заметил ее раньше остальных. Она приближалась, становилась все крупнее, все яростнее, а пространство над водой все больше наполнялось свистом и гулом. На берегу одна из танцующих женщин закричала и указала пальцем на шипящий сгусток кровавого пламени, стремительно несущийся вниз. Грохотало так, как бывает, когда молния убивает дерево. Следом за

первой красной звездой явились еще две, и на всем пути их сопровождали визги болотных жителей, а когда они грохнулись на воду, болотники обратились в бегство. Сладкие Уста и Семь Девочек в Ожидании обвили руками Пескохода и уткнулись лицами в его грудь. Сторожившие их болотники разбегались кто куда, срывая с себя травяные браслеты и венки.

И только Последний Глас остался там же, где стоял. Его песнь оборвалась, но он не сбежал. Пескоходу показалось, что в глазах его горит отчаянье, словно он загнанный зверь, вынужденный, в конце концов, подставить горло челюстям измор-тигра.

— Идем, — сказал Пескоход, отстранившись от девушек, и взял за руку мать.

— Нет, — возразил голос Старого Мудреца в его ушах.

Позади них по речной воде шлепали чьи-то ноги. Это был Восточный Ветер, и, увидев его, Последний Глас сказал:

— Ты сбежал.

— Всего лишь на миг, — пристыженно ответил Восточный Ветер. — Но затем я вспомнил.

— Мне больше нечего тебе сказать, — произнес Последний Глас и, отвернувшись от всех, уставился на Океан.

— Мы уходим, — сказал Пескоход. — И даже не пытайтесь нас остановить.

— Погодите. — Восточный Ветер посмотрел на Качающиеся Ветви Кедра. — Скажи ему, чтобы подождал.

— Он тоже мой сын. Мы можем подождать.

Пескоход пожал плечами и язвительно бросил:

— Ну и чего же, братец, тебе от нас нужно?

— Это касается только мужчин, не женщин. И не... — Восточный Ветер покосился на последнее Дитя Тени, — таких, как он. Скажи им, пусть возвращаются на берег и идут вверх по реке. Клянусь, ни один болотный житель им не помешает.

Женщины ушли, но последнее Дитя Тени сказало:

— Я подожду на берегу, — и Восточный Ветер, сдавшись, нехотя кивнул.

— А теперь говори, братец, в чем же суть? — спросил Пескоход.

— До тех пор, пока звезды остаются на своих местах, — медленно ответил Восточный Ветер, — звездопроходцу позволено судить народ, но если звезда падает, реку следует окропить его кровью, чтобы она об этом забыла. Это должен сделать его ученик, а те, кто оказался рядом, должны ему помочь.

Пескоход испытующе на него посмотрел.

— Я могу его ударить, — продолжил Восточный Ветер, — и ударю. Но я люблю его, и мне не хватит духу вложить в удар все свои силы. Ты должен помочь мне. Ну же, идем.

Вместе они переплыли реку и отыскали на противоположном берегу белокорое дерево, вроде тех, что необъятным кольцом окружали Восточного Ветра во сне Пескохода. Его корни тянулись прямо в горькую воду, и, выбрав из них один не толще пальца, Восточный Ветер перегрыз его зубами, выдрал из земли и передал сочащийся отросток Пескоходу: длинный, с его руку, облепленный снизу небольшими моллюсками и пахнущий тиной. Пока Пескоход его разглядывал, Восточный Ветер вырвал еще один для себя, а затем они хлестали

Последнего Гласа, пока кровь не перестала течь из его тела, качающегося на волнах, хотя острые маленькие ракушки вдоль и поперек изрезали бледную плоть его спины.

— Он был холмогорцем, — сказал наконец Восточный Ветер. — Все звездопроходцы должны быть родом с гор.

— Что теперь? — спросил Пескоход и уронил в воду свою окровавленную плеть.

— Ничего, с ним покончено, — глаза Восточного Ветра были мокрыми от слез. — Есть его тело нельзя, но нужно отправить его вниз по реке в Океан, чтобы завершить жертвоприношение.

— Теперь ты будешь править болотом?

— Сначала мою голову следует опалить так же, как его. Затем — да.

— А с какой стати мне оставлять тебе жизнь? Ты готов был утопить нашу мать. Ты не мужчина, я убью тебя.

И прежде, чем Восточный Ветер смог ответить, Пескоход схватил его за волосы и стал запрокидывать назад.

— Вместе с ним, — прошептал голос Старого Мудреца, — умрет и какая-то часть тебя.

— Пусть подыхает. Эту часть себя мне не терпится убить.

— А он бы тебя убил?

— Он бы утопил всех нас.

— Из-за того, во что верил. Ты же убиваешь его из ненависти. Убил бы он тебя по этой причине?

— Он такой же, как и я, — ответил Пескоход и заламывал Восточного Ветра назад, пока вода не залила его глаза и не накрыла лоб.

— Есть способ это проверить, — сказал Старый Мудрец, и Пескоход увидел, что последнее Дитя Тени снова вошло в реку. Поймав взгляд Пескохода, оно повторило:

— Есть способ.

— Отлично. И какой же?

— Позволь ему подняться, — попросило Дитя Тени, а затем обратилось уже к Восточному Ветру: — Вы едите нас, но знаете, что мы — волшебный народ.

— Знаем, — все еще задыхаясь, ответил Восточный Ветер.

— Нашей силой я сверг с неба звезды, но сейчас я покажу вам куда более великое волшебство. Ты станешь Пескоходом, а Пескоход станет тобой, — произнесло Дитя Тени и молниеносно, подобно атакующей змее, метнулось вперед, вонзило зубы в руку Восточного Ветра, и ошеломленный Пескоход увидел, как лицо его близнеца расслабилось, а глаза уставились на что-то незримое.

— То, что перетекало у меня во рту, течет теперь и в его венах, — объяснило Дитя Тени, утирая с губ кровь Восточного Ветра. — И так как я сказал ему, а он поверил, в своих мыслях он — это ты.

Рука Пескохода болела после казни Последнего Гласа, и он потер ее.

— Но как мы узнаем, что он сделает?

— Скоро он сам об этом скажет.

— Все это детские забавы. Он должен умереть! — Пескоход пнул Восточного Ветра по ногам, повалил в воду и удерживал там, пока тело не обмякло. Когда он снова выпрямился, то объявил последнему Дитяти Тени: — Я говорю.

— Да.

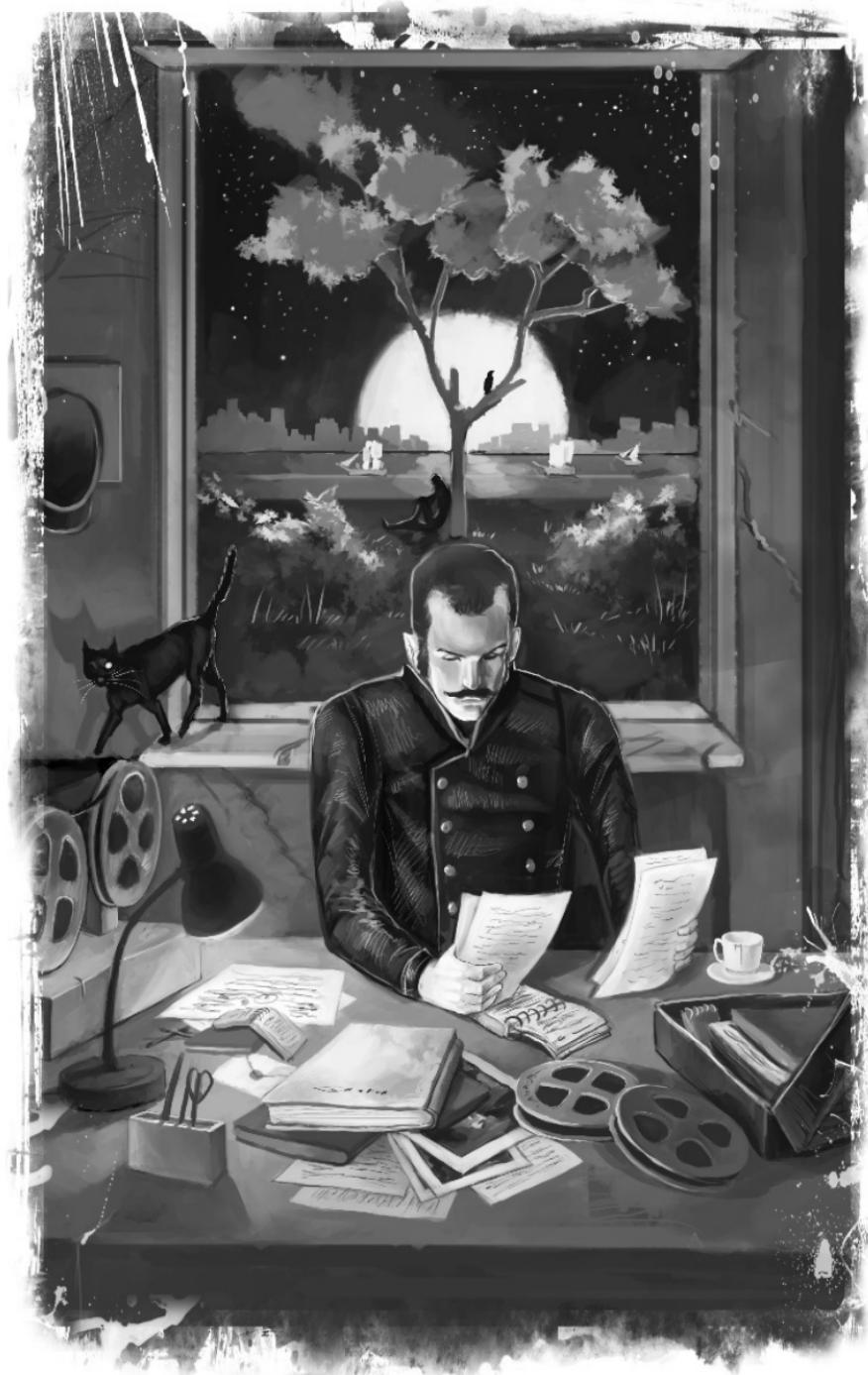
— Но теперь я не знаю, Пескоход я или Восточный Ветер в его сне.

— И я не знаю, — ответило Дитя Тени. — Однако смотри: там, на берегу вниз по течению, что-то происходит. Пойдем поглядим?

Туман рассеивался. Пескоход взглянул, куда указывало Дитя Тени, и увидел, что там, где река впадала в стонущий Океан, на воде покачивалась какая-то зеленая громадина. Неподалеку от нее на песке стояли трое мужчин с прилипшими к рукам и ногам листьями, разглядывали выброшенное на мель тело Последнего Гласа и переговаривались на языке, которого Пескоход не понимал. Когда он приблизился, те протянули к нему раскрытые ладони и заулыбались. Но они не знали, что раскрытые ладони означают (или означали когда-то), что они безоружны. Его люди никогда не знали оружия. Той ночью Пескоходу снилось, что он мертв, но долгое время сновидений уже прошло.

B.P.T.

*Но не воображай, будто я думаю о тебе.
Ты меня согрел,
и я пойду опять слушать голоса ночи.*
Карел Чапек

То был небольшой коричневый чемоданчик — дипломат из потертой темно-коричневой кожи, укрепленный латунными уголками. Когда чемодан был новым, уголки эти покрывала коричнево-зеленая краска, но со временем большая ее часть стерлась, и умирающий солнечный свет, проникавший через окно, падал на тусклый зеленоватый налет вокруг ярких шрамов свежих царапин. Раб аккуратно, почти беззвучно, поставил чемодан рядом с настольной лампой младшего офицера.

— Открой, — велел офицер. Замок чемоданчика сломался давным-давно, и закрытым его удерживали лишь тугие узлы скрученных из ветоши веревок.

Раб — мужчина с короткой шеей, острым подбородком и копной темных волос — взглянул на офицера, и тот ответил ему коротким, едва заметным кивком коротко-костриженой головы. Раб достал из пояса, висящего на спинке стула, офицерский кинжал, перерезал веревки, почтительно поцеловал лезвие и вернул его на место. Когда раб ушел, офицер потер ладони о короткие, до колен, форменные брюки, открыл чемоданчик и вывалил содержимое на стол.

Записные книжки, катушки пленки. Отчеты, бланки, письма, снова пленка. Взгляд офицера упал на толстую школьную тетрадь из дешевой желтой бумаги, и он вытащил ее из общей кучи. На полуоторванной обложке было выведено чьей-то неумелой рукой: «В.Р.Т.». Инициалы были написаны огромным витиеватым почерком, но выглядели так странно и неправильно, как будто какой-то безграмотный дикарь пытался воспроизвести увиденную им однажды подпись.

Птиц я видел сегодня. Сегодня я видел двух птиц. Одна была черепокол-сорокопутом, а другую птицу этот сорокопут...

Офицер небрежно отбросил тетрадь на край стола, окинул взглядом беспорядочную кучу, и его глаза выхватили в ворохе бумаг аккуратный, левонаклонный почерк, популярный среди сотрудников Государственной Службы.

СЭР: Отправляемые мной материалы...

...таково мое личное мнение.

...с Земли

Офицер приподнял бровь, отложил письмо и вернулся к тетради. В самом низу обложки смазанными темными буквами было написано: Канцелярские принадлежности фирмы «Медальон», Французский Причал, Сент-Анн. А на заднем форзаце:

ИМЯ

K-a E2S14 место 18

ШКОЛА
Армстронгская школа
ГОРОД
Французский Причал

Взяв со стола одну из катушек, он повертел ее в руках в надежде обнаружить приклеенную бирку или этикетку, но нет: все они беспорядочно валялись среди остальных документов. Бирки заметно пострадали от влаги, но названия, даты и подписи все еще отчетливо читались.

Допрос Второй.

Допрос Пятый.

Допрос Семнадцатый — Бобина №3.

Офицер позволил биркам проскользнуть сквозь пальцы, взял первую попавшуюся катушку и вставил в магнитофон.

З: Запись уже идет?

С: Да. Пожалуйста, назовите ваше имя.

З: Я уже называл вам свое имя, оно есть во всех ваших записях.

С: Это имя вы называли уже не раз.

З: Да.

С: Меня интересует, кто вы на самом деле.

З: Я заключенный камеры 143.

С: Ах, так вы философ! Нам-то казалось, вы антрополог. Хотя, по правде сказать, выглядите вы чересчур молодо и для того, и для другого.

З:

С: Мне поручено ознакомиться с вашим делом. Я мог бы справиться с этим и не вызывая вас из камеры. Понимаете, к чему я веду? Я подвергаю себя риску заразиться тифом и еще уймой невесть каких болезней. Или вам не терпится вернуться под землю? Сигарета вам, кажется, пришлась по душе. Может, есть еще какие-то пожелания?

З: (Жадно.) Еще одно одеяло. И бумаги! Еще бумаги, и что-нибудь, на чем можно писать. Стол!

Офицер усмехнулся и остановил запись. Пыл в голосе «З» доставил ему немало удовольствия, и теперь он наслаждался догадками и предвкушением последующего ответа. Он перемотал пленку на несколько дюймов назад и снова нажал кнопку «Воспроизвести».

С: Или вам не терпится вернуться под землю? Сигарета вам, кажется, пришлась по душе. Может, есть еще какие-то пожелания?

З: (Жадно.) Еще одно одеяло. И бумаги! Еще бумаги, и что-нибудь, на чем можно писать. Стол!

С: Вам уже давали бумагу, много бумаги. И посмотрите, что вы с ней сотворили: исписали каракулями! Вы понимаете, что если эти ваши, с позволения сказать, записи понадобится передать высшему начальству, то нам придется сначала расшифровать и переписать их? На это уйдут целые недели!

З: Вы можете передать фотокопии.

С: О да, вам бы это понравилось, не так ли?

Офицер коснулся регулятора громкости, заглушил голоса почти до шепота, и растолкал завалы на столе.

Его внимание привлек необычный, невероятно крепкий блокнот. Офицер поднял его и осмотрел: четырнадцать на двенадцать дюймов, в один дюйм толщиной, в переплете из потемневшего от времени прочного полотна, края которого приобрели кремовый оттенок от долгого пребывания на солнце. Плотные, почти не гнующиеся страницы, линованные в бледную синюю полоску. Текст на первой странице начинался с середины предложения. Осмотрев блокнот внимательнее, офицер заметил, что кто-то аккуратно вырезал из него первые три листа — лезвием бритвы или, может, очень острым ножом. Он достал кинжал и надрезал краешек четвертого. Кинжал был острым — раб тщательно следил за этим, — однако он не смог бы отрезать страницу так, чтобы остался такой же ровный рез. Офицер прочитал:

...создает обманчивое впечатление, подпитывает воображение, отчего я иногда задаюсь вопросом: что из увиденного мной реально, а что существует только в моей голове? Это выводит меня из равновесия, а слишком длинные дни и долгие ночи совсем не помогают его вернуть. Я просыпаюсь — как просыпался даже в Ронсево — за несколько часов до рассвета.

Если судить по термометру, климат здесь достаточно прохладный, однако мне так совсем не кажется — я чувствую себя так, словно нахожусь в тропиках. Солнце, это потрясающее *розовое* солнце, пылает и ярко светит с небес, но почти не греет, а излучение в синей части видимого спектра до того слабо, что небо вокруг него кажется почти черным. Вот эта самая чернота — по крайней мере, на мой взгляд — и есть настоящие тропики.

Словно потеющее африканское лицо или черно-зеленые полуденные тени джунглей. А местные растения, животные, насекомые, и даже этот нелепый, наскоро выстроенный город, лишь усиливают это ощущение. Я поневоле вспоминаю снежных лангуров — обезьян, живущих в ледяных долинах Гималаев, или тех мохнатых слонов и носорогов, что обитали во время оледенений на замерзающих окраинах Европы и Северной Америки. Однако, вопреки моим ощущениям, здесь в изобилии водятся пестрые птицы и растут широколистные растения с красными и желтыми цветами (как на Мартинике или в Тумако) — везде, где уровень почвы достаточно высок, чтобы местность не заполонили унылые засоленные камыши заливных лугов.

Люди объединяются, сотрудничают друг с другом. Наш город (проведя в одном из этих молодых, архаичных мегаполисов всего несколько дней, становишься старожилом, и меня записали в Коренные Жители еще прежде, чем я распаковал сумки и развесил вещи в раздвижном гардеробе в своей комнате) по большей части выстроен из бревен кипарисоподобных деревьев, которыми усеяна вся округа, а крыши покрыты листами гофрированного пластика — для полного счастья не хватает только боя туземных барабанов в отдалении. (И насколько упростилась бы моя работа, услышишь я хотя бы несколько! Вообще-то некоторые самые ранние исследователи юга сообщали о случаях, когда аннезийцы барабанили по стволам полых деревьев. Поговаривают, будто аборигены не пользовались барабанными палочками, а били по стволам раскрытой ладонью, как в тамтамы. Предполагается, что, как и все первобытные народы, они общались с помощью барабанного боя,

имитируя им звуки речи — за что их и прозвали «говорящими барабанами».)

Офицер быстро пролистал большим пальцем упругие страницы. Следующие страницы были, по большей части, похожего содержания, поэтому он отложил блокнот в сторону и потянулся за развалившейся стопкой бумаг, скрепленных в месте отправки («Порт-Мимизон», — прочитал он вверху обложки) ненадежным жестяным зажимом, который уже успел отвалиться. Листы были исписаны аккуратным почерком грамотного, образованного человека, страницы пронумерованы, но офицер не стал утруждать себя поисками первой.

У меня снова есть бумага, и я смог, наконец, расшифровать выстучанные сообщения моих собратьев по заключению. Как, спросите вы? Так и быть, я расскажу. Но не потому, что должен, а для того, чтобы вы подивились моей сообразительности. Вы это можете, а мне это нужно.

Прислушавшись к постукиванию, я без особого труда выделил из него кодовые группы и обнаружил, что каждая означает определенную букву. Признаться, я был приятно удивлен осознанием того, что код был задуман не сбивать с толку, а для того, чтобы его понял и смог применять даже самый малообразованный человек. Я стал делать пометки на бумаге и подсчитал частоту использования каждой группы — это было настолько легко, что любой бы с этим справился. Но как определить, какую именно букву обозначает та или иная группа? Никто, кроме шифровальщиков не держит такую информацию в голове, и вот тут мне в голову пришла гениальнейшая мысль, до которой

ни почем не догадаешься, если не обречен сидеть в камере до тех пор, пока ее стены не обратятся в прах (а похоже, именно такая участь мне и уготована): нужно проанализировать собственные высказывания! Я всегда в точности запоминал все, что слышал, и еще лучше то, что говорил сам. Например, я прекрасно помню некоторые из наших с матерью бесед в четырехлетнем возрасте. Самое странное в этом то, что теперь я понимаю, о чем она говорила со мной, хотя на тот момент многие ее слова казались мне бессмыслицей. То ли я не знал еще даже простейших слов, то ли идеи и эмоции, которые она пыталась до меня донести, были за гранью моего детского понимания.

Однако давайте вернемся к анализу. Устроившись на матрасе, я принялся разговаривать сам с собой — прямо как сейчас, — а чтобы избежать подсознательного предпочтения определенных букв, я не стал ничего записывать. Затем я представил себе алфавит и заново прокрутил в голове все, что говорил, медленно произнося слова и ставя пометки возле букв.

И вот теперь, приложив ухо к канализационной трубе, проходящей сверху вниз через мою камеру, я могу понимать то, что слышу.

Само собой, поначалу было трудно. Я вынужден был наскоро записывать перестуки, обрабатывать их, и зачастую фрагменты расшифрованных мною сообщений не содержали в себе никакой полезной информации: ТЫ СЛЫШАЛ, ЧТО ОНИ...

Но еще чаще мне не доставалось и этого. Мне было неясно, почему так много места в сообщениях занимают цифры: ДВА ДВЕНАДЦАТЬ К ГОРАМ... Но затем я понял, что они (то есть мы) называют себя по номеру камеры,

дающему представление об их местонахождении, что в тюрьме является, полагаю, самой необходимой информацией о заключенном.

На этом страница заканчивалась. Офицер не стал искать следующую, а встал и отодвинул стул. Он постоял с минуту и вышел через открытый дверной проем. На улице дул едва ощущимый ветерок, а высоко над головой Сент-Анн наполняла мир своим печальным зеленым светом. Вдали, на расстоянии мили, а то и больше, виднелись мачты кораблей. Воздух пронизывали ароматные запахи цветущих только ночью цветов, которые насадили вокруг здания по приказу прежнего коменданта. В пятидесяти футах от двери в тени хинного дерева, прислонившись спиной к стволу, сидел раб. Тень скрывала его достаточно хорошо, чтобы он чувствовал себя невидимым в те минуты, когда был не нужен, но в то же время он сидел достаточно близко, чтобы услышать любой оклик или хлопок в ладоши. Офицер метнул красноречивый взгляд, и раб тут же бросился к нему по сухой, залитой зеленым светом лужайке.

— Где Кассилья? — строго спросил офицер.

Раб почтительно склонил голову.

— Она с майором, Maître... Может, девушку из города...

Офицер, бывший значительно моложе раба, машинально хлестнул его раскрытым левой ладонью по правой щеке. Так же машинально раб упал на колени и разрыдался. Офицер пинал раба ногами до тех пор, пока тот обессиленно не распластался на увядающей траве, затем развернулся и направился обратно в маленькую комнатку, служившую ему рабочим кабинетом. Когда он ушел,

раб поднялся на ноги, отряхнул поношенную одежду и вернулся на свое место под хинным деревом. Пройдет еще часа два, по меньшей мере, прежде чем майор закончит с Кассильей.

У меня нет абсолютно никаких сомнений в том, что раса коренных жителей существовала на самом деле. Истории о них встречаются на каждом шагу, они слишком подробны, слишком основательно задокументированы, чтобы принять их за обычные городские легенды этой недавно заселенной планеты. Конечно же, отсутствие вещественных артефактов заставляет задуматься, но уверен, этому есть свое объяснение.

Должно быть, человечество и технологическая культура оказали на местных аборигенов влияние более губительное, чем на любые другие группы коренного населения в истории. Менее чем за столетие, без помощи каких бы то ни было катастроф, от вездесущих, многочисленных первобытных племен остались лишь осколки воспоминаний, и это куда хуже, чем уничтожение во время войны записей о приземлении первых французских колонистов.

Основная моя задача заключается в том, чтобы тщательно изучить всю доступную информацию об этом крайне примитивном народе, который (насколько мы знаем) не оставил после себя практически никаких следов, кроме горстки чрезмерно приукрашенных легенд. Я бы уже давно отчаялся, если бы параллели с историей Европеоидных Пигмеев времен палеолита, прозванных Добрый Народом (которые, как выяснилось, дожили в Скандинавии и Эйре до последних лет восемнадцатого столетия), не были столь очевидны.

В таком случае, как долго продержались аннезийцы? Я расспрашивал всех и каждого, внимательно выслушивал истории даже из третьих, пятых, десятых рук — ни к чему пренебрегать подобными источниками, ведь неизвестно на какую важную информацию они могут натолкнуть впоследствии. Но особенное внимание я уделял непосредственным очевидцам, способным назвать мне конкретные даты. Все показания я записал на пленку, но решил, что не будет лишним переписать сюда самые расхожие и самые интересные из них. В конце концов, пленки могут потеряться или испортиться. Во избежание путаницы все даты я привожу по местному календарю.

13 марта. Переговорив с мистером Джадсоном, хозяином гостиницы, мне удалось отыскать госпожу Мари Блант, женщину восьмидесяти лет, живущую вместе с внучкой и ее мужем на ферме, примерно в двадцати милях от Французского Причала. Прежде чем допустить меня к Мари, муж внучки предупредил, что старушка временами бредит, и в качестве примера рассказал, как она то и дело заявляет, что родилась на Земле, а иногда твердит, что это произошло на борту одного из кораблей колонизаторов. Свое интервью я начал именно с этого вопроса, и по ее ответу понял, как на самом деле мало времени в нашей культуре уделяется старшему поколению.

Госпожа Блант: Где я родилась?.. На корабле. Да. Я была первой, кто родился на корабле, и последней рожденной на нашей старой планете. Как вам такой ответ, юноша? Беременных на борт не допускали, но как выяснилось впоследствии, многим из них все же удалось пробраться на корабль. Моей матери очень хотелось улететь,

и она умолчала о своем положении. Она была тучной женщиной, а я, наверное, совсем крохотной малышкой. Разумеется, все, кто собирался лететь, должны были пройти медицинское обследование, как же без этого, но, видите ли, отлет отложили, а все осмотры закончились за многие месяцы до ее беременности. На время полета всем женщинам, как и мужчинам, надлежало переодеться в комбинезоны, так называемую космическую форму, и, почувствовав, что роды уже не за горами, мама попросила сделать ее комбинезон посвободней. Сказала, мол, к черту моду. Никто и не догадался. Когда мама оказалась на борту, у нее начались схватки, но корабельный врач тоже была в положении и никому ничего не сказала. Я родилась, и нас, как и положено, уложили спать, а когда мы проснулись, минул уже двадцать один год. Номер нашего корабля был девять-восемь-шесть. Не первый, конечно, но все же один из самых ранних. Я слышала, что раньше кораблям давали имена, и по мне это было куда романтичней.

Госпожа Блант: Да, к нашему прилету французов осталось еще немало. Большинство, кроме самых маленьких детей, были жутко изуродованы, многие остались без рук или ног. Они проиграли войну, а мы выиграли. Позже мама рассказывала, как наши мужчины отбирали у французов землю, скот... брали все, что хотели, понимаете? Тогда я была слишком маленькой, чтобы осознать, что происходит вокруг. Я росла рядом с французскими девочками, которые во время войны были слишком малы, чтобы сражаться, и разве они не были милышками? Им доставались все самые красивые и богатые мальчики. Можно было прийти на танцы в своем самом очаровательном платье, но затем

появлялась француженка в сущем тряпье, но с лентой и цветком в волосах, и все мальчишки тут же оборачивались.

Аннезийцы? Какие еще аннезийцы?

А, вы про этих. Мы называли их аборигенами или дикарями, если хотите. Они ведь были не совсем люди, понимаете? Скорее человекоподобные животные.

Конечно же, я их видела. Знаете, в детстве я часто играла с их детьми, совсем малышами. Мама не разрешала мне водиться с ними, но когда я гуляла на улице одна, то убегала на дальний край пастбища, и они приходили туда и играли со мной. Мама говорила, что они съедят меня (смеется), но я не помню, чтобы они хоть раз пытались. Зато еду воровали, это да! Они всегда были голодными и частенько пробирались в нашу коптильню. Однажды ночью папа застрелил троих из своего ружья, прямо между сараев и коптильней. А с одним из них я иногда играла и, узнав об этом, разревелась. Я ведь была всего лишь ребенком.

Нет, не знаю, где он их похоронил, если вообще стал себя утруждать. Наверное, просто оттащил их подальше и оставил диким зверям на съедение.

В комнату вошел другой офицер. Первый офицер отложил блокнот в сторону, и ветер перелистнул страницы.

— Так и знал, — сказал второй офицер. — Ну почему мы не можем заниматься всем этим днем, когда и положено?

Первый офицер пожал плечами:

— Ты сегодня поздно.

— Не так, как ты — я уже иду спать.

— Гляди, что мне досталось, — сказал первый офицер,

искривив губы в кислой улыбке, и махнул рукой на груду бумаги и пленки на своем столе.

— Политическое? — спросил второй офицер, повернувшись пальцем над кучей.

— Уголовное.

— Так вели им стряхнуть пыль с гарроты и отправляйся спать.

— Хочу сначала разобраться, что это вообще такое. Ты же коменданта знаешь.

— Если не ляжешь, то к утру тебя можно будет закапывать.

— Я позже лягу. Все равно завтра выходной.

— Ты никогда не был жаворонком, да?

Широко зевая, второй офицер ушел. Первый офицер налил себе стакан вина, давно нагретого комнатным теплом, и продолжил с того места, на котором ветер оставил страницы блокнота.

...Не знаю. Может пятнадцать лет назад, а может, нет. Вы же знаете, что годы здесь длиннее?

Я: Да, нет нужды объяснять.

Господин Д: Французы рассказывали о них много всяческих историй. Но по большей части я никогда в них не верил.

Господин Д: Что за истории? Да чушь всякая. Глупый и неотесанный народ, эти французы.

КОНЕЦ ИНТЕРВЬЮ.

Мне сказали, что одним из последних французов из числа первых колонистов был некий Робер Кюло. Он умер около сорока лет назад. Я навел о нем справки и узнал, что

его внука (тоже Робер Кюло) иногда упоминает в разговоре истории о первых днях на Сент-Анн, которые рассказывал ему дедушка. Ему (Роберу Кюло-младшему) на вид около пятидесяти пяти (земных) лет. Он заведует магазином одежды, лучшим во всем Французском Причале.

Месье Кюло: Да, дедушка часто рассказывал мне сказки о тех, кого вы называете аннезийцами, доктор Марш. У него было много историй, и все они разные.

Да, он считал, что у аннезийцев было несколько рас. Другие с ним не соглашались, но что они могли в этом понимать? Как часто говорил дедушка: «Для слепого все кошки черные». Вы часом не говорите по-французски, доктор? Нет? Очень жаль.

Я: Месье Кюло, вы не могли бы назвать приблизительную дату, когда ваш дед в последний раз видел живого аннезийца?

М.К.: За несколько лет до своей смерти. Дайте-ка подумать... Да, где-то года за три. Весь следующий год он пролежал прикованным к кровати, а еще через два смерть настигла его.

Я: Значит, это было около сорока трех лет назад, верно?

М.К.: О, вы не доверяете старику, не так ли? Как грубо! Ох уж эти французы, думаете вы, им ни в чем нельзя доверять.

Я: Что вы, напротив, я заинтригован.

М.К.: Дедушка сходил на похороны друга, смерть которого сильно подорвала его дух, и он решил прогуляться. Знаете, когда дедушка был немного моложе, то часто подолгу гулял. Лишь за несколько лет до роковой болезни он забросил свои прогулки. Но когда сердце стало поша-

ливать, он снова начал гулять. Я играл в шашки со своим отцом, его сыном, и был там, когда он вернулся.

Как он описывал своего *indigène*? *Xax!* (Смеется.) Я так надеялся, что вы не спросите. Видите ли, отец тогда стал посмеиваться над дедушкой, и это жутко того разозлило. В отместку, чтобы разъярить отца, дедушка начал разговаривать с ним на ломаном английском. Он сказал, что отец ничего не увидел, потому что весь день просидел сиднем. А шутка в том, что отец потерял на войне обе ноги. Мое счастье, что он не потерял там кой-чего другого, правда?

В общем, я задал дедушке тот же вопрос — как он выглядел? Я расскажу, что он ответил, но вы вряд ли поверите его словам.

Я: Думаете, он просто подшучивал над вами и вашим отцом?

M.K.: Трудно найти более честного старика, чем был мой дедушка. Поймите, он никогда никому не лгал. Но мог преподнести истину так, что она больше походила на издевку. Я спросил его, как выглядело то существо, а он ответил, что иногда оно напоминало человека, а иногда деревянный столб.

Я: Деревянный столб?

M.K.: Или мертвое дерево, что-то в этом роде. Погодите-ка, я соберусь с мыслями. Возможно, он сказал: «Иногда как человек, иногда как старое дерево». Даже не представляю, что он имел в виду.

Месье Кюло направил меня к нескольким другим членам французской общины Французского Причала, которые, по его словам, согласились бы пойти со мной

на контакт. Также он упомянул доктора Хагсмита, врача, достигшего некоторых успехов в изучении культурных традиций аннезийцев. Мне удалось встретиться с ним в тот же вечер. Доктор говорит на английском и называет себя фольклористом-любителем.

Д-р Хагсмит: Мы с вами преследуем совершенно разные цели, доктор Марш. Нет, я не пытаюсь преуменьшать значимость вашей работы, просто сам я занят немногим другим. Вы стремитесь докопаться до истины, но боюсь, отыскать вам удастся лишь жалкие крохи. Мне же интересны небылицы, и таких у меня скопилось довольно много. Понимаете?

Я: Хотите сказать, ваша коллекция богата записями об аннезийцах?

Д-р Х.: У меня их тысячи, сэр. Двадцать лет назад я прибыл сюда молодым врачом. В те дни мы были уверены, что к настоящему времени этот город станет великим. Не спрашивайте, почему мы так думали, но это правда. Мы все спланировали: музеи, парки, стадион. Нам казалось, у нас есть все необходимое! И у нас действительно было все — за исключением людей и денег. У нас и сейчас есть все необходимое. (Смеется.)

Я начал записывать истории для своей медицинской практики. Я понял, что эти легенды обaborигенах могут оказывать влияние на умы людей, а их умы, в свою очередь, — на их болезни.

Я: Но сами выaborигенов никогда не видели?

Д-р Х.: (Смеется.) Нет, сэр. И тем не менее, я, вероятно, лучший специалист по ним из всех ныне живущих. Спрашивайте о чем угодно, я процитирую главу и стих.

Я: Ну что ж, давайте попробуем. Как вы считаете, аннезийцы все еще существуют?

Д-р Х.: Так же, как и раньше. (Смеется.)

Я: И где же они, по-вашему, обитают?

Д-р Х.: Вы хотите знать, в какой местности? Те, что живут в глухи, все так же ведут кочевой образ жизни. Те же, что обитают в окрестностях ферм, зачастую выбирают для жилья самые дальние и неприметные закутки, но иногда один или два могут поселиться в коровнике, а то и под крышей самого дома.

Я: Часто их замечают?

Д-р Х.: Нет, встретить их удается крайне редко. Как правило, стоит кому-нибудь на них взглянуть, и они тут же принимают форму какого-нибудь предмета домашнего хозяйства — стога сена или чего-то в таком роде.

Я: Люди и правда верят, что они на такое способны?

Д-р Х.: А вы разве нет? И если не способны, то куда же они все подевались? (Смеется.)

Я: Вы сказали, что многие из них живут в глухи?

Д-р Х.: В дебрях, в пустошах. Так мы их называем.

Я: А как они выглядят?

Д-р Х.: Как люди. Их кожа цвета камня, а на голове копна нечесаных волос, разве что кроме тех, у кого волос вообще нет. Некоторые повыше вас и меня, и очень сильные, другие маленькие, даже меньше детей. Только не спрашивайте, каких детей, я не знаю.

Я: Предположим на минутку, что аннезийцы на самом деле существуют, и я решил отправиться на их поиски. Где вы посоветуете искать?

Д-р Х.: Поищите у пристаней. (Смеется.) Или у священных мест. Ох, ну вы и даете! Вы не знали, что у

них были священные места, доктор? Так вот, были, сэр, и не одно, а еще и хорошо организованная и очень запутанная религия. Когда я только прибыл сюда, до меня часто доходили слухи о великом жреце — или великом вожде, называйте, как хотите. В любом случае он был больше, чем простым сказочным аборигеном. Железную дорогу тогда только-только построили, дикие звери еще не успели к ней привыкнуть, и довольно многие из них гибли под колесами поездов. Люди то и дело замечали, как этот товарищ бродит среди ночи по путям и воскрешает их, за что его называли Золоходом и другими прозвищами в том же духе. Нет, не Золушкой, я знаю, о чем вы подумали — Золоходом. Однажды жене погонщика скота поездом отрезало руку — подозреваю, что она напилась и выругалась прямо на рельсах, — и погонщик привез ее сюда, в больницу. В общем, как обычно, достали из банка органов замороженную руку и пришили ей на место старой. Но Золоход нашел отрезанную руку, вырастил из нее новую женщину, и получилось, что у погонщика стало две жены. Естественно, новая жена, выращенная Золоходом, была настоящей аборигенкой за исключением одной руки. И вот, аборигенная часть женщины повадилась воровать, а человеческая возвращала украденное хозяевам. Кончилось тем, что доминиканцы ополчились на бедного погонщика за то, что у него слишком много жен, и он решил избавиться от той, которую сотворил Золоход, под предлогом того, что с одной человеческой рукой она плохо рубила дрова...

Вы удивлены, сэр? Понимаете, будучи не совсем людьми, аборигены не умели обращаться с орудиями труда. Они могли поднять их и нести, но сделать или соорудить что-то с их помощью были не способны. Они волшебные

животные, если хотите, но лишь животные. Признаться, сэр... (смеется) для антрополога вы ужасно несведущи в собственном предмете. Поговаривали, что именно такую проверку французы устраивали на переправе, прозванной Кровавым Ручьем — останавливали каждого встречного, вручили ему лопату и заставляли копать...

На растрескавшийся подоконник окна офицерского кабинета запрыгнул кот. Огромный, черный, весь изодранный, с единственным глазом и сдвоенными когтями — кладбищенский кот из Виенны. Офицер прикрикнул на него, но кот никак не отреагировал, и тогда он медленно и осторожно, чтобы не спугнуть, потянулся к пистолету. Как только пальцы его коснулись рукоятки, кот зашипел, как брошенный в масло утюг, и выскочил в окно.

Месье д'Ф.: Священные места, мсье? Да, таких мест у них было много. Например, каждое дерево, растущее в горах, считалось священным, особенно если корнями оно стояло в воде. Также исключительно священным считалось место, где наша река — Темпус — впадает в море.

Я: А другие были?

Месье д'Ф.: Далеко вверх по реке была пещера, укрытая среди скал. Но я не знаю, видел ли ее кто-нибудь. А ближе к устью реки высилось кольцо из огромных деревьев. Почти все из них срубили, но пни все еще на месте. Есть тут один попрошайка, Тренчард, который делает вид, будто он один из них. Попросите, и он всего за пару су отведет вас туда, ну или отправит с вами своего сына.

Вы о нем слышали, мсье? Да-да, рядом с доками. Его тут каждая собака знает. Но имейте в виду, он мошенник

и фигляр. Его руки (показывает собственные руки) так сильно поражены артритом, что он не может работать. Объявил себя аборигеном и строит из себя сумасшедшего, однако люди верят, что, если дать ему пару монет, это принесет удачу.

Нет, он такой же человек, как и мы с вами, женат на нищенке, которую мало кто видел, их сыну около пятнадцати.

Офицер пролистал двадцать или тридцать страниц и продолжил там, где стиль записей резко менялся, указывая на иной характер материала.

Одно охотничье ружье (калибр .35) для защиты от крупных животных. Нести буду я. 200 патронов.

Одна легкая винтовка (калибр .225) для обеспечения котелка мелкой дичью. Понесет мальчик. 500 патронов.

Один дробовик (20 калибра) для мелкой дичи и птиц. Навьючен на переднего мула. 160 патронов.

Одна упаковка спичек (200 коробков).

Сорок фунтов муки.

Дрожжи.

Два фунта (местного) чая.

Десять фунтов сахара.

Десять фунтов соли.

Столовые приборы.

Поливитамины.

Аптечка.

Лагерная палатка с вертикальными стенками, ремонтный набор, дополнительные колышки и веревка.

Два спальных мешка.

Брезент для подстилки.

Запасная пара ботинок (для меня).

Сменная одежда, набор для бритья и т.д.

Коробка с книгами — некоторые я привез с Земли, но большинство куплены в Ронсево.

Магнитофон, три фотокамеры, пленка и этот блокнот. Ручки.

Фляги берем только две, но мы все время будем идти вдоль Темпуса.

Вот и все, что пришло мне в голову. Уверен, нам будет недоставать многих вещей, о которых я не подумал, но в следующий раз я подготовлюсь лучше. Как говорится, первый блин комом. Будучи студентом Колумбийского университета, я часто читал отчеты исследовательских экспедиций путешественников викторианской эпохи, в этих их крагах и пробковых шлемах, нанимавших сотни рабочих — носильщиков, копателей и прочих, — и, исполненный Гутенбергского энтузиазма, представлял, как сам однажды встану во главе подобной экспедиции. И вот я в последний раз ложусь спать под крышей, а уже завтра мы двинемся в путь: три мула, мальчик (в лохмотьях) и я (в синих брюках и спортивной футболке, купленной в магазине Кюло). По крайней мере, не придется волноваться о мятеже среди подчиненных, разве что мул лягнет или мальчишка перережет горло во сне!

* * *

6 апреля. Первая ночь похода. Я сижу у маленького костерка, на котором мальчишка приготовил ужин. Из

него вышел на удивление превосходный лагерный повар, хоть и слишком экономный на дрова. Впрочем, из прочитанного я знал, что жители пограничья все таковы. Я бы даже назвал его милым, если бы не странная хитринка в этих больших глазах.

Он уже уснул, но я предпочел еще посидеть, подробно описать первый день нашего путешествия и полюбоваться чужими звездами. Мальчишка успел рассказать мне о здешних созвездиях, и, сдается, теперь я разбираюсь в небесах Сент-Анн лучше, чем когда-либо разбирался в звездах Земли, а если еще нет, это не займет у меня много времени. Мальчик заявил, что знает названия всех аннезийских созвездий, и пусть существует огромная вероятность, что все они выдуманы его отцом, я все равно запишу их и понадеюсь позже получить подтверждение из независимого источника. Есть среди них Тысяча Щупалец и Рыба (туманность, наползающая на одинокую яркую звезду, словно стараясь ее поглотить), Женщина с Горящими Волосами, Воинственная Ящерица (Солнце — одна из звезд в ее хвосте), Дети Тени. Детей Тени я не могу сейчас найти, но уверен, мальчик мне их показывал — две пары ярких глаз. Показывал он мне и другие, но их я уже забыл. Пора бы начать записывать свои беседы с мальчиком.

Но давайте начнем с самого начала. Мы вышли рано утром, и мальчик помог мне нагрузить мулов, хотя правильнее будет сказать, что это я ему помог. Он умело обращается с веревками и вяжет сложные, запутанные на вид узлы. Узлы эти очень крепкие, но стоит мальчику захотеть, и они легко распускаются под его рукой. Его отец вышел проводить нас (чем вызвал мое крайнее удивление) и обрушил на меня внушительное количество пустой

риторики, призванной выманить еще немного денег в качестве компенсации за отсутствие мальчика. В конце концов, я сдался и дал ему пару монет на удачу.

Мулы показали себя только с лучшей стороны: выглядят они довольно крепкими, а упрямствуют не больше, чем можно от них ожидать. Они крупнее лошади и гораздо сильней, с головами длиннее моей руки и большими квадратными зубами желтого цвета, которые можно увидеть, когда мулы раздвигают свои толстые губы, поедая растущие вдоль дороги колючки. Двое серых и один черный. Когда мы остановились на привал, мальчик разыючили их, и я слышу, как они бродят в темноте, а иногда замечаю пар от их дыхания, витающий в холодном воздухе, словно бледный призрак.

* * *

7 апреля. Вчера мне показалось, что мы неплохо продвинулись вперед, но сегодня я понял, что мы не выбрались даже за пределы заселенной — по крайней мере, наполовину — сельской местности вокруг Французского Причала. Я почти уверен, что стоит подняться на вершину одного из холмиков неподалеку от нашего лагеря — и вдали непременно увидишь огни фермерского дома. Утром мы прошли мимо крошечного поселения, которое мальчишка назвал «Лягушачьим Городом». Вряд ли это название пришлось бы по душе его жителям. Я поинтересовался, не стыдно ли ему так называть деревеньку, раз у него самого французские корни, и он с совершенно серьезным видом ответил, что нет, в нем наполовину течет кровь Свободного Народа (так он называет аннезийцев)

и только им он предан. Словом, мальчишка непреклонно верит своему отцу, хотя, похоже, он единственный, кто на это способен — вот она, сила родительского воспитания. И все же он мальчуган смышленый.

Как только мы вышли за пределы «Лягушачьего Города», дорога как будто испарилась. Мы подобрались к самому краю «глуши», и мулы сразу это почуяли: стали более упрямыми, пугливыми. Иными словами, вели себя не как люди, а как все остальные животные. Следует объяснить, что мы идем к реке не напрямую, а по длинной диагонали через северо-запад. Таким образом мы надеемся обогнуть заливные луга и топи (я уже достаточно настроился на шрамы на руках старого попрошайки, чтобы у меня отбило всякое желание идти тем путем!) и пересекаем питающие их маленькие ручейки, которых хватало, чтобы мы могли регулярно пополнять наши запасы воды. Так или иначе, воды Темпуса, как мне сказали, долгие мили от побережья все равно непригодны для питья из-за чрезмерной солености.

Устанавливая вчера палатку (о чем я хотел, но совершенно забыл упомянуть), мы обнаружили, что не прихватили с собой топорик, ну или любой другой инструмент, пригодный для забивания колышков. Я упрекнул мальчишку за это, но он лишь усмехнулся и довольно быстро решил проблему с помощью обычного камня. Он приносит много сухих веток для костра и с удивительной силой ломает их через колено. Чтобы разжечь огонь, он сооружает из сучьев нечто вроде домика или беседки и заполняет его сухой травой и листьями, на что у него уходит времени меньше, чем у меня уже ушло на сегодняшнюю запись. Он всегда (то есть прошлой ночью и

сегодня) просит меня разжечь костер, считая это, по всей видимости, некой превосходящей функцией, достойной лишь главы экспедиции. Полагаю, есть в походном костре что-то священное, если только Божья воля простирается так далеко от Солнца; но, возможно, чтобы не ошеломить нас священным таинством дыма, мальчик благоговейно поддерживает наш костерок столь небольшим, что я удивляюсь, как ему вообще удается на нем готовить. Я заметил, что, несмотря на это, он часто обжигает пальцы, после чего каждый раз сует их в рот и припрыгивает вокруг костра, что-то нашептывая самому себе.

* * *

8 апреля. Мальчишка худший стрелок из всех, кого я только встречал. Пока что это единственное, с чем он не справляется хорошо. Я поручил ему нести легкую винтовку, но, понаблюдав три дня за тем, как он пытается из нее стрелять, забрал винтовку обратно. Похоже, что все его представление о стрельбе заключается в том, чтобы направить ствол в сторону любого животного, на которое я укажу, закрыть глаза и спустить курок. Мне кажется, в глубине своего сердца (если оно у него вообще есть) мальчик искренне убежден, что смертоносным при выстреле является звук. Всю дичь, какую нам удалось раздобыть до сих пор, подстрелил я. Я либо выхватывал винтовку из рук мальчика после того, как он пальнет, и делал второй (торопливый) выстрел, прежде чем то, по чему он промахнулся, скроется из виду, либо палил из охотничьего ружья, что по сути своей напрасная трата как дорогостоящих боеприпасов, так и мяса.

С другой стороны, мальчик (уж не знаю, почему называю его так, видимо взял пример с его отца; он уже почти мужчина и, если подумать, всего лишь на восемь-девять лет младше меня, по крайней мере физиологически), как никто другой, умеет выследить подстреленную дичь. Он лучше любого пса разыщет и принесет ее в лагерь — что, признаться, само по себе большое достижение. Мальчик часто бывал в «глуши», хотя ни разу не добирался до искомой нами священной (надеюсь, не вымышенной) пещеры, расположенной далеко вверх по течению. Так или иначе, он, похоже, много времени провел в дикой природе со своей матерью — у меня сложилось впечатление, что ей была совсем не по душе та жизнь, которую ее муж обеспечивал для них во Французском Причале, но я не могу сказать, что виню ее за это. С нюхом мальчишки на кровь и моими навыками стрельбы, не думаю, что мы останемся без мяса.

Что еще сегодня? Ах да, кошка. Увязалась за нами, не успели мы выйти за пределы Лягушачьего Города. Солнечные блики удивительным образом увеличивали и без того обманчивые границы зеленого пейзажа под темным небом, и когда в полдень я увидел ее мельком, то понапалу принял за измор-тигра. Естественно, моя пуля прошла слишком высоко, и при виде взбитой ею пыли, все вокруг съежилось до своих подлинных размеров: «кустарниковые деревья» оказались обычными кустами, а расстояние, оцененное мной в двести пятьдесят ярдов — не больше, чем третью этой цифры, превратив моего «измор-тигра» в крупную домашнюю кошку земной породы, явно забредшую слишком далеко от своей фермы. Похоже, она преследует нас вполне со-

знательно и сейчас держится не более чем в четверти мили позади. После обеда я сделал по кошке несколько дальних (двести-триста ярдов) выстрелов. Это огорчило мальчика так сильно, что я тут же раскаялся в своих фелицидных помыслах и сказал, что если ему удастся заманить животное в лагерь, то он может оставить его себе. Уверен, кошку привлекли обедки, которые мы оставляем после себя. Завтра их будет вдоволь — я застрелил росистого оленя.

* * *

10 апреля. За два дня безустанного путешествия по глухи мы видели много диких животных, но ни единого намека на живого аннезийца. Мы пересекли три небольших ручья, которые мальчик окрестил Желтой Змейкой, Бегущей Девочкой и Концом Света, хотя на моей карте они были отмечены как Пятидесятимильный Ручей, Река Джонсона и Ружетт. Ни с одним из них проблем у нас не возникло: два удалось перейти вброд там же, где мы на них вышли, а Ружетт (окрасивший мои ботинки, ноги мальчика и копыта мулов) — в нескольких сотнях ярдов вверх по течению. Надеюсь, Темпус (который мальчик называет просто «Рекой») я увижу уже завтра. Мальчик уверяет, что священная пещера аннезийцев находится еще очень далеко вверх по течению, и говорит, что пласти, в обход которых мы держали путь, состоят не из камня, а из грязи и ила, не способных удержать стены пещеры.

До меня наконец дошло, что если мальчик действительно, как и говорит, провел добрую часть жизни в дикой местности, то — вопреки губительному влиянию отца

и проистекающей из этого вере в собственные аннезийские корни — из него может получиться превосходный источник информации. Интервью с ним я уже записал на пленку, но, как и в случае с другими наиболее интересными материалами, продублирую его здесь.

* * *

Я: Так значит, говоришь, вы с мамой часто — особенно весной и летом — жили в так называемой «глуши», иногда целыми месяцами напролет. Мне известно, что пятьдесят или более лет назад аннезийские дети нередко заглядывали на отдаленные животноводческие фермы, чтобы поиграть с детьми людей. Ты сам кого-нибудь встречал? Здесь был хоть кто-то еще, кроме вас с матерью? Мы здесь уже четыре дня, но так пока никого и не видели.

В.Р.Т.: Неправда. За эти четыре дня, за время нашего с вами путешествия, мы почти каждый день встречали множество людей, видели много животных, птиц и живущих деревьев. Правда, мы еще не в той глухомани, куда боги спускаются по реке на бревнах, а деревья отправляются странствовать; где обитают божества с большими и маленькими головами, с цветками водной гортензии в волосах. Там живут мужчины-лоси с человеческими головами, волосами, бородами, руками и торсом, а вместо ног у них туловища красных лосей. Они спариваются с женщинами-коровами, сперва как звери, затем как люди, с криками сражаются на горных склонах на протяжении всей весны, а когда черные ножеклювы прилетают обратно с юга, снова становятся друзьями, расходятся, заключив друг друга в объятья, крадут яйца

из гнезд сосновых пересмешников и иногда швыряются в меня камнями. А к вечеру, верхом на пузырьках и в пene ручьев, воровать приходят Дети Тени. В младенчестве после заката мать не выпускала меня дальше тени от своих волос, но когда я немного подрос, то бросался к ним навстречу и криками обращал их в бегство! Они уверены, всегда твердо уверены, что сумеют окружить, накинуться разом и впиться зубами, но если быстро обернуться и закричать, у них ничего не выйдет. К тому же Детей Тени никогда не собирается так много, как они думают, потому что некоторые обитают лишь в головах своих собратьев, и, когда приходит время сражаться, они тают, сливаются друг с другом, пока не остается один-единешенек.

Я: Тогда почему же ни ты, ни я не видели ни одной из этих диковин?

В.Р.Т.: Я видел.

Я: И что же ты видел? В смысле, пока был со мной?

В.Р.Т.: Птиц, животных, живущие деревья и Детей Тени.

Я: Я так понимаю, ты о звездах говоришь. Но если увидишь нечто из ряда вон, ты ведь скажешь мне, не так ли?

В.Р.Т.: (Киваet.)

Я: Ты очень необычный мальчик. Скажи, ты ходишь в школу, пока живешь с отцом во Французском Причале?

В.Р.Т.: Иногда.

Я: Ты уже почти взрослый. Еще не думал о том, чем займешься в ближайшие годы?

В.Р.Т.: (Хнычет.)

* * *

На последний вопрос мальчишка так и не ответил, ударился в слезы. Я приобнял его за плечи, но почувствовал себя так неловко, что тут же встал и отошел от костра, оставив мальчика наедине с его горем на полчаса или больше, пока я вслепую бродил среди кустарника, где под ногами извивались огромные черви, светящиеся в ночи синюшно-бледным цветом губ покойника. По чести сказать, глупый был вопрос. На что рассчитывать ему, малограмотному сыну попрошайки? Читать он умеет — брал на время некоторые из моих работ по антропологии, по которым я затем задавал ему вопросы, и он отвечал лучше, чем я стал бы ожидать от среднестатистического студента университета. Но вот почерк мальчика, судя по тому, что я увидел, заглянув в старую школьную тетрадь (один из немногих предметов его личного багажа), просто ужасен.

* * *

11 апреля. Насыщенный выдался денек. Давайте-ка проверим, удастся ли мне обуздить свою привычку перескакивать с одного на другое и рассказать все по порядку. Когда прошлой ночью я вернулся в лагерь (вижу, что вчерашняя моя запись обрывается на эпизоде, где я блуждаю по кустам), мальчик уже спал в своем мешке. Я подбросил в огонь еще немного дров, прослушал запись интервью, переписал его в дневник и улегся спать. Примерно за час до рассвета нас разбудил переполох

среди мулов, и мы (я с фонариком и ружьем наперевес, и мальчик с двумя пылающими ветками из костра) бросились проверять, что стряслось. Ничего не увидели, но учуяли вонь, как от гниющего мяса, и услышали, как удирает какое-то крупное животное — едва ли это мог быть мул. Когда мы вернулись к мулам, они были все в поту, а один даже порвал уздечку. К счастью, он не успел уйти слишком далеко, и, как только рассвело, мальчик смог его поймать (что, впрочем, отняло у него почти час), а два оставшихся мула, казалось, были крайне обрадованы таким стремлением к защите домашних животных.

К тому времени, как мы перерыли все вокруг и поняли, что ничего нам больше отыскать не удастся, уже не могло быть и речи о том, чтобы снова лечь спать. Мы собрали палатку, навьючили мулов и затем по моему настоянию первый час потратили на обратный путь по нашему вчерашнему маршруту, чтобы проверить, не проглядели ли мы след какого-нибудь крупного хищника. Увидели кошку (заметно осмелевшую с тех пор, как я перестал по ней палить) и несколько следов животного, которое мальчик назвал огнелисом. Сверив его описание с «Полевым спра-вочником по животному миру Сент-Анн», я пришел к выводу, что, скорее всего, это фенек Хатчиссона — похожее на лиса или койота существо с необычными ушами и пристрастием к домашней птице и падали.

Несмотря на этот короткий эпизод с обратной дорогой, мы неплохо продвинулись вперед, и где-то за час до полудня я сделал лучший выстрел за все время нашего путешествия. Единственным выстрелом в голову из ружья я уложил огромную зверюгу сродни азиатскому карабаю с Земли (не занесенную в полевой справочник). Я измерил

шагами расстояние до тела упавшего замерто животного, и оказалось, что до него было аж целых три сотни ярдов!

Я был чертовски горд собой и тщательно изучил последствия своего выстрела. Пуля угодила зверюге в голову прямо у правого уха, но даже там череп оказался настолько крепким, что ей не удалось прошить его насеквоздь. Так что, думаю, большую часть времени, пока я шел, животное было все еще живо, а в пыли под каждым глазом обнаружились широкие потеки, оставшиеся от обильного выделения слезной жидкости. Изучив рану, я приподнял пальцами одно из век и заметил, что зрачки зверя разделены горизонтальной перепонкой — совсем как у некоторых видов земных рыб. Нижняя часть глаза дернулась, когда я коснулся ее, указывая на то, что, возможно, животное все еще цеплялось за жизнь. Не похоже, что двойные зрачки характерны для местной живности, так что, полагаю, они всего лишь результат адаптации, вызванной преимущественно водным образом жизни существа.

Мне страсть как хотелось забрать голову с собой, но об этом не могло быть и речи. Мальчик и так едва сдерживал слезы (в своих больших, изумительно зеленых глазах) от мысли, что на мулов придется грузить всю тушу, весившую по меньшей мере добрых полторы тысячи фунтов, и принял меня отговаривать, уверяя, что животные так много не унесут. В конечном счете мне удалось убедить его, что мы оставим шкуру, копыта, голову (ах, как же я сожалел об этих рогах!) и ребра — в общем, все, кроме самого отборного мяса. Впрочем, мулы все равно не оценили ни дополнительного веса, ни запаха крови, так что пришлось провозиться с ними немного дольше, чем я рассчитывал.

Где-то спустя час после того, как мы снова заставили их идти, впереди показался берег Темпуса. Здесь река сильно отличалась от того, что я видел, когда отец мальчика показывал мне аннезийский «храм». Там она была около мили шириной, солоноватой, с едва заметным течением, и даже скорее не единой рекой, а змеящимся скоплением вялых ручейков, петляющих по илистым, заросшим камышом дельтам. Тут же все было иначе: желтый оттенок в воде почти не различим, а течение достаточно быстрое, чтобы унести ветку с глаз долой за считанные секунды.

Заливные луга остались позади, и новый, стремительный, чистый Темпус несется меж пологих холмов, усеянных деревьями и кустовыми зарослями и покрытых изумрудной травой. Теперь я понимаю, что мой изначальный план — проплыть вверх по реке на лодке — был абсолютно нежизнеспособен, как меня и предупреждали мои знакомые во Французском Причале, и совершенно неважно, насколько было бы удобно искать прибрежные пещеры таким способом. Мало того, что вода здесь быстрая настолько, что нам пришлось бы потратить большую часть топлива на одну только борьбу с течением, но еще и выше по реке, в горах, были налицо все признаки порогов и водопадов. Судно на воздушной подушке пришлось бы тут как нельзя кстати, но со столь малыми производственными мощностями на Сент-Анн их вряд ли наберется больше двух дюжин на всю планету, да и те (как правило) священная привилегия военных.

Но не стану жаловаться. На воздушной подушке мы бы уже наверняка отыскали пещеру, но каковы в таком случае были бы наши шансы на контакт с выжившими аннезийцами? У нашего маленького и, надеюсь, не устра-

шающего отряда, идущего медленно и живущего за счет даров природы, куда больше шансов встретить живого аннезийца, если, конечно, они еще остались.

К тому же, позвольте признаться, мне это попросту нравится. Когда мы продвинулись по реке на милю вверх по течению, мальчик весь взволновался и сказал, что мы добрались до особого места, куда они часто ходили с матерью. Мне оно не показалось таким уж примечательным — небольшая излучина с несколькими (правда, очень большими) деревьями, нависающими над ней, да причудливой формы камень, — но он настаивал, что клочок земли этот прекрасен и существенно отличается от прочих, объясняя это тем, как удобно расположен камень, как удобно на нем сидеть, лежать в самых различных позах, как удачно деревья защищают от солнца, могут укрыть от дождя, а зимой, покрытые снегом, образуют нечто вроде хижин. У подножия камня и вдоль берега имелись глубокие заводи, изобилующие рыбой, здесь же мы наловили мидий и съедобных улиток (ох уж эта мать-француженка!), — словом, самый настоящий райский уголок. (Странная мысль, но, послушав мальчика несколько минут, я вдруг понял, что на дикую местность — по крайней мере, в таких необычайных ее проявлениях, как это — он смотрит таким же взглядом, каким многие привыкли смотреть на дома или комнаты.) Так или иначе, мне захотелось немного побывать одному, так что я решил вознаградить невинный энтузиазм мальчишки и предложил ему двинуться с мулами вперед, в то время как сам остался полюбоваться красотами живописного пейзажа, на который он обратил мое внимание. Мальчик искренне обрадовался, и спустя несколько минут я оказался в таком абсолютном

одиночестве, в каком никогда не приходилось оставаться большинству из нас, уроженцев Земли: наедине с ветром, солнцем и вздохами исполинских деревьев, протянувших свои корни к журчащей воде у моих ног.

Я остался совсем один, если не считать увязавшейся за нами кошки. Она с мяуканьем выглянула из-за кустов, но, подстегнутая парой камней, тут же унеслась вслед за мулами. У меня появилось время подумать — о карабаоподобном звере, подстреленном утром (я бы точно поставил какой-нибудь рекорд, удаившись мне вывезти его голову к цивилизации), да и о нашем путешествии в целом. Не то чтобы я охладел в своем стремлении доказать, что аннезийцы не вымерли, и не стремлюсь задокументировать как можно больше сведений об их обычаях и культуре прежде, чем знания о них полностью сотрутся из человеческой памяти. Нет, я все еще полон решимости, но уже из иных побуждений. Когда я приземлился на Сент-Анн, то заботился лишь о том, как бы этой полевой вылазкой обеспечить себе репутацию, достаточную для получения приличной факультетской должности на Земле. Теперь же я понимаю, что работа в полевых экспедициях вполне может быть самодостаточной, а главное, не должна служить средством для достижения других целей. Все те высокочтимые старые профессора, репутации которых я так завидовал, стремились вернуться в поле — пусть даже на исхоженные вдоль и поперек берега бедной старой Меланезии — отнюдь не для укрепления своего положения в академических кругах, а скорее наоборот. Высоким положением они пользовались для обеспечения ресурсами своих будущих экспедиций. И черт побери, как же они были правы! Каждому из нас уготован свой путь, свое призвание. Мы скитаемся по

Вселенной, пока все не встает на свои места. Так устроена жизнь. Это наука, а может даже нечто большее.

К тому времени, как я догнал мальчика, он успел (рановато) разбить лагерь и, думаю, уже начал беспокоиться обо мне. Вечером он попытался высушить часть мяса карабао над огнем, чтобы не испортилось, но я тут же предложил просто-напросто выбрасывать испорченное мясо, если мы не будем успевать его есть.

Ах да, совсем забыл. Пока догонял мальчика, я успел подстрелить двух оленей.

Офицер отложил переплетенный блокнот в сторону и, немного помедлив, встал и потянулся. Только сейчас он заметил, что в кабинет залетела птица, и уже какое-то время, затаившись на картине, висевшей высоко на стене напротив двери, озадаченно взирала на офицера. Он прикрыл на нее, но та даже не шелохнулась, и тогда офицер попытался согнать ее метлой, оставленной в углу рабочего стола. Птица слетела с рамы, но вместо того, чтобы вылететь через открытую дверь, шмякнулась о притолоку, оглушенная грохнулась на пол, но тут же вспорхнула, пронеслась у самого лица офицера, задев его щеку черным крылом, и снова умостилась на картинной раме. Офицер выругался, вернулся за стол и выудил из горы бумаг несколько разрозненных страниц, к счастью, исписанных четким канцелярским почерком.

Мне определенно понадобится адвокат. То есть помимо того, которого мне назначит суд. Уверен, университет согласится авансировать мне средств для найма частного адвоката, и я уже попросил своего назначенного судом

защитника связаться с ними и обо всем договориться. В смысле, обязательно его попрошу, когда увижу.

Также я считаю, что в моем деле важно ответить на некоторые вопросы. Я запишу их ниже и рассмотрю все возможные интерпретации, чтобы как следует подготовиться к процессу. Первый интересующий меня вопрос касается теории вины, играющей центральную роль в любом уголовном процессе. Можно ли ее считать обще-применимой?

Потому что, если нет, существовали бы определенные категории лиц, которые не могут ни при каких обстоятельствах понести наказание только лишь по причине своей виновности, и, немного поразмыслив, я пришел к выводу, что такие группы есть, а именно: дети, слабоумные, богачи, душевнобольные, животные, близкие высокопоставленных персон, те самые персоны и так далее.

Следующий вопрос, ваша честь, состоит в том, принадлежу ли я, подсудимый на скамье, к одной (или нескольким) из вышеобозначенных групп? Лично для меня совершенно очевидно, что я отношусь ко всем группам, которые упомянул, но здесь, в целях экономии драгоценного времени суда, сосредоточусь лишь на двух: я не подлежу суду потому, что я дитя, и потому, что я животное, то есть принадлежу к первой и пятой категории из тех, с которыми вы только что согласились.

Это приводит нас к третьему вопросу: что мы подразумеваем (говоря об упомянутых категориях исключений) под словом «дитя»? Для начала мы все должны согласиться с тем, что не стоит обращать внимание только лишь на возраст. Ведь что может быть более абсурдным, чем признать невиновность человека лишь по той причине,

что отвратительный поступок он совершил во вторник, а порог совершеннолетия переступил в среду? Нет, нет, ваша честь, хоть мне самому лишь немногим за двадцать, я считаю, что рассуждать в подобном ключе, значит созывать на карнавал смерти каждого юношу или девушку, достигших произвольно установленного возраста. Но также понятие детства не может быть основано и на субъективных ощущениях, потому как невозможно доказать или опровергнуть существование у человека такого *внутреннего* ориентира. Нет уж, факт детства необходимо устанавливать исходя из принятых об этом представлений в обществе. В моем случае:

— я не владею и никогда не владел недвижимостью;
— никогда не участвовал и даже не присутствовал при составлении юридических соглашений;
— никогда не вызывался в суд для дачи показаний;
— никогда не вступал в брак и не воспитывал ребенка;
— никогда не занимал должности, оплачиваемой за труд. (Вы протестуете, ваша честь? Хотите использовать мое заявление о трудовых отношениях с Колумбийским университетом против меня? Обвинитель присоединяется? Что ж, ваша честь, ловкая софистика, но не имеющая ничего общего с реальностью. Моя должность в Колумбийском университете — чистейшей воды синекура, необходимая мне для завершения магистерской работы, а экспедиция на Сент-Анн не принесла мне ничего кроме растрат. Понимаете? Кому об этом знать, как не мне?)

Так вот, ваша честь. Если я и правда в чем-то обвиняюсь, что сомнительно, то, приняв во внимание изложенные факты — а их я мог бы привести еще с тысячью, — станет совершенно ясно, что на момент совершения преступле-

ния я был несовершеннолетним, да, в общем-то, остаюсь им и по сей день, потому как до сих пор не совершил ничего из перечисленного.

Что же касается моей животной натуры — и под животной я подразумеваю натуру противоположную человеческой, натуру, присущую обычным зверям, — то свидетельства этому настолько очевидны, что сама необходимость их озвучить покажется вам смехотворной. Те, кому позволено свободно перемещаться в нашем обществе — кто они, животные? Или люди? Кому приходится ютиться в стойлах, хлевах, будках и клетках? Представители какой из этих обширных групп спят на подстилках, брошенных на пол, а какой — на высоких кроватях? Кто принимает ванны и живет в обогретых домах, а кто вынужден согреваться собственным дыханием и слизывать с себя грязь?

Прошу меня простить, ваша честь. Я вовсе не хотел проявить неуважение к суду.

* * *

Сорок седьмой настукивал по трубе — передать вам его слова? Что ж.

— СТО СОРОК ТРЕТИЙ, СТО СОРОК ТРЕТИЙ, ТЫ ТАМ? ТЫ МЕНЯ СЛУШАЕШЬ? КТО ЭТОТ НОВЕНЬКИЙ НА ТВОЕМ ЭТАЖЕ?

Знаки препинания я расставил сам. Сорок седьмой ими пренебрегает, так что, если я растолковал его слова неверно, надеюсь он меня простит.

— КАКОЙ НОВЕНЬКИЙ? — передал я. Камень или что-нибудь металлическое (сорок седьмой говорит, что ис-

пользует оправу от своих очков) пришлось бы как нельзя кстати, чтобы выстукивать сообщения по трубе. Костяшки пальцев уже болят.

— Я ВИДЕЛ ЕГО СЕГОДНЯ УТРОМ ЧЕРЕЗ ДВЕРНУЮ ЩЕЛЬ. СТАРЫЙ, ДЛИННЫЕ СЕДЫЕ ВОЛОСЫ. ЕГО ВЕЛИ ВНИЗ К ТЕБЕ. В КАКОЙ ОН КАМЕРЕ?

— НЕ ЗНАЮ.

Будь у меня камень, я смог бы стучать по стене достаточно громко, чтобы те, кто за ней, могли слышать. Заключенный слева что-то мне настукивает (не знаю чем, но звук крайне странный — не просто стук или тиканье), но не знает кода. Стена справа безмолвна — может, там никого нет, а может, ему просто нечем общаться, как и мне.

Рассказать, как меня арестовали? В тот день я был жутко вымотан. Накануне вечером я отправился в Cave Canem и в итоге вернулся только под утро — где-то около четырех. На полдень у меня была назначена встреча с ректором, и я был уверен, что смогу занять должность главы факультета на выгодных для себя условиях. Я уже собирался лечь спать и оставил записку мадам Дюклоз, хозяйке дома, в котором поселился, чтобы разбудила меня в десять.

— СТО СОРОК ТРЕТИЙ, ТЫ УГОЛОВНИК ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ? — передает сорок седьмой.

— ПОЛИТИЧЕСКИЙ. (Интересно услышать, что он ответит.)

— НА ЧЬЕЙ ТЫ СТОРОНЕ?

— А ТЫ?

— ТОЖЕ ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

— А НА ЧЬЕЙ СТОРОНЕ?

— СТО СОРОК ТРЕТИЙ, ЧТО ЗА НЕЛЕПИЦА? ТЫ

БОИШЬСЯ ОТВЕТИТЬ? ЧТО ОНИ ЕЩЕ МОГУТ ТЕБЕ СДЕЛАТЬ? ТЫ УЖЕ ЗДЕСЬ.

— ПОЧЕМУ Я ДОЛЖЕН ДОВЕРЯТЬ ТЕБЕ, ЕСЛИ ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ДОВЕРИТЬСЯ МНЕ? — стучу я (как же болят костяшки). — ТЫ ПЕРВЫЙ.

— Я НА СТОРОНЕ ПЯТОГО СЕНТЯБРЯ.

— ОТВЕЧУ, КОГДА ДОБУДУ КАМЕНЬ. РУКА БОЛИТ.

— ТРУС! (Сорок седьмой выстукивает это очень громко. Так недолго и очки разбить.)

Так, на чем я остановился? Ах, да, мой арест. В доме было необычно тихо. Тогда я подумал, что из-за позднего часа, но теперь понимаю, что вряд ли кто-то из жильцов спал той ночью — все они знали, что в комнате меня уже ждут, лежали в своих постелях, боялись лишний раз вдохнуть в ожидании крика или выстрела, а мадам Дюклоз наверняка очень переживала за большое зеркало в позолоченной раме, висящее в моей комнате, с которым она так часто просила быть поосторожнее. (Как оказалось, зеркала — хорошие, с посеребренными стеклами, а не просто полированные куски металла — стоят в Порт-Мимизоне немалых денег.) Никто не хрюпал, не спотыкался, спускаясь вниз по коридору в направлении уборной, а из комнаты мадемуазель Этьен не доносились приглушенные стоны страсти, слышные в те вечера, когда она развлекала себя плодами фантазии и толстой сальной свечой.

Я не обратил на это внимания. Нацарапал записку для мадам Дюклоз (многие находят мой почерк скверным, но я с ними не согласен; впрочем, добившись своего назначения, я обяжу студентов — если придется вести занятия —

делать записи на доске вместо себя или просто буду раздавать им готовые конспекты лекций, напечатанные фиолетовыми чернилами на желтом фоне) и отправился к себе наверх, как я был уверен, в постель.

Они вели себя уверенно, зажгли в комнате свет, и, подходя, я заметил, как он тонкой полоской пробиваеться из-под двери. Если бы я и правда совершил какое-то преступление, то, завидев свет, тут же развернулся бы и на цыпочках бросился наутек. Однако я подумал, что за дверью меня всего лишь ждет письмо или сообщение — от ректора университета, например, или от хозяина борделя в *Cave Canem*, который накануне просил помочь ему объясниться с «сыном», и решил, что, если пришли от него, я не стану отвечать до следующего вечера. Я очень устал, перебрал с бренди, и теперь, когда он начал выветриваться из головы, на меня накатило похмелье. Непослушными пальцами я выудил из кармана ключ и обнаружил, что дверь не заперта.

Их было трое. Они сидели и дожидались меня. Двое носили форму, а третий был одет в некогда отменный, но уже изрядно поношенный темный костюм, покрытый пятнами жира и лампового масла, а вдобавок ко всему был еще и маловат размером, что придавало незнакомцу сходство с камердинером какого-нибудь скряги. Он сидел в моем лучшем, расшитом гарусом кресле, небрежно закинув руку за его спинку и расположившись поблизости от расписанного розами и отделанного бахромой светильника, — и, казалось, что-то там читал. Зеркало мадам Дюклоз висело прямо за ним, и я смог разглядеть короткую стрижку на усеянной шрамами голове. Выглядели они так, будто его пытали или провели операцию на мозге, а может,

он получил их в драке с противником, вооруженным чем-то вроде пилы. А в отражении за его плечом стоял я: в высокой шляпе, купленной здесь, в Порт-Мимизоне, сразу по прибытии, в не лучшем своем плаще и с тупым, удивленным выражением лица.

Один из тех, что были в форме, поднялся и закрыл за мной дверь, заперев ее на засов. Он носил серый пиджак, такие же серые брюки и фуражку и широкий коричневый пояс с кобурой, из которой торчал большущий, старомодный револьвер. Когда же он снова сел, я отметил, что на нем обычные рабочие ботинки, среднего качества и заметно поношенные. Второй в форме предложил:

— Можете снять плащ и шляпу, если хотите.

— Да, конечно, — отозвался я и, как обычно, повесил их на крючки на внутренней стороне двери.

— Мы должны вас обыскать, — продолжил второй незнакомец в форме. На нем были зеленая куртка с короткими рукавами и множеством карманов и свободные зеленые штаны с завязками у лодыжек (не удивлюсь, если на работе ему приходится много ездить на велосипеде). — Мы можем сделать это двумя способами, в зависимости от того, какой вы предпочтете. Вы можете раздеться, после чего мы обыщем вашу одежду, а затем позволим вам одеться снова. Однако раздеваться вам придется здесь, перед нами, чтобы мы могли увериться, что вы что-нибудь не припрятали. Или мы можем обыскать вас прямо так. Какой способ вас больше устраивает?

Я спросил, арестован ли я и полицейские ли они. Человек в кресле, расшитом гарусом, ответил:

— Нет, профессор. Конечно же, нет.

— Никакой я не профессор, по крайней мере сейчас

еще нет. Если я не арестован, то с какой стати меня обыскивать? Что я, по-вашему, натворил?

— Мы должны вас обыскать, чтобы решить, есть ли причины вас арестовывать, — ответил незнакомец, закрывший за мной дверь, и посмотрел на человека в черном костюме, ожидая поддержки.

— Выбирайте. Как нам вас обыскивать? — настаивал второй незнакомец в форме.

— А что, если я откажусь от обыска?

— Тогда нам придется сопроводить вас в цитадель, и вас обыщут уже там, — ответил человек в черном.

— То есть вы арестуете меня?

— Месяе...

— Я не француз. Я из Северной Америки, что на Земле.

— Профессор, я прошу вас по-дружески, не вынуждайте вас арестовывать. Угодить под арест здесь — серьезное дело. Человека можно обыскать, допросить, даже задержать на какое-то время...

— Даже приговорить и казнить, — вставил незнакомец в зеленой куртке.

— ...не прибегая при этом к аресту. Поэтому, умоляю, не заставляйте вас арестовывать.

— Но обыскать меня вы все равно должны...

— Именно, — хором подтвердили двое в форме.

— Что ж, в таком случае я предпочту, чтобы меня обыскали как есть, не раздевая.

Двое в форме переглянулись так, будто мой выбор стал для них каким-то сюрпризом. Человек в черном изобразил скуку и вернулся к чтению — как оказалось, в руках он сжимал мой экземпляр «Полевого справочника по животному миру Сент-Анн».

Человек с револьвером на ремне сконфуженно приблизился, и до меня вдруг дошло, что на нем форма служащего городской транспортной службы.

— Вы водитель конки? Вагоновожатый? — удивился я. — Зачем же вы носите оружие?

— Затем, что это входит в его обязанности, — ответил за него человек в черном. — Однако это я должен спросить, зачем оружие понадобилось вам?

— Нет у меня оружия.

— Записи в вашей книге говорят совсем о другом. А еще вот, на страницах для заметок в конце книги я обнаружил начертанные карандашом таблицы с цифрами, видите? Можете объяснить, что они означают?

— Их начертил кто-то из прежних владельцев книги, понятия не имею, что это. Вы что, пытаетесь обвинить меня в шпионаже? Будь вы хоть немного повнимательнее, то заметили бы, что чернила давно выцвели — эти записи так же стары, как и сама книга!

— А цифры-то довольно занимательные. Это пары чисел, в которых первое число записано в ярдах, а второе в дюймах.

— Да видел я их, — буркнул я.

Незнакомец в форме транспортной службы продолжал похлопывать меня по карманам и все, что в них находил — мои часы, деньги, карманный блокнот, — угодливо протягивал человеку в черном.

— Знаете, у меня математический склад ума.

— Безумно за вас рад.

— Так вот, я проанализировал эти числа. Они достаточно близко аппроксимируют коническое сечение, известное как парабола.

— Для меня это пустые звуки. Как антрополога, меня больше интересует кривая нормального распределения.

— Безумно за вас рад, — ответил человек в черном, отплатив мне за мой сарказм, и подозвал к себе парочку в форме. Какое-то время они перешептывались, и я заметил, как сильно похожи их лица: одинаковые острые подбородки, черные брови, узкие глаза — они вполне могли быть братьями. Тот, что в черном, вероятно был самым старшим и, похоже, самым умным, в то время как транспортный служащий — наименее сообразительным и лишенным воображения, однако все они определенно были родней.

— О чём вы там шепчетесь? — не выдержал я.

— Мы говорим о вас, — ответил человек в черном. Транспортный служащий вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь.

— Ну и к чему же вы пришли?

— К тому, что вы совершенно не разбираетесь в местных законах. И к тому, что вам понадобится адвокат.

— Пожалуй, вы правы, но сдается мне, говорили вы о другом.

— Вот видите? Будь у вас адвокат, он бы посоветовал вам воздержаться от подобного тона.

— Послушайте, вы вообще кто? Полиция? Прокуратура?

Человек в черном рассмеялся.

— Нет, что вы. Я инженер-строитель из департамента общественных работ. Мой друг, — он указал на человека в зеленом, — армейский связист, а мой второй друг, как вы уже догадались — вагоновожатый конки.

— Тогда по какому праву вы собирались меня арестовывать, если вы не полицейские?

— Вот видите, сколько вы не знаете о местных обычаях. Я понимаю, на Земле все совершенно иначе, но у нас все государственные служащие принадлежат к единому братству. Следите за мыслью. Завтра мой друг вагоновожатый вполне может взяться за уборку мусора...

— Я бы сказал, он занят этим сегодня, — захихикал человек в зеленом.

— ...мой второй напарник может оказаться, скажем, в команде патрульного катера, а я могу стать инспектором кошек. Но сегодня нас прислали за вами.

— С ордером на арест?

— Повторюсь еще раз. Лучше вам не попадать под арест, потому что в таком случае вы уже вряд ли когда-нибудь окажетесь на свободе.

С его последними словами дверь открылась, и в отражении я увидел мадам Дюклоз и мадемуазель Этьен, а за их спинами — вагоновожатого.

— Проходите, дамы, — пригласил человек в черном, и вагоновожатый подтолкнул их в комнату, где они замерли бок о бок перед умывальником, напуганные и растерянные. Мадам Дюклоз, седая старуха с толстым животом, была одета в выцветшее хлопковое платье с длинным подолом (то ли вагоновожатый позволил ей одеться прежде, чем привести сюда, то ли она носила его вместо ночной рубашки, не знаю). Мадемуазель Этьен — необычайно высокая девушка лет двадцати семи-двадцати восьми — вполне могла сойти если не за родную сестру, то самое меньшее за кузину троих незнакомцев. У нее было такое же острое лицо и такие же черные брови, с той лишь разницей, что она слегка выщипала их, придав форму тонких арок над глазами, которые, к счастью, оказались не

темными и узкими, как у мужчин, но большими и сине-фиолетовыми, словно пятнышки краски на лице куклы, а ее волосы являли собой копну каштановых волос. Высокая, как я уже сказал, с длинноющими, похожими на костили ногами, восходящими на тонких, прямых костях к не в пору широким для ее комплекции бедрам, над которыми фигура снова сужалась в талии вверх к маленьkim грудям и узким плечикам. Этой ночью она расхаживала в неглиже из какой-то паутинчатой ткани вроде тончайшей марли, но в нем было столько слоев, складок и оборок, что разглядеть под ним ничего было нельзя.

— Вы мадам Дюклоз, если не ошибаюсь? — спросил пожилую даму человек в черном. — Владелица дома? Вы сдаете комнату, в которой мы находимся, этому молодому человеку?

Она кивнула.

— Ему придется проследовать с нами в цитадель, где он побеседует с некоторыми должностными лицами. Когда мы уйдем, вы закроете эту комнату, запрете дверь и ничего здесь не тронете, понятно?

Мадам Дюклоз энергично кивнула, тряхнув прядями седых волос.

— В случае, если этот джентльмен не вернется в течение недели, вы сможете обратиться в жилищный департамент, откуда по этому адресу направят благонадежного гражданина. Вместе с ним вам будет дозволено войти в комнату, чтобы проверить ее на наличие грызунов и на один час открыть окна для проветривания помещения, после чего вы снова запрете комнату, и он уйдет. Вы поняли, что я сейчас сказал?

Мадам Дюклоз снова кивнула.

— В случае, если джентльмен не вернется к Рождеству, вы сможете снова обратиться в жилищный департамент. В день после Рождества — или если Рождество выпадет на субботу, то через день, в понедельник — к вам, как и в прошлый раз, направят благонадежного гражданина. Под его наблюдением вы сможете сменить постель и проветрить матрас, если потребуется.

— В день после Рождества? — в недоумении переспросила мадам Дюклоз.

— Или если Рождество выпадет на субботу, то через день, в понедельник, — кивнул человек в черном. — Если джентльмен не вернется по истечении года, начиная с сегодняшнего дня — для удобства можете считать от первого числа этого месяца, — вы будете вправе снова обратиться в жилищный департамент. В этот раз вам будет позволено передать личное имущество джентльмена в хранилище за свой счет либо сложить где-нибудь в доме по своему усмотрению, а жилищный департамент составит опись всех вещей. Только после этого вы сможете использовать эту комнату в других целях. Если же джентльмен не вернется по прошествии пятидесяти лет после даты, расчет которой я только что объяснил, вы, ваши наследники или право-преемники сможете снова обратиться в жилищный департамент. В этот раз управление составит учет всех вещей, подпадающих под одну из категорий: изделия, целиком или частично изготовленные из золота, серебра и прочих драгоценных металлов; денежные суммы в валюте Сент-Круа, Сент-Анн, Земли или других планет; предметы антиквариата; научные приспособления; светокопии, схемы и другие документы; ювелирные украшения; нижнее белье; прочая одежда. Предметы, не подпадающие под эти

категории, перейдут в вашу собственность, ваших наследников или правопреемников. Если завтра вам покажется, что вы плохо запомнили мои инструкции, не страшно. Вы можете в любой момент найти меня в департаменте общественных работ, в отделе коллекторов и водостоков, и я повторю их для вас. В приемной спросите помощника главного инспектора коллекторов и водостоков. Вам все понятно?

Мадам Дюклоз кивнула.

— Теперь что касается вас, мадемуазель, — продолжил человек в черном, повернувшись к мадемуазель Этьен. — Слушайте внимательно. Я передам джентльмену пропуск для посетителей. — Он достал из нагрудного кармана своего засаленного плаща жесткую карточку где-то шести дюймов длиной и двух шириной и вручил ее мне. — Он запишет на ней ваше имя и передаст вам. С ней вы сможете по желанию навещать джентльмена в цитадели по вторым и четвертым вторникам каждого месяца в период между девятью и одиннадцатью часами вечера.

— Погодите-ка, — возмутился я. — Да я ведь даже не знаком с этой молодой леди!

— Но вы ведь не женаты?

— Нет.

— Верно, именно так и записано в вашем досье. В случаях, когда заключенный не женат, карточку полагается передать любой проживающей рядом женщине подходящего возраста. Не поймите неправильно, это правило обусловлено простой статистической вероятностью. Если захотите, эта девушка всегда может передать пропуск любой другой женщине на ваш выбор, и та перепишет ее на свое имя. Вы сможете обсудить это... — он на мгновенье

задумался, — через десять дней. Не сейчас. Вписывайте ее имя.

Меня заставили спросить у мадемуазель Этьен ее имя, и она называлась Селестиной.

— А теперь передайте карточку, — велел человек в черном.

Я повиновался, после чего он положил свою тяжелую руку мне на плечо и произнес:

— Настоящим я заключаю вас под арест.

* * *

Меня перевели. Запись своих мыслей — если можно так выразиться — я продолжаю вести в новой камере. Я утратил свою старую идентичность сто сорок третьего и обрел новую — неизвестного сто сорок третьего, потому как старый номерок прикрепили к двери моей новой камеры. Перевод, должно быть, покажется вам, читающим эти строки, неожиданным, но нет, меня не прервали прямо во время письма, как может показаться. Правда в том, что я просто устал от пересказа подробностей своего ареста. Я чесался. Спал. Ел какой-то суп с хлебом, приносимый тюремщиком, нашел в нем маленькую косточку — подозреваю, это был кусочек козлиного ребра — и с помощью нее вел продолжительные беседы с моим соседом сверху, сорок седьмым. Я слушал безумца слева, пока мне не начинало казаться, что среди его бессмысленного царапанья и скрежета я могу различить собственное имя.

Затем я услышал бряканье ключей в замочной скважине и понадеялся, что это мадемуазель Этьен все-таки решилась меня навестить. Я как мог привел себя в порядок,

пальцами разгладил волосы и бороду. Но увы, это был всего лишь охранник в компании могучего незнакомца в черном капюшоне, скрывающем его лицо. Естественно, я решил, что меня собираются убить, постарался собрать в кулак всю свою храбрость и действительно почувствовал, что не очень-то напуган, но мои колени так ослабели, что я и встать-то мог с огромным трудом. В голове мелькнула мысль о побеге (которая посещает меня каждый раз, когда меня ведут на допрос, потому что иного способа выбраться из камеры просто нет), но удирать пришлось бы по узким коридорам, само собой, без окон и со стражей на каждом этаже. Громила в капюшоне молча схватил меня под руку и потащил по коридорам, вверх-вниз по лестницам, пока я окончательно не потерял чувство направления. Казалось, мы шли часами. Я замечал несчастные грязные лица, как мое собственное, глазеющие на меня сквозь узкие смотровые окошки в дверях камер. Несколько раз мы проходили по внутренним дворикам тюрьмы, и каждый раз я ждал, что меня застрелят. Стоял полдень, и яркий солнечный свет заставлял меня щуриться, а глаза слезиться. Затем, пройдя по очередному коридору, мы остановились у двери с номером 143, где громила приподнял бетонную плиту в центре пола и указал мне на тесную дыру, куда уходили крутые железные ступени. Я начал спускаться, и он последовал за мной. Лестница вела на добрых пятьдесят метров вниз, если не больше, а внизу было так темно, что пробираться по провонявшему мочой коридору можно было только с фонарем. В конце концов, мы добрались до двери этой самой камеры, где я тут же растянулся на полу от толчка громилы.

Я был настолько уверен, что меня казнят, что был

почти счастлив грохнуться на пол. Я до сих пор не знаю, ошибался ли в своих догадках. У меня нет сомнений в том, что громила был палачом, хотя, может, меня просто хотели запугать, или же помимо лишения жизни у него есть и другие обязанности.

Офицер порылся в бумагах в поисках следующей страницы, но прежде чем ему удалось ее обнаружить, в дверях вновь показался его напарник.

— Привет, — сказал офицер. — Я думал ты ушел спать.

— Так и было, — ответил напарник, — я ушел. И даже уснул. Но, подремав немного, проснулся и уже не смог спать. А все из-за этой чертовой жары.

Офицер пожал плечами.

— Как продвигается дело?

— Все еще пытаюсь собрать факты воедино.

— Тебе разве не прислали сводку? Должны были.

— Может и прислали, но я пока не нашел ее среди этого хаоса. Здесь есть письмо, но более полная сводка может быть на одной из пленок.

— А это что? — напарник офицера взял со стола блокнот в холщовом переплете.

— Блокнот.

— Обвиняемого?

— Похоже.

Напарник поднял брови.

— Ты не знаешь?

— Я не уверен. Иногда мне кажется, у блокнота...

Напарник подождал с минуту, но офицер так и не продолжил. Спустя еще мгновенье напарник произнес:

— Что ж, вижу, ты занят. Пойду разбуджу врача,

может он выдаст мне что-нибудь, что поможет мне заснуть.

— Загляни лучшее в бутылку, — сострил офицер вслед уходящему напарнику. Когда тот ушел, он взял блокнот и открыл на случайной странице.

...нет, он такой же человек, как и мы с вами, женат на нищенке, которую мало кто видел, их сыну около пятнадцати...

Я: Но называет себя аннезийцем?

Месье д'Ф.: Да поймите же, он просто жулик. Почти все свои рассказы обaborигенах он выдумывает! О, месье, уверен, он расскажет вам уйму замечательных сказок!

КОНЕЦ ИНТЕРВЬЮ.

Доктор Хагсмит тоже упоминал этого попрошайку, так что я решил его разыскать. Пусть даже он врет о своих аннезийских корнях (в чем у меня нет никаких сомнений), но все же во время своих актерских перевоплощений он может выболтать какую-то стоящую информацию. К тому же, возможность встретиться даже с поддельным аннезийцем представляется мне не менее соблазнительной.

* * *

21 марта. Поговорил сегодня с попрошайкой, называющим себя Двенадцатиходом. Он заявляет, что он прямой потомок последнего шамана аннезийцев, и на этом основании — их законный король (ну или кем он там себя мнит). На мой же взгляд, корни у него ирландские, и на самом деле он происходит от одного из тех ирландских

охотников за удачей, которые покинули родной остров и осели во Франции во времена Наполеоновских войн. Во всяком случае, ведет он себя как француз, но выглядит в точности как ирландец: рыжие волосы, голубые глаза, длинная верхняя губа — эти черты ни с чем не спутаешь.

На поверку вышло так, что поддельные аннезийцы почти так же неуловимы, как настоящие, и, чтобы отыскать его, мне пришлось приложить куда больше усилий, чем я рассчитывал. Знали его, похоже, абсолютно все, и даже подсказывали, что я могу найти его в такой-то и такой-то таверне, но где он живет, сказать не мог никто — ну и, конечно же, ни в одной таверне из тех, где он «постоянно ошивается», его не оказалось. Когда же я, наконец, нашел его лачугу (домом это не назовешь), выяснилось, что я несколько раз проходил мимо нее, совершенно не подозревая, что там может кто-то жить.

Стоит отметить, что Французский Причал стоит на Темпусе, примерно в десяти милях от моря вверх по течению. Таким образом, порт расположен на одном илистом берегу реки, а на другом, за желтоватым и солоноватым потоком, теснятся друг к другу еще менее презентабельные строения — район La Fange. Сент-Круа, мириблизнец Сент-Анн, создает на планете пятнадцатифутовые приливные волны, которые выносит вверх по течению далеко за границы Французского Причала. При столь высокой волне вода становится абсолютно непригодной для питья, а морскую рыбу — если верить рассказням — можно у доков ловить руками. Дощатый настил доков в такие дни возвышается над водой всего на несколько футов, воздух чист и свеж, а заливные луга, раскинувшиеся в низинах вокруг города, кажутся бесконечным кружевом из кристаль-

но чистых прудов, окаймленных ослепительной зеленью просоленного камыша. Но уже через несколько часов волна отступает, и вся энергия и жизненная сила покидают реку и ее окрестности. Доки обнажают свои высокие двадцатифутовые опоры из гниющего дерева, на реке образуются тысячи грязевых островков, а заливные луга превращаются в запустелые солончаки из вонючего ила, над которым по ночам парят облачка светящегося газа, словно призраки мертвых аннэзийцев.

Само побережье не сильно отличается от побережий речных городов Земли, единственное только, что здесь не увидишь привычных роботизированных кранов, а при строительстве используются природные стройматериалы, в то время как на Земле для постройки стен широко применяют прессованные шлакоблоки. Как я понимаю, лет двадцать назад старомодные термоядерные корабли были тут обычным явлением, но с тех пор, как планету охватили обширной сетью метеорологических спутников, в эксплуатацию, как и на Земле, ввели безопасные, современные парусные суда.

Лачуга бедняка, когда я ее наконец увидел, являла собой перевернутую старую лодку, приподнятую над землей и подпертую всякого рода мусором. Все еще сомневаясь, что в ней может кто-то жить, я постучал рукояткой своего карманного ножа по корпусу, и наружу тут же показалась голова темноволосого мальчугана пятнадцати-шестнадцати лет. Завидев меня, он вынырнул из-под лодки, но затем, вместо того, чтобы встать, остался сидеть на коленях, протянул обе руки и завел типичный нищенский склонеж, в котором я едва мог разобрать отдельные слова. Я подумал, что он слабоумный, да к тому же и ходить толком не умеет,

поскольку, когда я сделал шаг назад, он так и двинулся за мной на коленях и до того проворно перебирал ногами, словно это была его обычная походка. Понаоблюдав за этим с полминуты, я сдался и бросил ему несколько монет в надежде, что он хоть чуть-чуть утомится и позволит мне задать несколько вопросов, но не успели монеты слететь с моей руки, как из-под лодки выглянул старый рыжеволосый попрошайка (откуда, уверен, он наблюдал за мастерством сына).

— Да благословит вас Господь, месье, — воскликнул он. — Не подумайте, я не христианин, но пусть возблагодарят вас Иисус, Мария и Иосиф за щедрость к моему бедному мальчику, а если вдруг вы протестант, месье, то только Иисус, Бог-отец и Святой Дух. Или, как сказал бы мой почти истребленный народ, да благословят вас Горы, Река, Деревья и Море-Океан, и все звезды в Небе, и боги. Говорю это вам как их духовный лидер.

Я поблагодарил его и, сам не понимаю зачем, вручил ему свою визитку, которую он принял с такой помпой, словно вместе с ней взял на себя священный долг стать моим секундантом или помощником в делах сердечных. Скользнув по ней взглядом, он ахнул:

— Месье, так вы доктор! Посмотри, Виктор, к нам пришел настоящий доктор философии! — с этими словами бедняк поднес визитку к глазам мальчика, которые были настолько же большими, цвета морской волны, насколько его собственные — крохотными и голубыми.

— Ах, доктор, доктор Марш, вы сами видите, человек я необразованный, но ничто не ценю превыше образованности, превыше учености. Мой дом — ваш дом! — он махнул в сторону перевернутой лодки так, словно это был

огромный дворец в четверти мили отсюда. — До конца этого дня мы с сыном в вашем полном распоряжении, а если пожелаете, то и до конца месяца. А если вдруг вы настроены предложить скромное вознаграждение за наши услуги, то во избежание любого возможного недопонимания смею вас заверить, что от храма учености мы вовсе не ждем златой щедрости коммерческого триумфа. И конечно же, мы хорошо знакомы с блаженным законом природы, согласно которому скромная позолота обычного человека стоит дороже — дороже, говорю! (шикнул он, ткнув мальчишку локтем в бок) — купеческого золота. Так чем же мы можем вам служить?

Я объяснил ему, что мне сказали, он иногда водит своих посетителей по окрестным местам, которые некогда были важны для доконтактных аннезийцев, и он тотчас же пригласил меня в дом.

Стульев под перевернутой лодкой не оказалось — для них здесь попросту не хватало высоты. Вместо них по полу были разбросаны старые плавательные подушки и сложенная в несколько раз парусина, а в центре стоял маленький столик (какой мог бы принадлежать бедной японской семье), чья столешница возвышалась над застеленной брезентом землей едва ли больше, чем на ширину двух ладоней. Старик зажег лампу — небольшой фитиль, плавающий в плошке с маслом — и церемонно налил мне стаканчик жидкости, которая на пробу оказалась стогряздусным ромом. Я принял ее, и он сказал:

— Вам не терпится посетить священные места моих отцов, властителей этой планеты?! Я покажу их вам, доктор! И уж поверьте, никто кроме меня не познакомит вас с ними как следует, не объяснит их значимости и не

поможет проникнуться духом этой давно забытой эпохи! Но сегодня уже поздно, доктор, прилив уже отступил. Приходите завтра, скажем, к середине утра — только не позже — и мы заскользим по заливным лугам так же легко, как на гондоле. Вам даже не придется прилагать никаких усилий, доктор — мы с сыном догребем веслами и дотолкаем шестом куда только пожелаете, и покажем все, что достойно ваших глаз. Вы сможете сделать фотографии — и все, что вам вздумается! — а мой сын и я будем рады попозировать.

Я поинтересовался, сколько это будет стоить, и он назвал вполне приемлемую сумму, после чего спешно продолжил:

— Я уточню, доктор, за эти небольшие деньги вы получите в услугение двух человек и лодку на целых пять часов. И, конечно же, незабываемые впечатления! Никто другой не покажет вам все, что вы хотите увидеть, так, как я. — Я согласился с ценой, и он продолжил: — И есть еще одна вещь — обед. Нам нужно будет запастись едой на троих. Вы можете оставить мне необходимые средства, и я обо всем позабочусь, — я подозрительно взирался на него, и он тут же добавил: — Если не хотите, можете принести все сами, но помните, обед нужен на троих. Возможно, бутылка вина и мясо птицы. Но сейчас, доктор, я хочу предложить вам несколько первоклассных вещиц. Погодите минутку.

Бедняк потянулся к картонной коробке, стоящей возле него, и достал из нее жестяной поднос с покрытием из красного флокса. На нем лежало с две дюжины наконечников, выточенных и отшлифованных из самого различного камня, и несколько, изготовленных из

обычного цветного стекла, возможно из осколков разбитых бутылок из-под виски. Судя по острым, как бритва, краям, они были новыми (как известно, орудия из кремня или вулканического стекла всегда тупятся после долгого пребывания в зернистой почве), а причудливые формы — очень широкие, с двумя или тремя заусенцами — и грубое исполнение указывали на то, что наконечники эти выточены не для использования по назначению, а для надувательства.

— Это настоящее оружие аборигенов, — доверительно заявил он. — Мы с сыном занимаемся их поиском, когда никто не нанимает нас и нашу лодку. Бесценные, неподдельные сувениры из окрестностей Французского Причала, где, как вы знаете, аборигенов обитало больше, чем где бы то ни было еще на этой планете. Для моих праотцов эти места были такими же священными, какими для вас являются Рим или Бостон, с райским изобилием рыбы, дичи и съедобных растений. Об этом вы еще обязательно услышите от меня завтра, когда мы поплывем по заливным лугам, а если повезет, мальчик продемонстрирует вам, как аборигены ловили рыбу и охотились на животных, не пуская в ход такие хрупкие и ценные ныне орудия, как те, что я предлагаю вам сейчас приобрести.

Я сказал ему, что не заинтересован в покупке подобных вещей, на что он ответил:

— Вам, поистине, не стоит упускать эту возможность, доктор. Музей в Ронсево скупает такие изделия и отливает их копии, чтобы можно было показывать их по всему миру, даже на Сент-Круа, так что, можно сказать, они пользуются всеобщим признанием, по крайней мере в пределах этой

системы. Вот, взгляните хотя бы на этот! — Он взял самый большой кремневый сердечник, которым уместней было бы не застрелить, а забить дичь до смерти. — Если хотите, я приделаю к нему булавку, чтобы дама могла носить его как брошь. Будет отличная тема для разговора.

Я насмотрелся на подобные подделки в Ронсево и сказал:

— Нет, благодарю вас. Однако должен признаться, я восхищен вашим мастерством — ведь совершенно очевидно, что их сделали вы, разве не так?

— Нет-нет, что вы! Вот, посмотрите, — он поднял ладони. — Мы, аборигены, не способны на такое, доктор. Только обратите внимание на мои руки!

— Вы же только что говорили, что их вытесали аборигены.

— Зубами, — тихо вставил мальчик, до этого тихо сидевший в сторонке. Это было первое, что я услышал от него, не считая невразумительной попрошайнической литаний ранее.

— Мои руки даже неумелее, чем у других, — запротестовал его отец. — Вы вот насмехаетесь, а я даже шнурки завязываю с огромным трудом. Лодочный шест — это все, с чем я могу хоть как-то справляться.

— Ну, значит, их изготавляет ваш сын, какая разница, — сказал я, но как только слова сорвались с моих губ, я понял, что совершил ошибку. Лицо мальчишки исказилось от той разновидности боли, какую легко вызвать у чувствительного подростка, и старик завопил, переполненный радостью:

— Он?! Доктор, да он еще хуже меня! Все, на что он способен, — это драться с другими мальчишками, которые

постоянно одерживают над ним верх, и читать книги в библиотеке! Он даже не может запомнить, в какую сторону откручивается крышка банки!

— Значит, я угадал в первый раз — их делаете вы. Я согласен, для обтесывания камня требуется определенная сноровка, но это все же проще, чем на скрипке играть. В одной руке зубило, в другой молоток, и все, что требуется, — это знать, куда поставить зубило и как сильно по нему ударить.

— Вас послушать, доктор, так вы сами этим занимались.

— Так и есть, занимался, и получалось у меня куда лучше.

Неожиданно вмешался мальчишка:

— Свободному Народу вообще не нужны были эти штуки. Они плели сети из лиан и высокой травы, а если хотели что-то разрезать, перекусывали это зубами.

— Он говорит правду, доктор, — голос старика изменился. — Но вы же не станете меня выдавать, правда?

Я ответил, что, если музей в Ронсево спросит моего мнения, я им его выскажу, но в то же время не считаю старика таким уж большим жуликом, чтобы специально тратить время на его разоблачение.

— Нам это необходимо, поймите, — сказал он, и впервые мне не показалось, что он пытается выклянчить денег. — Что-то, что мы можем продать, нечто, что можно дать потрогать. Правдой много не заработаешь, так я всегда говорил жене. И этому учу своего сына.

Несколько минут спустя я откланялся, пообещав парочке вернуться завтра утром. Бессспорно, они мошенники, но все же я остался о них лучшего мнения, чем ожидал, приходя сюда. Старик определенно не алкоголик, как можно запо-

дозрить — ни один алкоголик не останется трезвым, имея бутылку чистейшего рома. По тавернам он шастает только потому, что там проще выпросить денег, и пьет только то, что предложат. Мальчик же, когда перестал изображать слабоумие ради выгоды, показался мне смышленым, а зеленые глаза, бледноватое лицо и темные волосы делали его по-странныму привлекательным.

* * *

22 марта. С попрошайками, отцом и сыном, я встретился без нескольких минут десять, в этот раз не забыв прихватить с собой магнитофон, которым я пренебрег во время своего предыдущего визита. (Наш вчерашний разговор я записал по памяти сразу же по возвращении и так детально, как только мог, но если что-то забыл, вы уж не обессудьте.) Также я взял с собой дробовик, купленный вчера в местной оружейной лавке, на случай если по пути выпадет возможность подстрелить каких-нибудь водоплавающих птиц. Он заряжается патронами двадцатого калибра, чего явно недостаточно для этой цели, но это все, что было доступно, не считая жалких однозарядных ружьишек, предназначенных для продажи фермерам. Обзавестись ружьем мне посоветовала хозяйка моей съемной комнаты и пообещала приготовить все, что я подстрелю, в обмен на половину мяса.

(Немного забегая вперед, скажу, что мне посчастливилось убить трех крупных птиц, именуемых камышовыми курицами, о мясе которых попрошайка отзывался крайне лестно. Птицы эти немного меньше гусей, у них великолепный зеленый окрас, как у длиннохвостых попугаев.

Старик утверждает, что они были излюбленной пищей аннезийцев, и после сегодняшнего ужина я ему поверил. Хотя уверен, о таких вещах он знает не больше моего.)

К моему прибытию лодка-лачуга бесследно исчезла, оставив после себя лишь пустой участок вытоптанной земли. Мальчишка, босой и с голой грудью, стоял, прислонившись к рядом стоящему зданию, и объяснил, что его отец сейчас занимается лодкой. Он вмиг освободил меня от корзинки с обедом (приготовленным хозяйкой комнаты) и выразил готовность понести магнитофон и ружье, если я пожелаю.

Мальчишка провел меня вдоль побережья к небольшой плавучей пристани (он назвал ее помостом), где я увидел его отца, в голубой рубашке и с повязанным на шее старым красным платком. Он ожидал нас в лодке, еще только вчера служившей нам кровом. Старик сразу потребовал оговоренную плату, но после недолгого препирательства согласился на половину — мы договорились, что оставшуюся сумму я выплачу по завершении нашей экскурсии. В общем, я забрался в лодку (надо признать, с большой опаской), мальчик запрыгнул следом, парочка схватилась за весла, и мы отплыли.

Минут пять мы лавировали между кораблями в гавани, следя за едва заметным изгибом реки. Затем, между двух больших четырехмачтовых кораблей, словно сквозь расщелину, выходящую в долину бескрайней зелени, я увидел просвет — нетронутые заливные луга Сент-Анн, бывшие (по заверениям старика) для аннезийцев сущим раем до прибытия первых звездолетов с Земли. Отец с сыном усердно налегли на весла. С одного из кораблей в нашу сторону донеслось несколько вялых проклятий, но

мы все равно проскользнули между судами и выплыли в широкие воды Темпуса, вспученные все еще идущим в наступление приливом.

— Мы находимся в пяти километрах от Моря-Океана, — начал объяснять попрошайка, — и если доктор согласен...

Он осекся, увидев что-то за моей спиной. Я развернулся на своем месте у кормы и постарался понять, что привлекло внимание нищего, но ничего не разглядел.

— Прямо над брамслем корабля, что слева от нас, — тихо подсказал мальчишка. И тогда я увидел его — серебристый объект в небе, не больше поддевшего ветром листка. Через три минуты он уже пролетал над нами — акулообразный военный корабль полутора миль в длину. Он был не совсем серебристым, а цвета ножевого лезвия. Мне удалось разглядеть ряды крохотных точек на его бортах — наверное, наблюдательные посты или дула лазерных пушек, а может, и то и другое.

— Не маши им, — предостерег старик, после чего прошептал что-то на ухо мальчику, но я уловил только первые и последние слова: «*Faites attention... français!*» Думаю, смысл его слов сводился к чему-то вроде «Помни, что ты француз». Мальчик что-то прошептал в ответ и покачал головой, но что именно он сказал, я не рассыпал.

По одной из змеиных глоток Темпуса мы проложили свой путь к океану, который бедняк назвал святыней англиканской религии. Вопреки ожиданиям, наша маленькая лодка отлично показала себя в сражении с порывистым прибоем, и в миле к северу от самого северного устья мы причалили к песчаному пляжу.

— Ну, — объявил старик, — вот мы и на месте.

Он указал на небольшой мемориальный камень с надписью на французском, гласившей, что первые люди приводнились на Сент-Анн в открытом море, в двадцати пяти километрах отсюда, сели в лодки и высадились в том самом месте, где мы сейчас стоим. И только на этом пляже я впервые в полной мере ощутил, что нахожусь в чужом для меня мире. Песок повсюду был усеян ракушками, но было в них что-то настолько чуждое, что найди я одну из них на земном пляже — сразу понял бы, что ее никогда не омывал ни один из океанов Земли.

— Они высадились здесь, — сказал старик, — первые французы. Вы, доктор, утверждаете, что многие не верят в существование аборигенов, но поверьте, когда лодки пристали к берегу, они нашли здесь человека...

— Из болотного племени, — вставил его сын.

— Нашли его плывущим лицом вниз к Морю-Океану. Его насмерть избили кнутами из сплетенных вместе ракушек — был у них такой обычай, приносить в жертву людей. Они нашли его, и мой великий предок, которого некоторые называют Восточным Ветром, вышел к ним навстречу, чтобы заключить мир. Вы этого не знаете, потому что бортовой журнал первого корабля сгорел при сожжении Сен-Дизье, но я общался с одним старым — очень старым — человеком, который шестьдесят лет назад был хорошо знаком с одним из тех, кто приплыл сюда в первой надувной лодке, так что я могу вам об этом поведать.

Мы ушли от берега и побывали у большой карстовой воронки в песке, именуемой ныне Песочными Часами, и попрошайка рассказал мне, что здесь аннезийцы держали своих пленных. Мальчишка тут же соскользнул в яму, чтобы продемонстрировать, что человеку из нее не выбраться без

посторонней помощи, но мне показалось, что он слишком преувеличивает, и я съехал вслед за ним, так что его отцу пришлось вытаскивать нас обоих, сбрасывая вниз конец веревки, которую он прихватил с собой для этой цели. Стены воронки были вовсе не отвесными, однако песок оказался таким мягким, что по ним нельзя было взобраться без чужой помощи.

Наглядевшись на Песочные Часы, мы вернулись к лодке и снова поплыли по реке, но на этот раз по рукаву, что вывел нас прямо к заливным лугам. Мои проводники исправно проталкивали нас по все еще многоводным заводям, сквозь колыхающиеся заросли соленого камыша. Здесь-то я и подстрелил своих камышовых куриц, а мальчик выловил их из воды — я собрался было написать «так же умело, как охотничий пес», но правда в том, что плавает он куда как лучше, совсем как тюлень, так что я был готов поверить его отцу, когда тот сказал мне, что иногда мальчик ловит невредимых птиц голыми руками, подплывая к ним под водой и хватая за лапы. Он (мальчик) рассказал, что, когда уровень воды спадает, ловить рыбу здесь проще простого, а его отец добавил:

— Единственное, что в городе ее не продашь — там своей рыбы в достатке.

— Эта рыба не для продажи, эта рыба для еды, — сказал мальчик.

Аннезийский храм (или обсерватория) был разрушен первопоселенцами, нуждающимися в древесине — они вырубили здесь все деревья, за исключением нескольких полусгнивших стволов. Однако по пням можно было легко представить, как тут все выглядело в доконтактные

времена. Четыреста два дерева (ровно столько, сколько дней в году Сент-Анн) росли на расстоянии ста десяти футов друг от друга и образовывали круг около трех миль в диаметре. По пням я заключил, что большинство стволов были больше двенадцати футов толщиной, а, следовательно, к моменту уничтожения, листва каждого дерева могла соприкасаться с листвой соседних. Уверен, с расстояния они казались сплошной стеной, кроме области непосредственно перед наблюдателем. Внутренняя часть кольца, похоже, была полностью очищена от насаждений и прочих объектов. Смею предположить, что с помощью этих деревьев аннезийцы вели счет дням, возможно, перенося от дерева к дереву какой-то предмет и вешая его на ветки. Однако не думаю, что здесь имела место быть какая-то сложная астрономия. (Впрочем, предполагать, как это делают некоторые ученые Земли, что аннезийский «храм» имеет естественное происхождение, тоже абсурдно. Совершенно очевидно, что он создан искусственно и был посажен за сотню, а то и больше лет до прибытия первого французского корабля. Я сосчитал кольца на четырех пнях и узнал, что средний возраст дерева составлял сто двадцать семь аннезийских лет.)

Я нарисовал грубую карту, пометил на ней местоположение пней и приблизительный размер каждого. Они быстро разлагаются, и лет через десять их уже вряд ли можно будет обнаружить.

Несмотря на то, что к моменту, когда я закончил карту, уже начался отлив, нам удалось продвинуться вверх по реке еще на несколько миль, где мы остановились посмотреть на обнаженную каменную глыбу — редкое для этих

мест явление, — имевшую когда-то, по словам попрошайки, форму сидящего человека. Он сказал, что среди жителей Французского Причала и La Fange ходит поверье, согласно которому любой неприличный и аморальный поступок, совершенный сидя или лежа на этой нерукотворной статуе, сокрыт от глаз Господа. У поверья этого, судя по всему, были аннезийские корни, хотя мальчик это полностью отрицал. За многие годы каменная статуя почти полностью стерлась.

По возвращении в город я задумался о слухах, ходивших о священной пещере, расположенной где-то в сотне миль вверх по реке. Вопреки тому, что коренная аннезийская раса несомненно существовала, а возможно, существует и до сих пор, еще не найдено ни черепов, ни опознанных костных останков, и в этом, на мой взгляд, кроется одно из непростительных поражений науки. Для людей вроде меня, выросших на знаниях о пещере Виндмилл-Хилла и скальных убежищах Лез-Эзи, гrotах Перигора и наскальных рисунках Альтамиры и Ласко, гипотеза о существовании священной пещеры аннезийцев видится невыносимо притягательной. Болотистые заливные луга, за исключением, может, одного из тысячи, полностью разрушат скелет любого погибшего там существа. А вот пещера, опять же за исключением одной из тысячи — его сохранит. Так почему бы не предположить, что аннезийцы использовали полости пещер в качестве мест захоронения, как это делали первобытные люди Земли? Возможно даже, что там сохранились их рисунки, хотя на самом деле я не думаю, что аннезийцы добрались в своем развитии до этапа изготовления таких инструментов. Этим вечером, даже пока пишу эти

строки, я не перестаю обдумывать план поиска пещеры, вход в которую находится где-то среди скалистых стен, нависающих над руслом Темпуса. Нам потребуется лодка (возможно, даже не одна), достаточно легкая для перетаскивания в обход порогов или водопадов, но при этом оснащенная двигателем достаточно мощным, чтобы развивать приличную скорость против течения. Нам придется нанять людей, чтобы, когда минимум трое (для безопасности) войдут в пещеру, хотя бы один мог остаться с лодкой. Один из нас, помимо меня, должен быть образованным человеком, способным оценить важность нашего открытия, и еще было бы неплохо нанять знатока горной местности, куда мы направимся. Уж не знаю, где мне искать всех этих людей (и как их заинтересовать, если найду), но буду держать такую возможность в голове, пока веду свои интервью.

Чуть не забыл рассказать о нашем с попрошайкой и его сыном разговоре, который мы завели на обратном пути во Французский Причал. Поскольку этот человек называет себя аннезийцем (что, конечно же, чистейшая ложь), любая информация из его уст должна расцениваться как пустой треп, но все же послушать его было интересно, и я рад, что записал все на пленку.

Р.Т.: Надеюсь, доктор, в разговоре с друзьями об аборигенах вы расскажете тем из них, кто пожелает отправиться сюда, какое удовлетворение вы получили от нашей с вами экскурсии по священным местам?

Я: Всенепременно. Много ли вам удается заработать на этом?

Р.Т.: Уж поверьте, не так много, как хотелось бы. От-

кровенно говоря, доктор, раньше здесь было красивее. Деревьев росло больше, статуя выглядела более презентабельно. Наша семья... Поймите, мы не всегда жили так, как вы вчера видели. И зимой, когда волчьи снега сметает с гор, мы тоже живем не так. Мы бы просто не смогли.

B.P.T.: Иногда, когда мама жила с нами, мы жили в доме.

Я: Ваша жена умерла, Тренчард?

B.P.T.: Она не мертва.

P.T.: Да откуда тебе знать об этом, *imbécile*? Ты когда ее в последний раз видел?

B.P.T.: Когда я был маленький, мы с мамой каждое лето уходили в холмы, месье. Там мы жили, как жил когда-то Свободный Народ, и возвращались, только когда для меня становилось слишком холодно. Мама рассказывала, что много детей Свободного Народа умирало от холода зимой, а она не хотела, чтобы я умер, и поэтому мы возвращались.

P.T.: Она была абсолютно бесполезной женщиной, доктор. Ха! Даже готовить — и то не умела! Она была... (Сплевывает за борт лодки.)

Мальчишка гневно зыркнул на него, и на несколько минут воцарилась тишина. Затем я спросил, там ли в холмах, живя с матерью, он научился так хорошо плавать.

B.P.T.: Да, именно там, в глухи. Я часто плавал в реке, и мама тоже.

P.T.: Мы,aborигены, все хорошо плаваем, доктор. Я тоже был неплохим пловцом, когда был помоложе.

Я посмеялся над старым мошенником, сказал, что прекрасно понимаю, какой из него абориген, и что мне все же придется разыскать какого-то другого аборигена, прежде чем прекращать свои поиски. После беседы о наконечниках он понял, что не смог меня облапошить, поэтому

лишь усмехнулся в ответ (продемонстрировав недостаток половины зубов) и сказал, что в таком случае я наполовину преуспел, так как его сын наполовину абориген.

* * *

B.P.T.: Вы, конечно, не верите, доктор, но это правда. А то, что он говорит о моей маме, о своей жене, это ложь. Она была актрисой, и очень хорошей.

Я: Это она обучила тебя повадкам аннезийцев, чтобы легче было выманивать у людей деньги? Признаюсь, впервые тебя увидев, я подумал, что ты умственно отсталый.

P.T.: (Смеется.) Временами мне тоже так кажется.

B.P.T.: Она научила меня очень многому. И да, в том числе вести себя как те, кого вы называете аборигенами.

P.T.: Поймите, доктор, я проклинал ее потому, что она бросила меня, хотя я сам же ее и прогонял. Но мой сын говорит правду — она была отличной актрисой. Мы вместе ходили на актерские курсы, она и я. Вы не поверите, что она вытворяла! Она могла заговорить с человеком, и он верил, что она девочка, девственница, недавно окончившая школу. А если кто-то ей не нравился, превращалась в старуху — подражала голосом, мимикой лица, походкой, тем, как держала руки...

B.P.T.: Всем!

P.T.: Когда я женился, она была хорошей женщиной, доктор. Ох, забудьте глупости, что я наговорил! Мой сын рожден в законном браке. Нас обвенчал священник в церкви святой Мадлен. Она была прекрасной, чарующей! (Целует пальцы, продолжая грести одной рукой.) И

это было не притворство. Но когда она засыпала, то не могла ничего скрывать. Все женщины предстают в своем истинном возрасте, стоит им заснуть. Вы ведь не женаты, доктор? Запомните мои слова.

Я: (Мальчишке.) Но, если она научила тебя повадкам аннезийцев, значит, она видела их.

B.P.T.: О, да.

P.T.: Поймите, они, аборигены, вынуждены скрываться.

Я: То есть, Тренчард, вы и правда верите, что аннезийцы до сих пор живы?

P.T.: А почему нет, доктор? В глухи осталось множество мест, тысячи гектаров земли, куда никто не ходит. Там все так же полно дичи и рыбы, как и раньше. Это правда, что аборигены больше не могут появляться на заливных лугах, посещать здешние святые места, но у них есть и другие святыни.

B.P.T.: Болотное племя не имело ничего общего со Свободным Народом гор. Для Свободного Народа эти места никогда не были священными.

P.T.: Может, ты и прав. Мы говорим «аборигены», доктор, но правда в том, что здесь жило много разных людей. Вы спросите: «Куда же все они делись?», но разве было бы разумно им обнаруживать себя? Когда-то весь мир Сент-Анн принадлежал им. Фермер скажет: «Это что ж, они такие же люди, как мы? И как теперь быть? Вот Дюпон, толковый адвокат. Что, если они найдут его, а? Что, если он придет к судье — а судья не француз и нас ненавидит — и скажет: «У человека, которого вы называете аборигеном, ничего нет, а ферма Ожье раньше принадлежала его семье. Пускай Ожье покажет купчую на эту землю»? Как вы думаете, что сделает фермер, если заметит аборигена

на своей земле, а, доктор? Он кому-нибудь расскажет? Или просто выстрелит?

Такие вот дела. Если аннезийцы и живы, то прячутся из-за страха, и, надо сказать, не без причин. Многие из тех, кто встречался с ними или знает, где они могут обитать, вряд ли кому-то расскажут или признаются, если их спросить.

Это напомнило мне о человеке, который заявил, что видел нечто, что походило иногда на человека, а иногда на старое дерево. Истина заключается в том, что все свидетельства крайне противоречивы. Вплоть до того, что даже в моих интервью часто сложно поверить, что два человека говорят об одном и том же, а в отчетах ранних исследователей — в тех, что вообще сохранились — согласия и того меньше. Конечно, самые фантастические из них всего лишь мифы, но помимо них остается еще множество других отчетов, в которых коренное население предстает настолько похожим на людей, что они почти кажутся потомками более ранней волны экспансии. Настолько похожим, что старик Тренчард может без труда дурачить легковерных, корча из себя аннезийца. А на планете, где растения, птицы и млекопитающие так схожи с земными, вид предельно близкий к человеку вовсе не кажется таким уж невероятным — человекоподобная раса была бы наиболее оптимальной для местной биосферы.

Офицер в очередной раз отложил блокнот и протер глаза. Как только он встал из-за стола, из дверного проема к нему обратился раб:

— *Maître...*

— Да, в чем дело?

— Тут Кассилья... *Maître* по-прежнему желает... — начал было раб, но под офицерским взглядом его как ветром сдуло, и через несколько секунд он уже вернулся с девушкой, которую затолкал в кабинет. Та была высокой, стройной и необычайно грациозной, с длинной шеей и округлым лицом. На ней было линялое рабочее платье в клетку, маловатое по размеру, под которым (офицер знал это) ничего больше не было. Выглядела она уставшей.

— Проходи, — пригласил он. — Садись. Выпей вина, если хочешь.

— *Maître*... — осторожно обратилась она.

— Ну что еще?

— *Maître*, уже очень поздно. Мне нужно встать за час до солдатской побудки, чтобы помочь с завтраком...

Но офицер ее не слушал. Он взял со стола одну из пленок и вставил ее в магнитофон.

— Служба, — сказал он. — Послушаем это, пока будем ублажать друг друга. Кассилья, погаси лампу.

С: Вы знаете, зачем вы здесь?

З: В этой тюрьме?

С: Не придуривайтесь, вы прекрасно знаете, что натворили. Нет, на этом допросе.

З: Я не знаком даже с обвинениями против меня.

С: Не думайте, что вам удастся сбить нас с толку. С какой целью вы прилетели на Сент-Круа?

З: Я антрополог. Мне нужно было обсудить некоторые сведения, полученные на Сент-Анн, с другим человеком моей профессии.

С: Хотите сказать, на Сент-Анн нет антропологов?

З: Хороших? Нет.

С: Вам кажется, вы знаете, что нам нужно? Считаете себя умнее нас, да? По вашему мнению, политические отношения с планетой-сестрой таковы, что враждебные высказывания в ее сторону купят вам свободу? Я правильно понимаю?

З: Я провел в вашей тюрьме достаточно времени, чтобы понять, что ничто из сказанного мной не купит мне свободу.

С: Даже так?

З: Что вы там все время пишете?

С: Это вас не касается. Если вы верите в то, что говорите, то зачем отвечаете на мои вопросы?

З: С тем же успехом я могу спросить, зачем вы задаете вопросы, если не собираетесь меня выпускать.

С: Вы забыли, что я могу ответить: «У вас есть сообщники!» Не хотите сигаретку?

З: Я думал, вы этим больше не занимаетесь.

С: Я не дразню вас, правда, — видите, вот мой портсигар. Это всего лишь жест доброй воли.

З: Благодарю.

С: Огоньку? И не вдыхайте слишком глубоко — вы долго не курили.

З: Спасибо. Я буду осторожен.

С: Вы всегда осторожны, не так ли?

З: Не понимаю, о чем вы.

С: Я к тому, что у вас типичный научный склад ума.

З: Да, я очень внимателен к сбору данных.

С: Однако вы просчитались, раскрыв свое отношение к правительству Сент-Анн.

З: Ничего я не раскрывал.

С: Вы прилетели с Сент-Анн всего около года назад и верите, что назревает война.

З: Нет.

С: Вы считаете, их победа освободит вас?

З: Вы принимаете меня за шпиона?

С: Вы ученый. По крайней мере, давайте предположим, что так оно и есть. Вы согласны?

З: Строить предположения для меня обычное дело.

С: Я изучил ваши бумаги и адресованные вам письма. Мне следует обращаться к вам:

«Польский граф, кавалер Большого Креста,
Rx. и Q.E.D.;

Великий магистр Кроваво-красного Кортика
и R.O.G.U.E.»

А вы не чересчур молоды?

З: Там сошлись во мнении, что посыпать с Земли старика не имеет никакого смысла.

С: А что ответит ваш юный и гибкий научный ум на такую политологическую гипотезу: убийца может стать превосходным шпионом, а шпион может отыскать много возможностей для убийства. Вы не находите ее трудно опровергимой?

З: Я антрополог, а не политолог.

С: Вы не устанете это повторять, да? Однако антрополог должен разбираться в нравах менее развитых культур. Разве они никогда не шпионили друг за другом?

З: Большинство первобытных народов вступали в войны лишь затем, чтобы доказать свое мужество. Потому-то они и вымерли.

С: Вы зря тратите мое время.

З: Можно мне еще сигарету?

С: Уже докурили? Вот, держите. И огоньку.

З: Благодарю.

С: Так кого вы планировали здесь убить? Я не про того, кого вы все-таки убили — это была скорее вынужденная мера. Я о человеке, к которому вы не могли подобраться, о ком-то хорошо охраняемом.

З: А кого это я, по-вашему, убил?

С: Повторюсь, я здесь не за тем, чтобы отвечать на ваши вопросы. Ответить вам, значит признать, что мы допускаем вероятность наличия хоть какой-то доли истины в ваших притязаниях на невиновность, но это не так. Истина исходит от нас, но не от вас. Мы живем в самом замечательном государстве в истории человечества, потому как мы, и только мы, приняли в качестве рабочего принципа все то, о чем без умолку твердили мудрецы и на что раз за разом плевали все другие государства: сила — в истине. Вы часто спрашиваете, в чем вас обвиняют, за что держат в заточении. Да потому что мы знаем, что вы лжете, — вы это понимаете?

З: Когда меня арестовали, одной девушке, мадемуазель Этьен, вручили пропуск, позволяющий навещать меня в определенные дни. Вы заявляете, что держите свои обещания, но она ко мне так и не пришла.

С: Потому что не захотела.

З: Вы уверены?

С: Конечно! Разве до вас еще не дошло? В этом наша суть — в правде! Вы говорите, что ей выдали пропуск, а его всегда кому-то дают в таких случаях. *Следовательно*, я знаю, что если вы ее не видели, то лишь потому, что она сама не приходила. Конечно же, когда мы столкнулись с вашим упрямством и осознали всю тяжесть вашего пре-

ступления, мы уведомили девушку о возможных неприятных последствиях ее визита, но решение она принимала сама, и если бы все-таки захотела вас увидеть, то никто бы ей не запретил.

Мы единственное правительство, чьему слову любой гражданин может довериться целиком и полностью, и благодаря этому мы располагаем бесконечным кредитом доверия, безоговорочным послушанием и безмерным уважением. Если мы, например, скажем: «Сделай это — и получишь в награду то-то и то-то», — никому и в голову не придет сомневаться, что его наградят за труды. И если мы говорим, что деревня, не выполняющая государственных постановлений, будет сожжена дотла, значит, так оно и будет. Мы говорим не много, но каждое наше слово — железо...

— Что случилось? — спросила девушка, Кассилья.

— Пленка закончилась, — ответил офицер. — Не обращай внимания. Я поставлю другую, а ты не отвлекайся, ты знаешь, чего я хочу.

— Да, *Maître*.

С: Садитесь. Вы доктор Марш?

З: Да.

С: Меня зовут Констан. Вы выходец с нашей материнской планеты, и недавно прибыли с Сент-Анн, верно?

З: Я прилетел с Сент-Анн где-то год и пару месяцев назад.

С: Замечательно.

З: Могу я узнать, за что меня арестовали?

С: Еще не время это обсуждать. Пока что у нас есть

только имя, под которым вы путешествовали. Где вы родились, доктор?

З: На Земле, в Нью-Йорке.

С: Вы можете это доказать?

З: Вы забрали мои документы.

С: То есть не можете?

З: Это доказывают мои документы. Обратитесь в местный университет, там за меня поручатся.

С: Мы уже говорили с ними, но я, к сожалению, не уполномочен делиться с вами результатами расследования. Могу лишь сказать, доктор, что вам не следует ждать от них большей помощи, чем вы уже получили. Мы с ними связались, и, как видите, вы все еще здесь. Как давно вы покинули Землю?

З: По ньютоновскому времени?

С: Я перефразирую. Сколько лет прошло с тех пор, как вы — по вашим словам — приземлились на Сент-Анн?

З: Около пяти лет.

С: Лет Сент-Круа?

З: Нет, Сент-Анн.

С: В обычных условиях между ними нет разницы. В дальнейшем старайтесь использовать годы Сент-Круа. Опишите, чем вы занимались по прибытии на Сент-Анн.

З: Я приводнился в Ронсево, а точнее — в море, в пятидесяти километрах от Ронсево. Затем нас отбуксировали в порт, и я прошел через таможню.

С: А дальше?

З: После таможни меня допросила военная полиция. Простая формальность — все заняло не более десяти минут. Затем я заполнил регистрацию и вселился в гостиницу...

С: Название гостиницы?

З: Дайте-ка подумать... *Splendide*.

С: Продолжайте.

З: После я наведался в университет и в музей при нем. Видите ли, у них там нет факультета антропологии. Этот пробел пытаются восполнить на занятиях по естественной истории, но получается у них из рук вон плохо. А в музее секция антропологии и вовсе представлена набором второсортных данных, подделок и фантазий. Но я нуждался в их поддержке, поэтому был так вежлив, как только мог. Могу я спросить, почему ваш напарник вышел из комнаты?

С: Потому что он идиот. После этого вы уехали из Ронсево?

З: Да.

С: Как?

З: На поезде. Я сел на поезд до Французского Причала, что в пятистах километрах от побережья Ронсево, на север, затем на запад. Добраться на корабле было бы куда проще — намного проще, — но я хотел полюбоваться местной природой, да к тому же на воде меня укачивает. Я решил начать свои исследования с Французского Причала, потому как те немногочисленные данные о коренном населении Сент-Анн, что у нас есть, полностью сходятся только в одном — среди тамошних заливных лугов их проживало наибольшее количество.

С: Мне известно лишь, что это город среди болот.

З: Едва ли его можно назвать городом. Через двадцать километров местность повышается, там расположены сельскохозяйственные угодья, и Французский Причал существует только благодаря тому, что местным фермерам и скотоводам необходим порт для торговли.

С: Вы долго там пробыли?

З: В сельской местности? Нет. Я отправился вверх по реке. Местность там тоже возвышенная, но население крайне малочисленное.

С: Довольно необычно, ведь оттуда можно сплавлять товары по реке.

З: Рядом с заливными лугами река мелководна, в ней множество отмелей, а берега чересчур илистые. Судоходный канал проложен до Французского Причала, но и только. Кроме того, выше по реке, где начинаются холмы, встречаются пороги и водопады.

С: В географии вы сильны — именно это я и хотел выяснить этими вопросами. Уверен, о Порт-Мимизоне вы можете рассказать не меньше.

З: Изучение способов выживания популяции — основа антропологии. Например, рыболовная культура отличается от охотничьей, и обе они отличаются от культуры земледельческой. Привычка замечать такие вещи становится второй натурой.

С: Полезная, должно быть, натура. Мудрый генерал не-пременно назначил бы вас разведчиком. А вот скажите...

С: Возьмите, сэр.

С: Ха! Знаете, что мне принес коллега, доктор?

З: Нет, откуда?

С: Это досье на *Hôtel Splendide*. Он хочет, чтобы я задал вам вопросы касательно этого заведения, вот только этот болван не понимает, что любой пробел в памяти легко оправдать пятью прошедшими годами, а проживать там мог с равным успехом как шпион, так и ученый. Но нам с вами все равно придется постараться, чтобы он был счастлив. Вы не помните, например, как звали вашего портье?

З: Нет. Но кое-что я о нем все же помню.

С: Правда?

З: Он был свободным. Я запомнил это потому, что большинство слуг здесь — рабы.

С: Ага. Значит, вы не просто шпион, а идеологически мотивированный шпион, а, доктор?

З: Никакой я не шпион. Я родом с Земли, и если и придерживаюсь какой-то идеологии, то только земной.

С: Доктор, Сент-Круа и Сент-Анн называют планетами-близнецами, и дело не только в их вращении вокруг общего центра масс. Оба наши мира оставались неисследованными даже когда более отдаленные от Земли планеты были заселены уже десятки лет. И оба были открыты и колонизированы французами.

З: Которые затем проиграли в войне.

С: Именно. Однако, о сходствах достаточно. Давайте поговорим об отличиях. Вам известно, доктор, почему у нас, на Сент-Круа, распространено рабство, а на Сент-Анн нет?

З: Просветите меня.

С: Когда война окончилась, наш военный командир принял — на наше счастье — решение, имевшее далеко идущие последствия. Пожалуй, он принял их даже два. Во-первых, он обязал каждого побежденного француза и француженку участвовать в восстановительных работах, заставил заново отстроить все, что было разрушено войной. Но тем, у кого были деньги, он разрешил откупиться и установил цену достаточно низкую, чтобы это мог позволить себе почти каждый.

З: Очень благородно с его стороны.

С: Вовсе нет. Цена была рассчитана так, чтобы получить максимальную выгоду. В конце концов, таскать мешки с

цементом могут — и будут, если хорошенько приложиться кнутом по спине — даже банкир с его женой, но большой ли будет от них толк? Правильно, не очень. А во-вторых, он приказал провести не резкую, но последовательную смену власти во всех гражданских администрациях, за исключением, конечно, верховного правительства планеты. Это означало, что большинство провинций, городишек и больших городов сохранили своих французских губернаторов, мэров и местные советы на годы вперед после окончания войны.

З: Это я знаю. Видел об этом пьесу прошлым летом.

С: В парке? Да, я тоже. Всего лишь дети, конечно, но они были очаровательны. Однако в суть этой пьесы, доктор, вы не вникли, как, вероятно, не вникли и молодые актеры, игравшие в ней. А заключается она в том, что, даже несмотря на поражение в войне, лучшие французские элементы смогли сохранить толику власти. Их никогда не отлучали от власти полностью, и они до сих пор остаются влиятельными участниками общественной жизни нашего мира. Они постепенно возвращали выбитую из-под ног почву, и число дармовых рабочих пришлось восполнять из других источников: в основном за счет уголовников и бездомных детей. Таким образом, каста рабов утратила свой исключительно французский окрас. На Сент-Анн каждый человек французского происхождения — злейший враг правительства, в результате чего Сент-Анн превратилась в военный лагерь, ополченный против самого себя, где колоссальная военная мощь угрожает всем слоям населения. Здесь же, на Сент-Круа, французская община не враждебна правительству. Более того, ее лидеры являются частью этого самого правительства.

З: Возможно, на мои взгляды влияет то, что именно это правительство посадило меня под замок.

С: Это дилемма, не так ли? Вы настроены к нам враждебно, потому что сидите в тюрьме. Но если вы отбросите свою злобу, если согласитесь на полное сотрудничество, в заточенье тут же отпадет всякая нужда.

З: Я и так с вами сотрудничаю! Я ответил на все ваши вопросы, что вам еще от меня нужно?

С: Вы готовы сознаться? Назвать имена связных?

З: Я не сделал ничего дурного!

С: Что ж, в таком случае нам придется пообщаться подольше. Простите, доктор, я забыл, на чем остановился. О чем мы с вами говорили?

З: Я так понял, вы рассказывали, что лучше быть рабом на Сент-Круа, чем свободным на Сент-Анн.

С: Что вы, доктор! Я бы никогда такого не сказал — это не правда. Нет, я старался объяснить, что на Сент-Круа большинство населения — свободные люди. В то время как на Сент-Анн, да и на Земле, если уж на то пошло, большинство людей — рабы. Их там даже не называют рабами, но это, пожалуй, лишь потому, что они еще хуже. Хозяин раба обязан выделять на его содержание деньги, заботиться о нем — если раб, скажем, заболеет, он должен обеспечить ему лечение. Но если раб заболеет на Сент-Анн или на Земле и окажется неспособен сам оплатить свое лечение, то ему остается либо надеяться на выздоровление, либо дожидаться смерти.

З: Если мне не изменяет память, у большинства наций Земли существуют государственные программы по оказанию медицинской помощи населению.

С: Из этого следует только то, что они знают своих

хозяев. Но почему вы так не уверены в своих словах, доктор? Мы-то думали, вы прилетели с Земли.

З: Я там никогда не болел.

С: Да, это все объясняет. Однако мы отдалились от темы. По железной дороге вы добрались до Французского Причала. Как долго вы там пробыли?

З: Два или три месяца. Я расспрашивал людей об аборигенах — об аннезийцах.

С: Вы записывали ваши беседы?

З: Да. Но, к сожалению, я потерял все пленки во время похода.

С: Однако самые интересные интервью вы записали в свой путевой дневник, верно?

З: Да.

С: Продолжайте.

З: Пока находился во Французском Причале, я обошел все места, так или иначе связанные с аннезийцами. Затем, в компании местного жителя, нанятого мной в помощники, я отправился в поход по глухи, а именно, в холмы и горы за заливными лугами, где берет свое начало Темпус. Там мы нашли...

С: Нам не интересны ваши открытия на Сент-Анн, доктор. А если понадобится, у меня есть полные записи ваших университетских лекций. Скажите лучше, как долго вы пробыли в так называемой «глухи»?

З: Три года. Я рассказывал об этом на лекциях.

С: Знаю. Просто хотел услышать это из ваших уст. Итак, вы утверждаете, что три года жили в Темпоральных Горах, зимой и летом?

З: Нет, зимой мы — а после того, как мой помощник умер, я сам — спускались к предгорьям. Так поступало и большинство Свободного Народа.

С: И все три года вы оставались отрезанными от цивилизации? Мне в это сложно поверить. Кстати, почему по возвращении вы не отправились во Французский Причал, откуда начали свой поход? Вместо этого вы объявились — уверен, я правильно подобрал слово — в Лаоне, который намного ближе к побережью океана.

З: Отправившись на юг, я повидал множество незнакомых мне земель. А если бы я решил вернуться во Французский Причал, мне бы пришлось пойти по местам, которые я уже видел по пути в горы.

С: Давайте сосредоточимся на промежутке времени между вашим появлением в Лаоне и настоящим днем. Перед этим, однако, я сделаю последнее замечание: если бы вы вернулись во Французский Причал, то смогли бы лично уведомить семью покойного помощника о его смерти. Вместо этого вы ограничились коротенькой радиограммой.

З: Это правда, но хотелось бы спросить, откуда вы это знаете?

С: У нас в Лаоне есть... специальный корреспондент, назовем его так. Но вы так и не прокомментировали мое замечание.

З: Семья моего помощника, за которую вы так нежно переживаете, состоит только из его отца — грязного, вечно пьяного попрошайки. А его мать сбежала от мужа много лет назад.

С: Не нужно так злиться, доктор. Никому не нравится приносить дурные вести. Кроме отправки радиограммы, чем еще вы занимались в Лаоне?

З: Продал единственного выжившего мула и то снаряжение, которое осталось исправным. Купил новую одежду.

С: После чего отправились в Ронсево. На этот раз уже на корабле?

З: Именно.

С: А что в Ронсево?

З: Вел несколько курсов в магистратуре и пытался заинтересовать институт результатами моего трехлетнего труда. И, раз уж вы непременно спросите, я не добился в этом особого успеха. В Ронсево убеждены, что Свободный Народ вымер. Они совершенно не заинтересованы в поиске выживших, и еще меньше в том, чтобы наделять их даже минимальными человеческими правами. Мне также не помогло их убеждение в том, что в своем развитии аборигены достигли уровня каменного века, что в корне не верно — культура аборигенов была и остается дендритической, предшествующей палеолиту. Кто-то даже назовет ее додендритической.

Еще я начал курить, набрал восемь килограмм — по большей части, жира — и доверил сбрить бороду, похоже, единственному человеку на всей планете, который знал, как это правильно делается.

С: Как долго вы прожили в Ронсево?

З: Около года, может меньше.

С: А затем прилетели сюда.

З: Да. В Ронсево мне выпала возможность нагнать знания и прочитать последние работы по антропологии. Мне не терпелось поговорить с кем-то в этой системе, заинтересованным в разрешении антропологических загадок. Там ситуация была безнадежной, так что я сел на звездолет. Мы приводнились недалеко от Пальцев.

С: И с тех пор вы не покидали Порт-Мимизон. Удивлен, что вы не перебрались в столицу.

З: Я нашел здесь много чего интересного.

С: В том числе на шесть-шесть-шесть по улице Сальтамбонк?

З: Да, в том числе там. Как вы уже успели отметить, я молод, а в своих желаниях ученые нисколько не отличаются от прочих мужчин.

С: Ну а что вы скажете о тамошнем хозяине? Вы не находите его крайне примечательным?

З: Человек он незаурядный, это да. Большинство врачей предпочитают растрачивать свое мастерство на продление жизни уродливым дамам, но этот придумал кое-что получше.

С: Я осведомлен о его деятельности.

З: Тогда, возможно, вы знаете, что его сестра увлекается антропологией. Именно это-то и привело меня в их дом.

С: Правда?

З: Да, правда. Зачем вы задаете мне вопросы, если не верите ни единому моему слову?

С: Опыт подсказывает мне, что рано или поздно вы оговоритесь и выдадите мне небольшой фрагмент истины. Вот, вы узнаете это?

З: Похоже на мою книгу.

С: Это она и есть. «*Полевой справочник по животному миру Сент-Анн*». Вы оставили ее при себе, даже когда покинули Сент-Анн и прилетели сюда, а я не могу не заметить, что плата за перевозку лишних фунтов багажа довольно высока.

З: Цена доставки с Земли куда выше.

С: Сомневаюсь, что вы знаете об этом из личного опыта. Подозреваю, причина, по которой вы не расставались с этой книгой, не имеет ничего общего с самой книгой — в

смысле, с ее печатным текстом и иллюстрациями. Как мне кажется, вы таскали ее с собой из-за цифр, записанных на последней странице для заметок.

З: Ага, а сейчас вы начнете рассказывать, что расшифровали код.

С: Отбросьте шуточки. Да, мы его расшифровали. В некотором смысле. Эти цифры описывают траекторию полета ружейной пули — количество дюймов выше и ниже цели, которые нужно принимать в качестве поправки для ружья, пристрелянного на триста ярдов. В таблице содержатся поправки для расстояний от пятидесяти до шестисот ярдов — впечатляющий диапазон. Показать вам? Смотрите, с расстояния в шестьсот ярдов пуля ударит на восемь дюймов ниже того места, куда вы целились. Это довольно много, но с такой таблицей на руках можно спокойно прострелить голову человеку даже с такого невероятного расстояния.

З: Будь я умелым стрелком, то может и смог бы. Однако я не настолько хороши.

С: Наши баллистики изучили эту таблицу и даже смогли рассчитать, для какого ружья ее составили. Вы планировали использовать ружье тридцать пятого калибра с высокой начальной скоростью пули, какие обычно используют для охоты на диких кабанов. Уважаемому человеку здесь не составит труда получить разрешение на такое ружье, если он вдруг решит поохотиться.

З: У меня было такое ружье на Сент-Анн. Я уронил его в Темпус.

С: Прискорбно. Однако если вы собирались лететь сюда, вам все равно не удалось бы протащить его на корабль. Но это не имеет значения, потому что вы могли легко купить себе другое.

З: Я не подавал заявки на разрешение.

С: Мы успели задержать вас раньше. Но вы же не рассчитываете обратить наш успех против нас самих? Вы сослались на ваш блокнот, как на доказательство вашей профессии антрополога.

З: Да.

С: Я прочел его.

З: Читаете вы, должно быть, очень быстро.

С: Так и есть. В нем все шито белыми нитками. Вы пишите о галантёйщике по имени Кюло — думаете, мы не знаем, что «culotte» по-французски означает короткие штаны? А еще эта ваша навязчивая идея о том, что врачи заняты лишь продлением жизни уродливым женщинам — вы только что сами это заявили. И тут же вы пишите о докторе Хагсмите! Два года назад вы объявились в Лаоне, где вас и заметил наш агент. Вы носили густую бороду, прямо как сейчас, призванную скрыть вашу личность и уберечь себя от нежелательных встреч со знакомыми. Вы утверждаете, что три года прожили в горах, но часть вашего снаряжения оказалась подозрительно новой, включая пару неношеных ботинок. За три года вы их ни разу не надели!

А теперь сидите тут, сочиняете басни о Земле, где вы, очевидно, никогда не были, и прикидываетесь, будто не понимаете, что, только владея рабами, человек может быть по-настоящему свободен. Плен, хитрость, допросы — все это для вас внове, но для меня старо, как мир. Знаете, что с вами будет? Вас вернут в камеру, затем снова приведут сюда, мы поговорим еще раз, затем еще раз и еще раз. И каждый раз я буду возвращаться домой, к жене на обед, а вы в свою камеру. Так будет продол-

жаться месяцы, а затем и годы. В следующем июне мы с женой и детьми отправимся на острова, а когда вернемся, вы по-прежнему будете здесь, только бледнее, грязнее и худее, чем когда-либо. А к тому моменту, как лучшие годы вашей жизни подойдут к концу, а здоровье будет полностью разрушено, мы узнаем правду, и не останется больше лжи.

Заберите его отсюда. Ведите следующего.

На этом пленка заканчивалась. Она продолжала крутиться в тишине, пока офицер мылся. Он всегда мылся после женщины, причем мыл не только гениталии, но и подмышки, и ноги. Он пользовался специально припасенным для этого душистым мылом, но эмалированный тазик был тот же, в который он наливал воду для бритья. Помывка для него была не обычной профилактической предосторожностью, а сладострастным опытом. Слюна Кассильи стекала по его телу, и смывать ее было истинным наслаждением.

Наконец-то мне принесли еще бумаги — толстенную кипу дешевой бумаги и пучок свечей. Раньше я был уверен, что оба раза они приносили бумагу лишь затем, чтобы впоследствии прочитать все, что я написал, поэтому я решил быть осторожным и писать только то, что, я верил, может мне помочь. Но удивительно. В прошлом я кое-где намеренно допускал небольшие ошибки, писал двусмысленно, но во время допросов меня ни разу об этом не спросили. Знаю, почерк у меня отвратительный, и пишу я очень много. Возможно, им просто лень все это расшифровывать.

Отчего мой почерк настолько плох? У моих учительниц, этих уродливых старух со злобным нравом, было объяснение проще некуда: я неправильно держал (и до сих пор держу) ручку. Но это, конечно же, ничего не объясняет. Почему я держу ручку неправильно? Я помню день, когда в школе нас впервые учили писать. Учительница показала нам, как держать карандаш, после чего ходила по классу и поправляла пальцы каждого, но, держа карандаш так, как она хотела, я мог чертить — проводя рукой по всему листу — лишь слабые кривые линии. За это меня, естественно, неоднократно поколачивали. Когда я возвращался домой, мать забирала мои брюки, отправлялась вверх по течению, подальше от выхода сточных канав, и отстирывала с них кровь, пока я сидел дома, пристыженный и напуганный, завернувшись в старое одеяло или рваный кусок парусины. Со временем методом проб и ошибок я все-таки научился держать карандаш так, как сейчас держу ручку: зажав между указательным и средним пальцами — большой же волен делать все, что хочет. И из мальчика, не умеющего писать, я превратился в мальчика с самым отвратительным почерком, но так как такой мальчик (и никогда девочка) есть в каждом классе, быть меня перестали.

Вот вам и ответ на вопрос, почему я неправильно держу ручку: я не могу писать, когда держу ее правильно. Я только что попытался взять ее как надо, впервые за многие годы, но понял лишь то, что до сих пор не могу так писать.

Вам известен закон Долло? Исследуя панцири ископаемых черепах, этот великий бельгиец сформулировал свой Закон необратимости эволюционных процессов: *орган, который вырождается в процессе эволюции, не может*

вернуться к первоначальному виду, а орган, который исчезает, никогда не вырастет снова; и даже если потомство вернется в первоначальную среду обитания, в которойrudиментарный орган имел важную функцию, орган не восстановится, но организм выработает ему замену.

* * *

Я все думал, где же находится моя подземная камера. Я часто проходил мимо цитадели на своих двоих и иногда проезжал в экипаже. Хоть она и большая, но не настолько, чтобы иметь под собой такой длинный и прямой подземный переход, которым мы с охранником сюда дошли. Значит, технически моя камера находится за ее стенами. Тогда где именно? Главные врата цитадели выходят на Старую Площадь. Справа от нее речной канал: там камера находиться не может, потому как она хоть и прохладная, но сухая. Позади цитадели теснятся магазинчики и доходные дома. (В одном из тех магазинчиков я прикупил очаровавший меня медный инструмент: вещица, сплошь состоящая из зажимов, зубчатых тисков и колючих маленьких крючков. Мне до сих пор невдомек, для чего он был нужен, разве только могу предположить, что он каким-то образом использовался в ветеринарной медицине. Я представляю, как его суют в распоротое чрево крупной ломовой лошади, отодвигают печень, проталкивают вниз мимо тонкой кишки, прижимают селезенку к позвоночнику и вгрызаются им в большую поджелудочную железу.) Представляется маловероятным, что клетки стали бы строить под этим районом, потому как друзьям

заключенного (если, конечно, у него есть друзья) было бы легко его освободить.

Слева же находится комплекс правительственные учреждений. На мой взгляд, проложить между этими зданиями и цитаделью тоннель было бы разумным решением, поскольку это позволило бы секретарям и чиновникам скрыться в случае гражданских бунтов, не подвергая себя риску нападения на улицах. И если бы такой тоннель был проложен, то было бы логично — при нужде в дополнительных помещениях или секретных камерах для содержания преступников — вырыть дополнительные клетки в его стенах. Я почти уверен, что он проходит под одним из тех кирпичных правительственные зданий — Министерством Архивов, что ли.

* * *

Я заснул и видел сны, а свеча моя тем временем догорела. Нужно быть более осторожным. То, что в этот раз меня снабдили спичками и свечами, не означает, что мой запас восполнят по его истощении. Опись: одиннадцать свечей, тридцать две спички, сто четыре листа чистой бумаги и ручка, производящая чернила путем извлечения влаги из воздуха, которой терпеливый человек мог бы выкрасить все четыре стены в черный цвет. К счастью, терпеливым меня не назовешь.

Что мне снилось? Звериный вой, звон колоколов, женщины (если мне и удавалось вспомнить какой-то сон, этот сон почти всегда был о женщинах, что делает меня изрядным счастливчиком), звуки шаркающих ног и моя казнь, которая во сне происходила в огромном

пустынном дворе, окруженном колоннадой. Пятеро роботов-преследователей из охраны исправительно-трудовых лагерей в горах, которых я иногда видел надзирающими за бригадами заключенных во время дорожных работ, были моими палачами. Короткая команда из невидимых уст, ослепительные бело-голубые вспышки лазеров, я падаю, мои волосы и борода в огне.

Но сны о женщинах — вообще-то об одной женщине, девушке — возвращают меня к теории, которую я сформулировал, пока жил в горах. Она столь проста, столь прозрачна, столь самоочевидна, что должна была хоть раз, но прийти в голову каждому. Однако, когда я поделился ею с несколькими сотрудниками университета в Ронсево, на меня посмотрели как на умалишенного. А суть теории вот в чем: все, что мы считаем прекрасным в женщине, является условием ее собственного выживания и, как следствие, выживания детей, которых мы в ней зарождаем. И в большинстве своем (ах, Дарвин!) мир заселяли те, кто держал это в уме при расстановке ловушек для женщин (Мы же не бегаем за ними по-настоящему, правда? Для этого мы недостаточно быстрые. Мы выскакиваем на них из укрытия, усыпляем их бдительность и так далее) — мы их потомки. А те, кто пренебрегал этим, на протяжении долгой истории человечества наблюдали, как их детей раздирают медведи и волки.

Мы подыскиваем себе длинноногих девушек, потому что длинноногой девушке проще сбежать от опасности, и по той же причине мы ищем высоких девушек, но не чересчур — рост наиболее резвых девушек колеблется в районе ста восьмидесяти сантиметров, может немного больше. Таким образом, мужчины выются вокруг девушек,

не уступающих ростом обычному высокому мужчине (а их низкорослые сестры напяливают туфли на высоком каблуке или толстой подошве, чтобы на них походить). Но слишком высокая девушка будет бежать чересчур неуклюже, а при, скажем, двух метрах двадцати сантиметрах роста так и вообще вряд ли когда-нибудь найдет себе мужа.

В то же время таз женщины должен быть достаточно широким (но опять же, не чересчур, потому что это скажется на ее ревности), чтобы родить здорового ребенка, и каждый мужчина оценивает ширину таза проходящей мимо девушки. А чтобы наши дети не голодали, груди не должны быть слишком маленькими — это заложено в наших инстинктах, и хотя мы знаем, что худая девушка быстро бегает, слишком худая не накормит детей молоком в голодные времена.

Ну и, конечно же, лицо. Оно будоражило умы художников с тех самых пор, как угасли суеверия, не позволявшие рисовать портреты людей, — они решали, какой должна быть красота, а затем женились на уродинах с кривыми зубами и огромным ртом. Что мы видим, глядя на портреты величайших красоток в истории, любимиц публики, любовниц королей, знаменитых куртизанок? Что эта косоглазая, а у этой огромный нос. А правда в том, что мужчин не заботит ни одна из этих вещей, им подавай живость и улыбку. (Разглядит ли она опасность? Убьет ли в гневе сына моих чресел?)

А как же выглядит девушка из моих снов, спросите вы? Призрачная, но такая, как я описал выше. Голая. Меня вообще не возбуждают женщины, если на них есть хотя бы лоскут одежды. Однажды в Ронсево я пытался утолить

свою страсть с девушкой, которая не сняла с себя что-то вроде ошейника, и потерпел обидное поражение. Я хотел рассказать ей о своей проблеме, но испугался, что она меня высмеет. В конце концов, я с ней все-таки поделился, она посмеялась (но не так, как я боялся) и рассказала о человеке, который заставлял ее каждый раз надевать кольцо — он приносил его в кармане и забирал сразу после соития, потому как оно было ему дорого, — и без него он был попросту ни на что не способен. (Прилетев на Сент-Круа, я услышал историю о мужчине, который, будучи не в состоянии проникнуть в стены монастыря, облачал проститутку в наряд монашки, а затем срывал его с нее.) Мы вместе посмеялись над этим, она выполнила мою просьбу, и выяснилось, что под тем ошейником она прятала шрам, который я впоследствии целовал.

О девушке из снов я напишу лишь то, что мы не делали ничего из рассказанного мной и способного возбудить страсть — во сне достаточно одного взгляда или мысли.

* * *

Итак. Теперь у меня есть спички, свечи, ручка и бумага. Считать ли это неким послаблением моего содержания со стороны официальных властей? Судя по камере, вовсе нет — она куда хуже прежней 143-ей, а я знаю, что та камера была отнюдь не шикарной. Вообще, если верить Сорок-седьмому (который настукивал мне сообщения, пока я находился в старой 143-ей), его камера была намного удобней моей: он говорил, что она просторнее, а отхожее место оборудовано крышкой. Еще он рассказывал, что в некоторых камерах имелись стеклянные окна с решетками,

чтобы не пропускать холода, а также по паре занавесок и стульев. После того, как однажды нашел косточку в своем супе, я смог чаще общаться с Сорок-седьмым. Как-то он поинтересовался моими политическими убеждениями — после того, как я назвал себя политическим заключенным — и я ответил, что принадлежу к партии *Laissez-Faire*.

— ХОЧЕШЬ СКАЗАТЬ, ТЫ ВЕРИШЬ В ТО, ЧТО БИЗНЕС НУЖНО ОГОРОДИТЬ ОТ СТОРОННЕГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА? ПОНЯТНО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ, ЗНАЧИТ.

— НЕТ. Я ВЕРЮ, ЧТО ЭТО ПРАВИТЕЛЬСТВО НУЖНО ОГОРОДИТЬ ОТ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ. МЫ В *LAISSEZ-FAIRE* ОТНОСИМСЯ К ЧИНОВНИКАМ КАК К ОПАСНЫМ РЕПТИЛИЯМ: МЫ ПРОЯВЛЯЕМ К НИМ ОГРОМНОЕ УВАЖЕНИЕ, НО ЕСЛИ НЕ СОБИРАЕМСЯ ИХ УБИВАТЬ, ТО ДОЛЖНЫ ПРОСТО ОСТАВИТЬ В ПОКОЕ. МЫ НИКОГДА НЕ СТРЕМИМСЯ ЗАНЯТЬ АДМИНИСТРАТИВНУЮ ДОЛЖНОСТЬ И НИЧЕГО НЕ СТАНЕМ РАССКАЗЫВАТЬ ПОЛИЦИИ, ЕСЛИ НЕ УВЕРЕНЫ, ЧТО КТО-ТО ИЗ СОСЕДЕЙ УЖЕ ЭТО СДЕЛАЛ.

— В ТАКОМ СЛУЧАЕ ВЫ ОБРЕЧЕНЫ ПОКОРНО СНОСИТЬ ТИРАНИЮ.

— ЕСЛИ МЫ ЖИВЕМ В ОДНОМ МИРЕ, — выступкивал я, — ТО МОЖЕТ ЛИ ТИРАНИЯ СУЩЕСТВОВАТЬ НАД ТОБОЙ, А НАД МНОЙ НЕТ?

— НУ, Я ХОТИЛ БЫ СОПРОТИВЛЯЮСЬ.

— А МЫ БЕРЕЖЕМ ЭНЕРГИЮ ДЛЯ ДРУГИХ ЦЕЛЕЙ.

— НУ И ПОСМОТРИ КУДА ТЕБЯ...

Бедный Сорок-седьмой.

Камера. Давайте-ка я ее опишу, пока она освещена желтым огоньком свечи. Высота ее немногим больше метра — примерно метр десять сантиметров. Когда я лежу на полу (чем я занят большую часть времени, как вы можете себе представить), я почти могу дотянуться ногами до потолка, не отрывая таза от земли. Потолок, о чем я должен был сказать раньше, сделан из бетона. Пол и стены тоже бетонные, а дверь железная. (Здесь не слышны стуки, не слышно даже царапанья и скрежета несчастного безумца, как в моей старой камере наверху. Вполне возможно, что камеры по обе стороны от меня пусты, а может, строители оставили между стенами прослойку из земли, чтобы заглушить звуки.)

Однако, камера просторнее, чем вы могли подумать. Она достаточно широкая, чтобы я мог свободно раскинуть руки, и такая длинная, что я могу разлечься, вытянув руки над головой. В общем, это не ящик для пыток, но все равно хотелось бы иметь возможность встать на ноги и походить. Есть отхожее ведро (без крышки), но нет кровати. Окон, разумеется, тоже нет — погодите, беру свои слова назад — в двери есть небольшое смотровое окошко, но поскольку в коридоре всегда темно, от него нет никакого толку. Возможно, свечи мне выдали лишь для того, чтобы наблюдать за мной, а бумагу лишь затем, чтобы я ее жег. В нижней части двери есть щель, похожая на большое почтовое отверстие, через которое мне проталкивают миску с едой. У меня есть мои спички и свечи, бумага и ручка. Пламя свечи оставляет черные пятна на потолке.

Как продвигается мое дело? Отличный вопрос. То, что меня запихнули в эту камеру, подсказывает, что плохо, но выданные свечи и письменные принадлежности вселяют

в меня надежду. Возможно, на мой счет существует два мнения, на том уровне (что бы это ни значило), где мнения еще имеют значение: одна сторона считает меня невиновным, желает добра, присыпает свечи, а другая убеждена в моей виновности и приказала заточить в этой камере.

А может, это одно и то же лицо, которое считает меня виновным, но в то же время желает мне добра. А может, свечи и бумага достались мне по ошибке (этого я опасаюсь больше всего), и скоро сюда ворвется охранник, чтобы отнять их.

* * *

Я совершил открытие! Настоящее открытие! Теперь я знаю, где нахожусь. Дописав последние строки, я задул свечу, лег и попытался заснуть, когда, прижавшись ухом к полу, услышал звон колоколов. Я отслонился и перестал что-либо слышать, но, прильнув к бетону снова, отчетливо его различил и слушал, пока звон не прекратился. Получается, что коридор за дверью тянется под Старой Площадью в сторону кафедрального собора и проходит совсем рядом с его фундаментом, из-за чего слышен звук, отраженный от камней колокольни. Каждые несколько минут я прижимаюсь ухом к стене и прислушиваюсь. За время, что я прожил в городе, я не запомнил, как часто бьют в соборные колокола. Знаю только, что они не отбивают время, как часы.

Рядом с нашим домом собора не было, только несколько церквей, и какое-то время мы прожили прямо возле той, что названа в честь святой Мадлен. Помню, как по ночам звонили ее колокола — наверное, знаменуя начало

полночной службы, — но они не пугали меня так, как другие звуки. Иногда звону даже не удавалось меня разбудить, а когда я все же просыпался, то садился в кровати и смотрел на мать, которая тоже не могла заснуть — ее прекрасные глаза сверкали в темноте, как осколки зеленого стекла. Она просыпалась от любого шороха, но, когда отец, спотыкаясь, возвращался домой, притворялась спящей и старалась выглядеть при этом как можно менее привлекательной, что ей удавалось без труда — даже если бы вы принялись наблюдать за ней, то не заметили бы, как она делает это мышцами своего лица. Мне достались от нее эти способности, пусть и не в полной мере, но я решил скрыть свое лицо, отрастив бороду, потому что страшился их — себя, в первую очередь, — и воспользовался ими только для того, чтобы перенять его голос и выглядеть старше. Впрочем, это мне не очень-то помогло, а времени я провел здесь более чем предостаточно, чтобы отрастить бороду более пышную, чем та, которую сбили сразу после ареста.

Однако подозреваю, что отращивал я ее главным образом для матери — если мне когда-нибудь посчастливится встретить ее вновь (и в Ронсево у меня были основания полагать, что она отправилась сюда) — показать, что я теперь мужчина. Она никогда не говорила мне этого, но я знаю, что среди Свободного Народа мальчик остается мальчиком, пока у него не начнет расти борода. И только после того, как она отрастет настолько, что сможет защитить его глотку от чужих зубов, он будет считаться мужчиной. (Какой же я был дурак. Когда мама от нас ушла, я много лет был уверен, что она сделала это потому, что устыдилась меня, увидев с той девушкой, но теперь понимаю, что она продолжала жить с нами ровно

столько, сколько нужно было, чтобы выкормить меня грудью. До сих пор не понимаю, зачем она улыбалась мне тогда.)

* * *

Я решил, что она отправилась в холмы, и, когда мне выпал шанс, двинулся туда на поиски, но ее там не было. Ей стоило остаться там, да и мне, когда была такая возможность, тоже. Однако, это очень тяжело: половина детей умирает, никто не доживает до старости. Так что с наступлением зимы мы с матерью, вместе или раздельно, возвращались в город. И вот где я теперь. А еще насмехался над бедным Сорок-седьмым.

* * *

Много позже. Меня накормили обедом: супом и чаем. Суп налили в выданную мне старую побитую оловянную миску (в камеру наверху еду приносили сразу в посуде, а потом забирали), а когда я опустошил ее, мне туда же налили чаю, черного чаю с сахаром, покрывшегося пленкой жира из-за остатков супа. Просунув мне суп, охранник сказал: «Есть еще чай. Передай-ка свою чашку». Я ответил, что чашки у меня нет. Он пробурчал что-то себе под нос и пошел дальше разносить еду по камерам, но на обратном пути поинтересовался, доел ли я суп. Я сказал, что доел, он попросил подать миску еще раз, и я получил свой чай.

А что, если именно этот охранник, действуя по собственной инициативе, снабдил меня свечами и бумагой?

Если так, то ему, наверное, меня жаль, и возможно жаль потому, что скоро меня казнят.

* * *

С моей последней записи колокола звонили трижды. На вечерню? Утреню? Ангелюс? Не знаю. Я снова спал и видел сны. Мне снилось, что я совсем маленький и сижу у матери на коленях (по крайней мере, я считал, что эта девушка — моя мать). Отец катал нас по реке, что он часто делал, когда еще увлекался рыбалкой. Куда ни глянь, качался на ветру камыш, вокруг лодки плавали желтые цветы, но странным в этом сне было то, что я знал все, что мне только предстояло пережить. Я смотрел на отца, похожего на рыжебородого гиганта, и знал, что с его руками станет настолько худо, что он больше не сможет промышлять ловлей рыбы. Моя мать — все-таки это была она, хотя я никогда и не понимал, как женщина из Свободного Народа умудрилась родить ребенка от моего отца — была одета в свое желтое платье, застегнутое отцом, и выглядела такой счастливой, какой может выглядеть только женщина, одетая мужчиной. Она улыбалась, когда он шутил, а я смеялся. Мы все смеялись. Наверное, в этом сне ко мне вернулось какое-то забытое воспоминание из детства. В те дни отец выглядел как обычный нормальный человек, разве что больше других любил поговорить — больше тех, кто жил на хлебе, мясе, кофе и вине. И только когда у него не осталось еды ни для себя, ни для нас, мы поняли, что он живет только за счет своей болтовни.

* * *

Нет, я не спал. Я несколько часов просто лежал в темноте, прислушиваясь к колокольному звону и полируя свою миску, в темноте, своими несчастными рваными штанами.

Когда-то эти брюки были очень хорошими. Я купил их прошлой весной, поскольку не прихватил с Сент-Анн никакой летней одежды — да и вообще никакой, кроме той, что была на мне. Везти с собой лишнюю одежду было очень невыгодно, и все пассажиры экономили бы кучу денег, если бы летали голыми, а затем покупали все новое на Сент-Круа. Впрочем, надетая одежда не подлежит взвешиванию, и этим пользуются абсолютно все (по крайней мере, зимой, когда я прилетел), покупая и напяливая на время перелета самое тяжелое зимнее облачение. Определенное количество багажа можно было, конечно, провезти бесплатно, но вместо вещей я решил забрать с собой книги, с которыми путешествовал по глухи.

Да и брюки эти были отличными, от первоклассного летнего костюма, сотканные из смеси льна и шелка, завезенного с южного континента. Шелк здесь исключительно местный (в отличие от льна, выращенного из земных семян), а у нас на Сент-Анн его нет вообще. Его производят молодые членистоногие, похожие на клещей. Вылупившись из яичного мешочка, они садятся на кончик травы и дожидаются восходящего потока ветра, а затем плетут едва заметную тонкую нить, которая, взмывая подобно веревке факира, уносит их высоко в небо. Те, кому повезло приземлиться в степи — в безопасности, и

начинают разносить семена новой жизни, но огромное их количество год за годом уносит в море, где эти спутанные нити, как утраченные воспоминания, плывущие на волнах прошлого, собираются в необъятные циновки до пяти километров в поперечнике, покрывая сотни гектаров. Циновки эти собирают, грузят на лодки и развозят по фабрикам на берегу, где их окуривают, прочесывают, а затем прядут нити для текстильной промышленности. А поскольку клещи чрезвычайно устойчивы к фумигации — мне говорили, что они до пяти дней могут обходиться без кислорода — и паразитируют в сердечно-сосудистой системе теплокровных хозяев, рабы, выполняющие эту работу, живут очень недолго. Как-то раз в университете мне показали фильмы с кадрами из нового поселка для таких рабов. Чтобы расчистить для него место, пришлось разрушить старое кладбище французских времен, а его побеленные стены целиком состояли из утрамбованной земли и костей.

Миску я полирую не ради пущей чистоты, но в надежде увидеть собственное отражение. Я назвал ее оловянной, но на самом деле она (я так думаю) из пьютера, и пускай нет человека с более неумелыми руками, чем у меня, я все же способен держать тряпку и что-то ей натирать. Этим-то я и занимался до недавнего времени, лежа в темноте, дрожа и прислушиваясь к колоколам. Я тщательно отполировал миску не только внутри, но и снаружи. Естественно, я не вижу, как она блестит, если вообще блестит, а тратить свечу на это я не хочу — к тому же, у меня куча времени. Однажды стражник принес мне ячменную кашу, и я постарался съесть ее как можно быстрей — отчасти потому, что надеялся получить чай, если успею (его не дали), отчасти

потому, что мне не терпелось вернуться к полировке. В конце концов я устал и решил немного пописать для разнообразия, так что я отложил миску в сторону и чиркнул спичкой, чтобы зажечь свечу. Мне вдруг показалось, что моя мать здесь, со мной, в этой камере, потому что я разглядел в темноте ее глаза. Я уронил спичку, обнял свои колени и рыдал под звон колоколов, пока в дверь не постучал охранник и не спросил, в чем дело.

Затем он ушел, и я зажег свечу. Глаза матери, конечно же, были отражением моих собственных глаз в полированной миске, которая сияет сейчас подобно тусклому серебру. Не стоило мне плакать, хотя иногда мне правда кажется, что в каком-то смысле я все еще ребенок. Эта мысль внушала страх. Я сел и долго думал об этом с тех пор, как написал последнее предложение.

Как могла мать научить меня быть мужчиной? Она же ничего не знала, ничего. Может, отец не позволял ей учиться? Насколько помню, она не считала воровство чем-то предосудительным, но, уверен, редко когда брала чужое, разве что по его указке — чаще всего еду. Когда она была сыта, то ничего больше не хотела, и если кто-то хотел увести ее с собой, отец вынужден был ее заставлять. Она старалась обучить меня всему, что необходимо знать о жизни там, где я еще не жил, и не живу сейчас. Как мне было понять, какие уроки касались этой жизни, а какие той, которую я не знал? Я даже не знаю, что такое человеческая зрелость, кроме того, что я ее не достиг, но при этом живу среди зрелых (и при этом часто уступающих мне в росте) мужчин.

По меньшей мере, наполовину я животное. Свободный Народ прекрасен! Так же прекрасен, как олень, как птица

или измор-тигрица, за которой я с опаской наблюдал, когда она подобно сиреневой тени неслась к своей добыче, но все они животные. Я разглядывал свое отражение в миске, разглаживая бороду руками так сильно, как только мог, смачивая ее мочой из отхожего ведра, чтобы хоть немного разглядеть черты своего лица. И я увидел перед собой маску зверя, с мордой и горящими глазами. Я не умею говорить. Я всегда знал, что говорю не совсем как остальные, что лишь издаю звуки своим ртом — звуки, достаточно схожие с человеческой речью, чтобы обмануть уши сторожей Кровавого Ручья. Я даже не знаю, что именно сказал тогда. Помню лишь, что после этого вырыл яму и понесся с песнями среди холмов. А сейчас я вообще не могу говорить, а только рычать и издавать отрыжку.

Позже. Похолодало, и теперь я слышу колокола, даже когда затыкаю уши руками. Когда я прижимаюсь ухом к стене, то слышу скрежет лопат и шарканье ног, так что точно знаю, где нахожусь. Эта камера находится в земле прямо под кафедральным собором, а поскольку в этой земле они хоронят мертвых, накрывая их могильными плитами и окружая мощеными дорожками и скамейками, — надо мной куча могил, и может как раз сейчас они копают одну для меня. Как только я благополучно скончаюсь, они прочитают надо мной свои молитвы — надо мной, выдающимся ученым с материнской планеты. Быть захороненным на территории собора — большая честь, но я предпочел бы могиле сухую пещеру на высокой скале с видом на реку. И пусть птицы вьют перед ней свои гнезда, а я буду лежать внутри, пока розовое солнце не покраснеет навеки и темные шрамы не покроют его лик, точно тлеющий сигаретный уголек.

* * *

12 апреля. Случилось одно тревожное происшествие, и что меня больше всего беспокоит...

Впрочем, неважно. Давайте по порядку. Большую часть дня, как и планировалось, мы двигались вдоль берега реки. Было совершенно ясно, что никакой пещеры среди песчаных отмелей нам не найти, да и мальчик продолжал твердить, что мы до сих пор находимся слишком низко по течению. Где-то после полудня погода начала портиться, впервые с начала путешествия. Пока мы шли, я смазал оружие и попрятал его в чехлы. Впереди собирались огромные грозовые облака, и по ветру я понял, что буря движется на юго-восток, — то есть прямоиком в долину Темпуса, нам навстречу. По совету мальчишки мы отошли от реки примерно на милю перпендикулярно течению, поскольку он опасался внезапного разлива. Забравшись на вершину небольшого холма, мы сделали привал и сразу же разбили палатку — мысль заниматься этим под дождем меня совсем не прельщала. Мы едва успели забить последние колышки, как налетел первый порыв ветра, за которым сразу обрушился ливень и град. Я сказал мальчику, что готовить мы будем после того, как буря утихнет, залез в спальный мешок, и один Бог знает, как долго лежал, прикидывая, сколько еще выдержит палатка. Еще никогда в жизни я не слышал такого неистового воя ветра, но в конце концов он успокоился, и, когда только дождь остался барабанить по палатке, мне удалось уснуть.

Когда я проснулся, дождя уже не было, вокруг царила тишина, а воздух был пропитан той свежестью и чистотой,

которая остается только после бури. Я встал и обнаружил, что мальчишка куда-то запропастился.

Я позвал его раз или дважды, но ответа не последовало. После нескольких минут бесцельных метаний мне пришло в голову, что наилучшее возможное объяснение таково: мальчишка собрался готовить ужин, но выяснилось, что какой-то предмет кухонной утвари мы потеряли, и он, в надежде его отыскать, решил вернуться по нашим следам на несколько миль назад. Придя к этому выводу, я достал фонарик, схватил (не спрашивайте почему, наверное, из-за спешки) легкую винтовку и выдвинулся на поиски. Солнце уже опускалось, но еще не село.

Десять минут быстрой ходьбы привели меня к реке, где я и нашел мальчика, стоящим по пояс в воде и растирающим себя песком. Я позвал его, и он откликнулся с вполне невинным видом, однако в голосе его слышалось скрытое смущение. Я спросил, почему он покинул лагерь без моего ведома. Он ответил, что чувствовал себя грязным и хотел помыться, да к тому же для готовки ему требовалось больше воды, чем осталось в наших флягах, а будить меня он не хотел. Звучало это вполне разумно, но я все равно не мог отделаться от ощущения, что это не то, что произошло на самом деле, и отнюдь не все, что произошло. В глубине души я был уверен, что он врет и что кто-то — помимо нас двоих — побывал в лагере, пока я спал. И дураку понятно, что мальчишка был с женщиной. Это было видно в каждом его слове и действии. Из наших запасов пропало около двадцати фунтов копченого мяса, и, хотя мне не жалко поделиться им с его возлюбленной — у нас его полно, — все же это мясо принадлежит мне, а не ему. Поэтому я намерен был докопаться до сути.

В общем, я потратил на расспросы еще минут пять, но, не добившись от мальчика более приемлемых ответов, чем те, которые изложил выше, велел ему поторопиться, и мы с полным котелком воды направились обратно в лагерь. Солнце к тому времени успело скрыться за горизонтом, однако стемнело еще не полностью. Палатка была уже почти в пределах видимости, когда до меня донесся неистовый вопль одного из мулов — ужасающий звук, как будто с большого сильного мужчины живьем сдирали кожу, и он не мог больше противостоять боли.

Я бросился на звук, пока мальчик (не растерявшись) добежал до палатки, чтобы взять второе ружье. На слух мне удалось определить, что мул находится где-то по другую сторону кустарниковых зарослей у подножия пригорка. Но вместо того, чтобы обежать кусты — как мне следовало бы поступить, — я рванул напрямик и столкнулся лицом к лицу с самым жутким зверем из когда-либо мною виденных: невероятная помесь гиены, медведя, обезьяны и человека, с широкими, невероятно мощными челюстями и человеческими глазами, вытаращенными прямо на меня с выражением дикой, тупой, убийственной злобы готового к драке безумца, забулдыги, размахивающего разбитой бутылкой. У него были огромные, высоко посаженные плечи, передние лапы толщиной с тело человека, оканчивались короткими пальцами с когтями, как десятипенсовые гвозди, а от всего животного разило отбросами и гниющей плотью.

Я выстрелил из винтовки трижды, даже не позабывшись приставить ее к плечу, и зверюга бросилась от меня наутек, преодолевая кусты огромными обезьяиными прыжками. К тому времени, как подоспел мальчишка с

ружьем, тварь уже скрылась. Могу поклясться, что попал в него, и даже не раз, но не могу даже догадываться, сколько ущерба чудовищу вроде этого могли нанести малокалиберные скоростные пули — боюсь, что не много.

Мой «*Полевой справочник по животному миру Сент-Анн*» не оставляет сомнений — нашим налетчиком оказался медведь-трупоед (интересно, что мальчишке он известен под тем же именем). Справочник причисляет его к падальщикам, но в одном из параграфов сказано, что он совсем не прочь поживиться и домашним скотом, если выпадает такая возможность:

«...так назван за свою привычку разорять любые свежие захоронения, не защищенные металлическим гробом. Он мощный землекоп и, добираясь до трупа, способен переворачивать огромные валуны. При встрече уверенного сопротивления обычно сбегает, часто успевая унести с собой выкопанное тело, зажав его в передней лапе. Иногда прокрадывается на фермы, где недавно забивали скот, и нападает на коров или овец».

Мула (одного из серых) пришлось пристрелить, поскольку он был слишком изодран, чтобы выжить. Мы перераспределили поклажу между двумя оставшимися, которых теперь поочередно сторожим с ружьем.

* * *

15 апреля. Мы углубились далеко в холмы. Никаких новых досадных происшествий, как, впрочем, и открытий. Зато теперь нас преследует не только раненый медведь-трупоед, которого я видел уже дважды с тех пор, как подстрелил, но еще и измор-тигрица. Около часа или двух по-

полуночи мы слышали вой, и мальчишка уверенно опознал его, как тигриный. На следующий день после убийства мула (тринадцатого числа) я два часа шел обратно по нашим следам в надежде застать медведя-трупоеда над его мертвой тушей. Но опоздал: мул был разорван на куски, а все, кроме копыт и самых крупных костей, съедено, в том числе и куски мяса карабао, которые мы оставили, чтобы облегчить мулов. Вокруг останков мула я заметил множество следов самых разных животных. Некоторые из самых маленьких напоминали следы человеческих детей, правда, в этом я не уверен. Никаких признаков девушки, наиведывавшейся (в чем я по-прежнему уверен) к мальчишке, и, естественно, ничего он мне о ней не расскажет.

* * *

16 апреля. Ну хотя бы на одного преследователя стало меньше — ее мы приняли в состав экспедиции. Мальчик сумел заманить кошку в лагерь, более-менее приручив ее с помощью объедков и маленьких рыбешек, которых он наловил голыми руками. Она еще слишком пуглива, чтобы подпускать меня близко, но хочется верить, что с измор-тигрицей мы справимся так же легко.

Интервью с мальчиком:

Я: Говоришь, ты не раз встречал живых аннезийцев — помимо себя, — когда вы с матерью обитали в глухи. Как думаешь, если мы набредем на кого-то из них, они покажутся? Или убегут?

В.Р.Т.: Они боятся.

Я: Нас?

B.P.T.: (Молчит.)

Я: Из-за того, что первопоселенцы стольких убили?

B.P.T.: (Скороговоркой.) Люди Свободного Народа хорошие — не воруют у бедных — могут работать — пасти скот — искать лошадей — отпугивать огненных лис.

Я: Ты же знаешь, что я не стану стрелять в Свободного, правда? Я просто хочу поговорить с ними, чтобы изучить. Вот ты прочитал «*Введение в культурную антропологию*» Миллера. Разве ты не заметил, что антропологи никогда не вредят тем, кого взялись исследовать?

B.P.T.: (Пристально на меня смотрит.)

Я: Ты думаешь, они боятся нас, потому что я охотился на дичь ради еды? Но это же не значит, что я буду стрелять в одного из них.

B.P.T.: Вы оставляете мясо на земле, а могли бы подвешивать его на деревьях, чтобы Свободный Народ и Дети Тени могли снять его и съесть. Но вместо этого вы бросаете его на землю, и за нами увязываются медведи-трупоеды и измор-тигры.

Я: Ах, так вот что тебя беспокоит? А если нам удастся добыть еще мяса и я дам тебе веревку, ты повесишь его за меня? Для них?

B.P.T.: Повешу. Доктор Марш...

Я: Да, что такое?

B.P.T.: Как думаете, из меня бы получился антрополог?

Я: Почему нет? Ты смышленый молодой человек, просто тебе нужно еще многому научиться и поступить в колледж. Сколько тебе лет?

B.P.T.: Уже шестнадцать. Я знаю про колледж.

Я: Ты выглядишь старше — я бы дал тебе лет семнадцать, даже больше. Ты считаешь земными годами?

В.Р.Т.: Нет, годами Сент-Анн. Они длиннее, да к тому же мы, люди Свободного Народа, растем куда быстрее. Я могу выглядеть старше, если понадобится, но я не хочу меняться слишком сильно с тех пор, как вы наняли нашу лодку. Вы ведь не шутили, когда сказали, что я могу пойти в колледж, правда?

Я: Нет, не шутил. Не скажу, правда, что ты сможешь поступить в колледж сразу: вряд ли тебе хватает базовых знаний — сначала придется их несколько лет нагонять, и выучить хотя бы основы иностранных языков. Ах, точно, забыл, ты же немного владеешь французским.

В.Р.Т.: Да, французский я знаю. Мне придется много читать?

Я: (Киваю.) Да, в основном читать.

В.Р.Т.: Знаю, вы считаете меня необразованным, потому что я странно говорю, но так уж меня научил отец — чтобы клянчить у людей деньги. Однако я могу говорить по-разному, как мне хочется. Не верите?

Я: Вот сейчас ты говоришь очень хорошо — кажется, ты подражаешь моему голосу, я прав?

В.Р.Т.: Да, я научился говорить, как вы. Слушайте, вы же знакомы с доктором Хагсмитом? Сейчас я притворюсь им. (Безупречно подражая доктору Хагсмиту.) Все это брехня, доктор Марш, полнейшая чушь. Хотите, расскажу одну историю? Давным-давно, во времена сновидений, когда Путеход был шаманом аборигенов, жила одна девушка по имени Три Лица. Она была аборигенкой, и цветной глиной, которую аборигены собирали у реки, рисовала лица на каждой груди — лицо на левой груди, сэр, всегда говорило «*Nem!*», а другое, на правой груди, было нарисовано говорить «*Да!*». И вот однажды

она повстречала в глухи погонщика скота, и тот по уши в нее влюбился, а она в ответ на признание повернулась к нему правой грудью! Они провели вместе всю ночь в кромешной тьме, какая бывает только в ночной глухи, и он предложил ей пойти с ним и жить вместе. Она согласилась, пообещала научиться готовить, прибираться в доме, в общем, заниматься всем тем, чем занимаются человеческие женщины. Когда взошло солнце, погонщик еще спал, а проснувшись позже, увидел, что девушка отошла к реке, помылась — это сказка о забывчивости, если что — и осталась только с одним лицом, ее настоящим. И как бы он ей не напоминал об обещаниях, данных в темноте, она лишь стояла и молча смотрела на него, а когда погонщик попытался ее обнять, она сбежала.

Я: Какой чудесный образец фольклора, доктор Хагсмит. Это конец истории?

В.Р.Т.: Еще нет. После того как девушка убежала, погонщик стал одеваться и обнаружил у себя на груди два лица: на левой стороне «Да!», а на правой «Нет!». Он надел рубаху прямо поверх них и поехал во Французский Причал, где разыскал человека, колючего татуировки, и попросил его навести лица татуировочной иглой. Поговаривали, что, когда он умер, гробовщик содрал кожу с его груди и сохранил два лица Трех Лиц, завернув их в листья кардамона и перевязав черной лентой. Вроде как он держал их в своем рабочем столе в морге, но не знаю, правда ли это — сам я их не видел.

* * *

21 апреля. По полночи защищать наших животных становится невыносимо. Этой ночью — сейчас — я собираюсь убить одного из хищников, преследующих нас последние десять дней. Для этого я подстрелил гарцующего пони — не убил, а только ранил в ногу — и связал на лужайке подо мной. Я пишу это, сидя на ветке дерева в тридцати футах над землей, куда прихватил с собой ружье и этот блокнот, чтобы было чем заняться, пока жду. Ночь сегодня очень ясная. Сент-Круа нависает над небом, как огромный голубой фонарь.

Около двух часов спустя. Пока никого, если не считать промелькнувшего мимо фенька Хатчиссона. Больше всего меня волнует то, что я абсолютно уверен (называйте это телепатией, или как вам нравится) — пока я торчу здесь наверху, мальчишка развлекается с той девушкой. И это вместо того, чтобы сторожить мулов! Девушка, конечно же, аннезийка. Раньше я только подозревал это, но теперь знаю. Ту историю он рассказал лишь затем, чтобы утереть мне нос, хотя в любом случае никто другой не стал бы жить среди этих Богом забытых холмов. А все, что ему следовало бы сделать, это сказать девушке, что я не причиню ей вреда — тогда экспедиция завершится успехом, а я стану знаменитым. Я могу спуститься вниз прямо сейчас и застукать их (я знаю, что она с ним, я почти слышу их), вот только ячу запах медведя-трупоеда, бродящего неподалеку. Они там сплетаются вдвоем, пока меня нет — когда мальчик купался в реке, я заметил, что он не обрезан. Если бы все так и было, когда я спустился, думаю, я бы пристрелил обоих.

* * *

Позже. У нас появился новенький. Кажется, его поселили пятым камерами дальше по коридору. Думаю, я не сошел с ума только потому, что видел, как его притащили. Правда, благодарить мне его не за что; в конце концов, здравость рассудка — это основной инструмент человеческого бытия, и когда этот инструмент спустя годы приводит к катастрофе, разрушению, отчаянию, страданиям, голоду и загниванию, вполне естественно, что разум решит от него отказаться. И отказ от рассудка вовсе не последний, а первый разумный шаг, который стоит сделать. Наводящее на нас такой страх безумие — не более чем естественное, инстинктивное поведение, в противовес культурно обусловленным манерностям здравого рассудка. Безумец несет бессмыслицу, потому как подобно птице или кошке чересчур чувствителен, чтобы говорить осмысленно.

Наш новый сосед — толстяк средних лет, вполне вероятно деловой человек, из числа тех, что работают на других. Моя свеча давно догорела, и я сидел, уронив голову на колени, когда сквозь смотровое окошко до меня донеслись едва слышные звуки (у нас здесь нет звуконепроницаемых, небьющихся стекол, как в дверях верхних этажей, вместо них — обычные проволочные решетки). Я подумал, что это охранник с едой, и подполз на коленях к двери, чтобы посмотреть, как он идет. В этот раз их было двое: первый — всегдашний охранник с фонариком, а второй — незнакомец в униформе, похоже, солдат. Они тащили под руки нашего испуганного толстяка, бочком проталкиваясь по тесному коридору. Он выглядел очень

бледным, и я улыбнулся ему, чем напугал его еще больше, потому что смотровое окошко было таким узким, что я мог показать через него либо глаза, либо губы, но не то и другое одновременно, так что я проделал это поочередно через окошко, находившееся ниже уровня его груди, когда его тащили мимо. Я крикнул ему:

— За что ты здесь?! За что ты здесь?!

— Ни за что! Ни за что! — прорыдал он в ответ, что заставило меня рассмеяться в полный голос, не только над ним, но и над собой, потому что я снова обрел дар речи. А больше всего над тем, что знал: мы с ним никак не связаны. Он не имеет *никакого* отношения ко мне, к Сент-Анн, к университету, к доходному дому, где я жил, к *Cave Canem* и даже к пыльной лавке, где я купил свой медный инструмент. Он всего лишь никто, испуганный толстяк, который хоть и стал моим соседом, но все равно *ничего* для меня не значит.

* * *

Меня снова допрашивали. Не как обычно. Что-то изменилось, я это нюхом чуял, но не понимал, что именно. Следователь начал с привычной травли, затем стал дружелюбным, предложил сигарету — чего не делал уже несколько недель — и так раздобрел, что даже продекламировал сатирический стишок, осмеивающий академические звания — по его меркам, самая что ни на есть вечеринка. Я решил воспользоваться его весельем и попросил еще сигарету. К моему удивлению, я ее получил, а вдобавок, взамен дальнейших расспросов, выслушал еще и длинную лекцию о чудесных до-

стижениях правительства Сент-Круа, как будто подавал заявку на гражданство. При этом он коротко отметил, что меня за все время ни разу не пытали и не накачивали наркотиками (это правда). Он объяснил это благородством и человечностью, присущими каждому сутулому остролицему Круа-кодилу, но, на мой взгляд, они просто самонадеянно считали, что могут сломить меня и любого другого узника даже без подобных ухищрений.

Говоря об этом, дознаватель произнес одну вещь, которая меня заинтересовала: мол, с ними сотрудничает некий врач, способный при необходимости вытащить из меня все, что им нужно, всего за несколько минут. И, похоже, он ожидал от меня какой-то реакции на эту ремарку. Это могло означать, что они больше не заинтересованы в моем деле, однако такая возможность показалась мне крайне невероятной, поскольку он продолжал раз за разом вставлять в разговор характерные непрямые вопросы. А может, он пытался меня убедить, что они уже получили всю необходимую информацию из другого источника, но и это было невозможно, потому что представить ее было просто некому. А поведение следователя, похоже, объяснялось тем, что доктор этот более недоступен, и так как я думал, что знаю, или по меньшей мере подозреваю (то ли интуитивно, то ли уловив что-то в сказанном ранее), кто он такой, я выразил сожаление тому, что следствию не удалось допросить меня под наркотиками, потому что это доказало бы мою невиновность, и пожелал им как можно быстрее подыскать доктору достойную замену.

— Увы, он был единственным в своем роде — настоящим художником. Конечно, мы можем найти кого-то еще, но за

специалистом хотя бы наполовину таким же искусным, как он, придется посыпать в столицу.

— Я знаю человека, который мог бы вам помочь, — сказал я. — Он заправляет местом под названием «*Maison du Chien*». Насколько мне известно, ему все равно, чем заниматься, если ему хорошо за это платят. К тому же у него отменная репутация.

Взгляд следователя был красноречивей всяких слов. Проститутор мертв.

Я мог сказать (хотя и знал, что мне не поверят), что, наняв его сына, они бы имели дело с одним и тем же человеком, но не сомневался, что юноша уже арестован. Возможно, его даже содержат в этом самом здании, а его тетя — с биологической точки зрения она его дочь, но во избежание путаницы я буду использовать обозначения, принятые в его семье — всеми силами пытается его вытащить.

А что, если она (мне это впервые пришло в голову) пытается добиться и моего освобождения тоже? Она по-настоящему умна, обладает крайне любознательным умом, и у нас было несколько продолжительных бесед — часто в обществе одной или нескольких из ее «девушек» в качестве публики. Где же вы, *Tante Jeannine*? Знаете ли, где я нахожусь?

Она верила, хоть и притворялась, что это не так, что аннезийцы поглотили и заменили *homo sapiens* — это гипотеза Вейла, а она и есть Вейл. Многие годы гипотезу использовали для дискредитации прочих неортодоксальных теорий о коренном населении Сент-Анн. Но, *Tante Jeannine*, кто же в таком случае Свободный Народ? Консерваторы, не отвергшие старый образ жизни? Вопрос состоит не в том (как мне раньше казалось), как сильно

мысли Детей Тени влияют на реальность, но в том, как сильно влияют наши собственные. Пока жил в глухи, я сотни раз перечитывал интервью с миссис Блант, и теперь знаю, кого мне считать Свободным Народом. Свою гипотезу я назвал Пост-постулатом Лийева. Я Лийев и я выжил.

* * *

Новенький оказался говорливым. Он спрашивал, есть ли кто в других камерах, как их зовут, когда нас будут кормить, можно ли раздобыть постель, и еще кучу других вещей. Естественно, никто ему не отвечал — за разговоры здесь наказывают плетями. Немного погодя, убедившись, что охранников нет, я его предостерег. Он долго молчал, но все же не сдержался и спросил (как ему показалось) тихим и вкрадчивым голосом:

— А кто тот безумец, что смеялся надо мной, когда меня привели?

Однако в тот момент вернулась охрана, и этот грузный толстяк верещал, как угодивший в капкан розовый кролик, когда его вытаскивали из камеры на свидание с хлыстом. Несчастный ублюдок.

* * *

Невероятно! Вы никогда не догадаетесь, где я! Ну давайте же — количество попыток не ограничено.

Дурость, конечно, но дураком я себя и чувствую, так почему бы и нет. Я вернулся в прежнюю 143-ю, в свою старую камеру над землей, с матрасом, одеялом и

светом, льющимся через окно, — пусть даже оно не застеклено и по ночам здесь очень холодно, для меня это почти дворец.

И уже спустя час после того, как меня привели, Сорок-седьмой принялся настукивать по трубе. До него донеслись слухи о моем возвращении, и он передал мне свои поздравления. Он сказал, что эта камера пустовала все время, пока меня не было. Суповую кость, которой пользовался раньше, я потерял, поэтому как смог ответил костяшками пальцев. Узник в соседней камере тоже узнал, что я вернулся, и снова начал скрестись и колотить по стене, но он по-прежнему не выучил код, либо же он использует какой-то другой, расшифровать который я бессилен. Его звуки настолько разнообразны, что подчас я задаюсь вопросом, а не пытается ли он этими шумами имитировать речь.

* * *

На следующий день. Означает ли это, что меня собираются выпустить? Вчера меня накормили лучшим обедом за все время моего заключения — наваристым фасолевым супом с кусочками настоящей свинины. И напоили чаем с лимоном и сахаром в большой жестяной кружке. Сегодня утром принесли молоко и хлеб, а после отвели в душ вместе с пятью другими заключенными и даже выдали средство от насекомых для моих волос, бороды и паха. У меня теперь другое одеяло, почти новое и чистое — куда лучше прежнего. Я пишу это, набросив его на плечи. Не потому, что мне холодно, а потому, что я хочу его чувствовать.

* * *

Очередной допрос проводил не Констан, а человек, которого я раньше не видел. Он представился господином Иависом. Довольно молодой, в опрятной гражданской одежде. Он предложил мне сигарету и сказал, что, разговаривая со мной, рискует заразиться тифом — видел бы он меня до того, как я принял душ. Когда я попросил второе одеяло и еще бумаги, он показал мне несколько исписанных мною страниц и посетовал на то, что придется приложить немало труда, чтобы разобрать мои каракули. Поскольку я знал, что в них нет ничего опасного для меня, то предложил ему снять фотокопии, если вдруг потребуется (а он сказал, что это не исключено) отправить их кому-нибудь рангом повыше. Вот только не думаю, что мне стоит показывать им то, что я пишу сейчас. Я пускал воображение в свободный полет, когда писал о своей жизни с родителями на Земле — по правде говоря, я подумываю над тем, чтобы сочинить повесть, ведь сколько прекрасных книг было написано в тюрьмах — эти страницы только еще больше запутают мое дело. Я уничтожу их при первой же возможности.

Полночь, или немного позже. К счастью, мне позволили оставить спички и свечи, иначе я не мог бы сейчас писать. Я уже спал, когда меня дернул за плечо охранник и сказал, что меня «зовут». Первой мыслью было, что меня казнят, но он так ухмылялся, что сразу показалось мне маловероятным. Я подумал, что, скорее всего, они просто придумали какое-то унизительное, но в то же время забавное издевательство, вроде обривания моей головы налысо.

Он проводил и затолкал меня в комнату у края тюремного отделения, где меня ждала Селестина Этьен, девушка из доходного дома мадам Дюклоз. Я решил, что на дворе самый разгар лета, потому что она была одета так, будто собралась на вечернюю службу летним воскресеньем: розовое платье без рукавов, белые перчатки и шляпа. Знаю, я привык считать ее длинной, как аист, но здесь она показалась мне довольно милой и привлекательной, с ее большими и беспокойными сине-фиолетовыми глазами. Когда я вошел, она встала и воскликнула:

— Ах, доктор, вы так похудели!

В комнате имелся единственный стул, лампа, которую нельзя было выключить, настенное зеркало (уверен, чтобы наблюдать за нами из другой комнаты) и старая, продавленная кровать с чистыми простынями поверх матраса, на который, вероятно, лучше было не смотреть.

Но что меня удивило больше всего — комната запиралась изнутри. Мы побеседовали немного, и она рассказала, что на следующий день после моего ареста к ней наведался человек из городского казначейства и сказал, что на следующей неделе в четверг — в день, когда она должна была прийти ко мне — точно в восемь часов вечера, ей необходимо явиться в Лицензионное Бюро. Она туда пришла и просидела в ожидании аж до одиннадцати часов, когда тамошний служащий заявил, что сегодня она уже не сможет ни с кем встретиться, потому что они закрывают офис, и велел вернуться через две недели. Она послушалась, но и в следующий раз ее впустую продержали до одиннадцати. Она призналась мне, что прекрасно понимала, что происходит, но боялась ослушаться и продолжала приходить туда каждые две недели. Сегодня же

не успела она присесть на скамейку в зале ожидания, как появился тот самый служащий, который прежде отправлял ее домой в одиннадцать вечера, и предложил ей наведаться в цитадель, добавив, что в обозримом будущем посещать Лицензионное Бюро ей больше не понадобится. Она задержалась у мадам Дюклоз, чтобы надушиться и переодеть платье, после чего сразу направилась сюда.

* * *

Ну и хватит на этом. Для меня было большим удовольствием писать все это, наблюдая, как ручка оставляет на бумаге неделями тянувшийся паучий узор черноты, но, увидев свои ранние записи в папке дознавателя, я несколько развелновался. Я твердо уверен, что охранник в коридоре уже спит, и собираюсь, страницу за страницей, сжечь все без остатка в пламени моей свечи.

Расшифровка обрывалась на середине страницы, а ниже шло примечание с указанием места, времени и даты, когда оригиналы были изъяты у заключенного.

Прошу извинить меня за почерк в этой и, полагаю, нескольких следующих записях. Произошел один нелепый случай, но о нем я расскажу чуть позже. Мне удалось убить измор-тигрицу и медведя-трупоеда — последнего я подстерег на следующую ночь над телом тигрицы. Она прыгнула на меня, когда я слезал с дерева, на котором просидел всю ночь. Она вполне могла меня изувечить, но, к счастью, я отделался легкими царапинами от колючек, полученными, когда животное повалило меня наземь.

Офицер отложил блокнот в холщовом переплете и порылся в поиске потрепанной школьной тетради с записью о сорокопуте. Отыскав тетрадь, он пробежал глазами по первым страницам, кивнул сам себе и вернулся к путевому журналу.

23 апреля. Пристрелив тигрицу, я вернулся в лагерь и не обнаружил с мальчиком никого, кроме кошки, столько дней ходившей за нами по пятам. Мальчик, заманив кошку к себе на колени, сидел спиной к костру — чем он был занят всегда, когда не готовил. Естественно, мне не терпелось рассказать ему о тигрице, и я сходу начал описывать, как все было. Я подошел к нему и схватил кошку, чтобы показать, куда именно угодили мои выстрелы. Она извернулась и впилась зубами мне в руку. Еще вчера, когда я пристрелил медведя-трупоеда, все было не так плохо, но сегодня ладонь воспалилась и сильно болит. Я обработал ее порошковым антисептиком и перевязал.

* * *

24 апреля. Как вы можете убедиться по почерку, с рукой все еще плохо. Не знаю, что бы я делал без мальчишки. Большая часть работы в нашем путешествии всегда лежала на нем. Мы обсуждали, не пора ли нам сняться с лагеря и продолжить путь вверх по течению, но на сегодня решили остаться и выйти завтра, если только моей руке не станет хуже. Нам очень повезло с этим местом. Здесь растет дерево, что всегда хорошо, а к реке ведет длинный травянистый склон. Течение тут быстрое, а вода вкусная и прохладная. Мяса у нас вдоволь — сейчас мы едим гарцу-

ющего пони, и на ветке дерева в двух километрах отсюда оставили небольшое бедро для тех, кто голоден. Выше по течению река скрывается в ущелье — его видно даже отсюда.

* * *

25 апреля. Сегодня свернули лагерь. Большую часть работы, как всегда, взял на себя мальчишка. Он читает мои книги и задает вопросы, на которые мне трудно порой ответить.

* * *

26 апреля. Мальчишка погиб. Я похоронил его там, где его никогда не найдут, потому что, взглянув в его мертвые глаза, я понял, что мне противна мысль о незнакомцах, заглядывающих в чужие могилы. Вот как все случилось. Около полудня мы вели мулов по узкой тропе, бегущей вдоль южного обрыва ущелья. Ущелье обрывалось вниз метров на двести, а по его дну стремительно неслось глубокое течение, окаймленное красным песком и обломками скал. Я напомнил ему его слова, что мы все еще недостаточно продвинулись вверх по течению, чтобы надеяться отыскать здесь пещеру Свободного Народа, но он сказал, что в этих местах могут быть и другие пещеры, и продолжил лезть по скале. Я увидел, как он оступился. Он попытался ухватиться за край, затем вскрикнул и полетел в пропасть. Я стреножил мулов и по обратному пути пошел на поиски, в надежде, что в более спокойной воде ему удастся выплыть. Далеко вниз по течению я

увидел дерево, растущее из скалы. Вода текла прямо у его подножия, и одним из вытянутых корней дерево поймало моего друга.

А сейчас позвольте признаться, я солгал. Даты на этой и предыдущей странице неверны. Сегодня первое июня. Долгое время я ничего не писал в этом блокноте, но сегодня решил вновь взяться за него и изложить все, что случилось. Как видите, с рукой все так же плохо. Не думаю, что она когда-нибудь станет прежней, хотя выглядит она вполне здоровой, а от укуса не осталось даже шрама. Мне трудно поднимать и держать в ней вещи.

Тело мертвого мальчика я спрятал в пещере на крутой скале у берега реки. Думаю, ему бы это понравилось, к тому же там его не достанет медведь-трупоед — он достаточно силен, чтобы двигать большие камни, но не умеет карабкаться, как человек. Я потратил три дня, чтобы найти пещеру, а тело погрузил на одного из мулов. Кошку я убил и оставил у ног мертвеца.

Как-то непривычно все это писать — не столько из-за руки, сколько потому, что мне не приходилось раньше записывать свои мысли. Конечно, я записывал интервью, описывал святые места, но никогда — свои мысли. Впрочем, в этом есть свое очарование, да и что еще делать, говорить-то мне теперь больше не с кем. Все равно этого никто никогда не прочтет.

Мы — я и два мула — продвигаемся куда медленней, чем прежде, когда мальчик был еще жив. Мы идем всего три-четыре часа по утрам, а среди холмов всегда есть ради чего сделать привал: красивейшие поляны с тенистыми деревьями и папоротниками или места, где можно поискать пещеры и глубокие заводи, полные рыбы. С тех

пор, как он умер, я перестал убивать крупных животных — питаюсь только рыбой и мелкими зверьками, на которых расставляю силки, сплетенные из вычесанных хвостовых волос мулов. Несколько раз мои ловушки обчищали, но я не сержусь. Сдается мне, я знаю, кто эти воры.

Здесь хватает пищи и помимо дичи и рыбы, хотя для фруктов еще слишком рано, если не считать первых ягод. Я верю, что Болотники — аннезийцы заливных лугов и топей — питались корнями соленого камыша. Я их как-то попробовал (перед тем, как есть, нужно сперва содрать черную горькую кожицу — ее растертая кашица, в больших количествах, способна убить рыбу), и мне понравилось, хотя сытными я бы их не назвал. Лучше всего их есть на берегу Океана, где очищенные коренья можно смачивать в соленой воде после каждого укуса.

Чтобы поесть кореньев там, среди заливных лугов, достаточно просто наклониться и вырвать стебель камыша, но больше там есть особо нечего, разве что рыбу, речных моллюсков или улиток по весне, хотя, если повезет, можно поймать и птицу. Здесь же все с точностью дооборот: еды много, но найти ее не так легко. Хороши побеги некоторых растений и черви, обитающие в гнилых деревьях. Есть и грибы, растущие только там, куда не проникает свет — они тоже очень вкусные.

Как и сказал, я больше не охотился на крупных животных. Однажды я чуть не поддался искушению, но винтовка производит так много шума, — а ружье так и подавно, — что я уверен, это только отпугнет тех, кого я хочу найти.

* * *

3 июня. (Это настоящая дата.) Мы все выше поднимаемся в горы — я и двое мулов. Камней становится больше, травы — меньше. Олени здесь не похожи на рогатый скот.

* * *

4 июня. Сегодня никакого костра. Я разводил его каждый вечер с того дня, как он умер. Больше месяца. Сегодня я, как обычно, начал собирать хворост, но вдруг подумал: зачем я это делаю? Мертвый мальчик занимался этим, потому что у нас были мясо и чай. Я люблю чай, но он давно кончился, а я уже поел, и среди запасов нет ничего, что нужно готовить. Вскоре, однако, солнце сядет, и, пока планета-сестра не поднимется из-за холмов, я не смогу писать. Да и кто станет это читать? Иногда я спрашиваю себя об этом, но не нахожу ответа, и прячу внутри сокровенные мысли. А затем вспоминаю, что я должен вести научный дневник, и, пусть даже его не прочитают, это для меня хорошая практика.

Но о чём писать? Я перестал бриться. Я сижу с блокнотом на колене и стараюсь представить жизнь Свободного Народа до прибытия землян. Холмы эти суровы и пустынны — кто стал бы жить здесь, зная о землях плодороднее? Может, в горах — Темпоралях, как их еще называют — и правда лучше, но пока что я никак не могу этого проверить. В моем понимании, эти пологие холмы и даже заливные луга куда лучше приспособлены для жизни. Так почему же — если верить старым преданиям —

Свободный Народ жил в горах? Приходили ли они когда-нибудь сюда? Спускаются ли с гор сейчас? Я уверен, что да, но это тема для другого разговора.

Если они и посещали эти места, то нечасто, потому как истории всегда рассказывают лишь о горном племени (Свободном Народе) и Болотниках, жителях заливных лугов. Это правда, что в этих историях Болотники иногда называют Свободный Народ «холмогорцами», но лишь они одни так поступают. А эти холмы, мне кажется, абсолютно безлюдны, в отличие от болот. Здесь не лежат мертвые. Ну разве что несколько.

А болотное племя? Почему они не жили здесь?

Об этих мы знаем больше, так что давайте с них и начнем. Им всегда не хватало мяса, и, судя по историям, Болотники, даже неверующие, поедали мясо своих жертв. Обитая среди топей и заливных лугов, они могли питаться только кореньями соленого камыша, рыбой и водоплавающими птицами. Поэтому иногда, изголодавшись по мясу, они покидали свои болота и отправлялись в пологие зеленые холмы. Однако рыбаки и птицеловы не были хорошими охотниками, им приходилось брать врага числом. И вот они появлялись среди холмов (Сколько их было? Десять? Двадцать? Или даже тридцать?) в поисках жертв для реки. Я так и вижу, как они крадутся, один за другим, коренастые, криворукие, косолапые и бледнокожие. Десять, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать человек. Свободный Народ — куда лучшие охотники, и воины, бесспорно, тоже, с их длинными ногами и узкими ступнями, но они не могли жить большими группами, потому что умерли бы от голода — дичи всегда не хватало. Вряд

ли они собирались числом больше десяти, включая женщин и детей, и всего трое или четверо из них могли быть мужчинами в расцвете сил. Сколькоих, наверное, похитили и провели через эти пустынные, каменистые холмы к Песочным Часам, Обсерватории и Реке. Сколькоих? Как долго длилась человеческая прайстория на матери-Земле? Миллион лет? Кто-то скажет, десять миллионов. (Костей моих отцов.)

Позже. Планета-сестра сейчас — королева ночного неба, освещает эту странницу своим голубым сиянием, оставляя тень от моей ручки и руки. Наполовину темная, наполовину светлая, и где-то посередине я вижу Руку, что тянется в море, и Порт-Мимизон — крошечную искру у основания большого пальца. Я слышал, его называют худшим городом всех миров.

Позже. На мгновенье мне почудилось, что я вижу свою кошку, летящую словно тень во мраке, и, несмотря на то, что сломал ей шею, я задумался, действительно ли она мертва. За день до того, как я нашел для него пещеру, она принесла мне маленького зверька и положила у моих ног. Я похвалил ее и сказал, что она может съесть его сама, но она лишь ответила:

— Мой хозяин, маркиз Карабас, шлет тебе привет.

И снова исчезла. У зверька были острая морда и округлые ушки, а зубы — плоские резцы, как у человека, и он улыбался в агонии.

Позже. В свете планеты-сестры я искал среди скал древние орудия — эолиты. И ни одного не нашел.

* * *

6 июня. Мы прошагали весь день, как настоящие исследователи. Справа от нас ревет река, проносясь меж каменных стен, а впереди возвышается гряда голубых гор. Я буду следовать за рекой. Я знаю, она берет начало в самом их сердце.

* * *

7 июня. Сегодня мы поднимались по склону, и нам навстречу скатился небольшой камень. Уверен, его столкнуло какое-то животное, но мне не удалось его разглядеть. Я давно не стрелял дичи, так что не думаю, что нас преследуют. Мои силки стали обворовывать реже, а когда это все же происходит, я нахожу следы огненных лис. Как же странно я, наверное, для них выгляжу вместе со своими мулами. На мне-то нет ничего, кроме обуви, необходимой, чтобы ходить по камням, а вот мулы, должно быть, их пугают.

Много позже. Я не знаю, сколько сейчас времени. Думаю, далеко за полночь. Планета-сестра уже наполовину опустилась к западу, но все еще светит ярко, и я вижу далеко-далеко внизу речную долину, а впереди — величественные пики, сияющие в ее голубом свете.

Я не напишу *Позже*, потому как отложил блокнот всего на пару минут, чтобы собрать хвороста и жухлой травы для костра. Я не разжигал костер уже несколько дней, но поскольку я выбрался из спальника, замерз и не хочу больше спать, без него мне не обойтись. Мне снилось, что

вокруг меня толпились голые люди, пока я спал. Дети, скрюченные Дети Тени, которые ни дети, ни мужчины, и высокая девушка с длинными прямыми волосами, нависавшими прямо над моим лицом, когда она склонилась надо мной.

Это была последняя запись дневника в холщовом переплете. Офицер закрыл его, бросил на стол и задумчиво постучал пальцами по твердой обложке. Пока он читал, наступил рассвет. Офицер задул тусклый огонь лампы, отодвинул стул, встал и потянулся. Утренний воздух понемногу наполнялся влагой и теплом. Сквозь распахнутую дверь он увидел, что раб покинул свой пост под хинным деревом, и, несомненно, отсыпается в каком-то укромном уголке. На мгновенье он задумался о том, чтобы пойти отыскать его и разбудить хорошей оплеухой, но отказался от этой мысли, вернулся к столу и, не садясь, во второй раз прочитал сопроводительное письмо, приложенное к делу. Судя по дате, письму был уже почти год.

СЭР: Отправляемые мной материалы касаются дела узника №143, который в настоящее время заключен под стражу на их основании и утверждает, что он гражданин Земли. Заключенный с паспортом (не исключено, что поддельным), выданным на имя Джона В. Марша, доктора философии, прибыл 2-го апреля прошлого года и арестован 5 июня этого года в связи с убийством шпиона-информатора Бюро Общественной Безопасности класса АА, находившегося в этом городе. В убийстве признан виновным сын убитого, но у нас есть весомые причины считать, в

чем вы убедитесь, ознакомившись с материалами дела, что №143-й вполне может быть агентом хунты, пребывающей у власти на планете-сестре. По крайней мере, таково мое личное мнение.

Хочу также обратить ваше внимание на то, что публичная казнь засланного агента Сент-Анн произведет восхитительный эффект на общественное мнение здесь. С другой стороны, если мы согласимся с уверениями заключенного в том, что он родом с матери-Земли, его освобождение (хотя бы до тех пор, пока он не раскроет себя) может оказать равноценно положительное влияние. Местные жители, а в частности представители интеллектуального сообщества, были готовы с радостью принять его, когда он прибыл под видом ученого с Земли.

— *Maître...*

Офицер поднял взгляд. Рядом, зевая, стояла Кассилья с подносом, а за ней переминался с ноги на ногу раб.

— *Кофе, Maître, — сказала она. В ярком дневном свете он видел мелкие морщинки вокруг ее глаз — девушка старела. Жаль. Он взял предложенную чашку и, пока она наливала кофе, поинтересовался, сколько ей лет.*

— *Двадцать один, Maître.*

Кофейник был серебряный, украшенный отличительными знаками дивизии. Похоже, рабу пришлось выпрашивать его на кухне, а иначе ему выдали бы простой кофейник для младшего офицерского состава.

— *Тебе следует лучше о себе заботиться.*

Горячий кофе был приправлен ванилью. Офицер добавил в него ложку густых сливок.

— Да, *Maître*. Это все?

— Можешь идти. Ты, — он указал на раба. — Какой ближайший корабль отплывает в Порт-Мимизон?

— «Вечерняя звезда», *Maître*, отправляется сегодня с приливом. Но корабль сделает остановку в Холодном Устье, прежде чем отправится к Руке, и возможно завернет на острова для торговли. А «Болотный Десмонд» не выйдет в море до следующей недели, но доберется до Порт-Мимизона почти на месяц раньше.

Офицер кивнул, пригубил кофе и вернулся к письму.

Несмотря на то, что некоторые личные записи заключенного довольно красноречивы, он до сих пор ни в чем не признался. Чтобы добиться прорыва, мы используем привычную методику, чередуя снисходительное и суровое обхождение. Вскоре после того, как мы поместили его в удобную камеру, с ним начал переговариваться заключенный №47 с этажа выше, настукивая шифрованные сообщения по трубе, проходящей через обе камеры. Как только подозреваемый ответил, мы убедили 47-го (он политзаключенный и, как все наши доморощенные политические, легко поддается влиянию) вести записи их переговоров. Заключенный все записал (папка №181), и проверки показали, что записи он не подделал, однако темы их бесед оказались бесполезны для следствия. Заключенная соседней камеры, необразованная женщина, обычная мелкая воришка, также пыталась общаться с №143, но он не разобрал ее бессмыслицу и не стал отвечать.

Поскольку университет оказывает на нас постоянное давление с требованием освободить №143, мы будем очень

признательны, если вы поможете нам поскорее разобраться в этом деле.

Офицер приподнял крышку чемоданчика и бросил письмо обратно. За ним последовала кучка разрозненных листов с расшифровками, катушки пленки, дневник в холицом переплете и школьная тетрадь. Затем офицер достал из стола несколько официальных бланков, ручку и начал писать.

Директору Бюро Общественной Безопасности,
Цитадель,
Порт-Мимизон,
Округ Де ла Мэн.

СЭР: Мы тщательно изучили представленное вами дело. Несмотря на то, что означенный узник не представляет особого интереса, оба предложенных вами выхода абсолютно неприемлемы. Если его публично казнить, многие посчитают, что он не врал и действительно прибыл с Земли, и был сожжен, как козел отпущения. Если же его отпустить, отозвав обвинения, а затем вновь арестовать, доверие к власти будет подорвано.

У нас нет причин для беспокойства насчет общественного мнения в Порт-Мимизоне, однако, поскольку это единственное, на что может повлиять это дело, приказываем продолжать попытки добиться от заключенного полного сотрудничества. В заключение рекомендуем не возлагать надежд на его развивающуюся привязанность к девушке С.Э. До тех пор, пока не добьетесь полного сотрудничества, приказываем и дальше содержать обвиняемого под стражей.

Поставив свою подпись, офицер бросил бланк к содергимому чемоданчику и, окликнув раба, велел перевязать его веревками, как это было изначально. Когда тот закончил, офицер сказал:

— Отнесешь его на борт «Вечерней звезды», пусть доставят в Порт-Мимизон.

— Слушаюсь, *Maître*.

— Ты будешь сегодня прислуживать коменданту?

— Да, *Maître*. С двенадцати. В основном, только во время обеда, *Maître*.

— Быть может, тебе представится возможность — удобная возможность — поговорить с ним. Вероятнее всего, когда он попросит передать мне свою благодарность за одолжение твоих услуг.

— Да, *Maître*.

— Между делом постарайся изловчиться и сказать ему, что я провел бессонную ночь, разбирая это дело, и уже этим утром отправил его на первый же корабль, отпывающий в Порт-Мимизон. Ясно?

— Да, *Maître*. Слушаюсь, *Maître*.

На мгновенье раб сбросил с лица привычную маску покорности и улыбнулся. Увидев его улыбку, офицер понял, что раб честно постарается выполнить данные ему инструкции, потому что и в нем живет тайное пристрастие к интригам и лицемерию. И прочтя это в глазах офицера, раб подумал, что никогда больше не вернется в чесальни и на ткацкие фабрики, потому что офицер знает, что он приложит все свои силы из чистой любви к подковерным играм. Он забросил чемоданчик на плечо, чтобы отнести на пристань и передать на «Вечернюю звезду», и они расстались,

оба в добром расположении. Когда он ушел, офицер обнаружил, что одна катушка закатилась за лампу на его столе, и выбросил ее через открытое окно в запущенный цветник, поросший раскидистым ангельским вьюнком.

ПРИМЕЧАНИЯ

Пятая голова Цербера

Стр. 9. *Сад наслаждений* — сад, как правило, открытый для посещения широкой публики. От других публичных парков и садов отличается тем, что используется как площадка для развлечений, поскольку в нем расположены концерт-холлы, сцены для оркестров, аттракционы, зоопарки, зверинцы и т.д.

Стр. 14. *Три квартала вниз по улице Сальтамбонк...* — Saltimbanque (франц.) — шарлатан, мошенник.

Стр. 15. ...затем направо по *Рю д'Астико...* — Rue d'Asticot (франц.) — буквально «улица Личинок».

Стр. 18. *Сент-Анн* (франц. Sainte Anne) — Святая Анна (ивр. ‏אַנְנָה‏ — «милость», «благодать», греч. Αγία Ἄννα) — в христианской традиции мать Богородицы, бабушка Иисуса Христа (богопраматерь).

Стр. 24. *Maison du Chien* (франц.) — Дом Пса.

Стр. 25. *Maître* (франц.) — господин, владыка.

Стр. 32. *Nymphé du bois* (франц.) — лесная нимфа, дриада.

Стр. 37. *Что тебе известно о гипотезе Вейла?* — Veil (англ.) буквально переводится как *вуаль, завеса, покров*.

Стр. 38. *Полусвет* (фр. Demi-monde) — ироническое название высших слоев французского и английского

общества второй половины XIX века, куда кроме знати (высший свет) начинают допускаться люди случая: представители богемы, ловцы удачи, авантюристы. А дамы полусвета, соответственно, это актрисы, певички, танцовщицы и, находящиеся на содержании богатых и влиятельных мужчин, куртизанки.

В современной Франции словосочетание «дамочка полусвета» означает содержанку, даже иногда проститутку, «классом» повыше, чем девочка по-вызову или чем уличные проститутки.

Стр. 38. *Величественные, как тополя Ломбардии...* — В 568 году, под предводительством Альбоина, лангобарды вторглись в Италию, завоевав северную часть страны (совр. Ломбардию), где основали Лангобардское государство со столицей в Павии. В течение двух веков лангобарды приняли религию побежденных (раньше они были арианами); их языки слились, и победители подверглись сильному культурному влиянию побежденных; в IX веке население было уже не германским, а итальянским.

Стр. 45. *И тогда пса четырехглавого
Вывел я на свет земной.*

Подшучивая над Номером Пять, Дэвид приводит слегка видоизмененную цитату из трагедии древнегреческого драматурга Еврипида «Геракл» (также «Геракл в безумии»), где Геракл в разговоре с Амфитрионом рассказывает о своей победе над Цербером. В русском переводе И. Анненского отрывок звучит так:

Амфитрион: Ты в преисподнюю спускался, так ли?

Геракл: Оттуда только что я Кербера привел.

Стр. 50. ...или «портъе», как прозвал меня Дэвид (пояснив, что изначальный смысл слова связан с «проходом»)... —

Porter (англ.) происходит от франц. *portier*, из лат. *portarius* «привратник», далее от *porta* «ворота, вход» (восходит к праиндоевр. *prtū — «проход»).

Стр. 51. *Sotto voce* (итал.) — вполголоса.

Стр. 51. *Connoisseur* (франц.) — знаток, ценитель.

Стр. 52. *Adresse d'accommodation* (франц.) — место встречи.

Стр. 53. *Преступные касты* или «преступные племена» (англ. *Criminal tribes*) — общины Индии, определенные британскими колонизаторами как «преступные». Термин описывает как касту, так и народность или религиозную секту, члены которых систематически участвовали в совершении преступлений.

Круг таких каст был определен серией Законов «О преступных кастах», принимавшихся в 1871-м, 1876-м и 1911-м годах, и объединенных в окончательном Законе «О преступных кастах» 1924 года.

Под надзор полиции попали касты, избравшие своей «профессией» совершение преступлений (похищение людей, воровство и т.д.), «специализировавшиеся» на проституции или просто ведущие кочевой образ жизни, как не соответствующий британским представлениям о цивилизации. Ряд каст в полном составе были переселены в «исправительные» поселения.

Стр. 54. *Tour de force* (франц.) — подвиг.

Стр. 55. *Сент-Круа* (франц. *Sainte Croix*) — Святой Крест.

Стр. 60. *Cave Canem* (лат.) — Остерегайся пса.

Стр. 60. *Cave* (англ.) — пещера.

Стр. 63. *Ha-ha* (франц. *ha-ha*) — Аха (а также ах-ах) — в садово-парковом дизайне ров, одна сторона которого имеет подпорную стену и скрыта от наблюдателя. Его

использовали для разграничения физического пространства сада или парка без вмешательства в визуальный образ ландшафта. Устраивается по периметру парка или сада и служит помехой проходу в неподложенном месте, заменяя ограду.

Стр. 64. *Carapace* (старофранц.) — черепаший панцирь.

Стр. 67. *Demi-mondaines* (франц.) — дамы полусвета, содержанки.

Стр. 75. *Rю de Эгу* (франц. *Rue D'Egouts*) — буквально «улица Сточных Труб».

Стр. 76. *Ангелюс* — Ангел Господень (лат. *Angelus Domini*, лат. *Angelus*) — католическая молитва, названная по ее начальным словам. Молитва читается трижды в день — утром, в полдень и вечером. В католических монастырях и храмах чтение этой молитвы зачастую сопровождается колокольным звоном, который также называют Ангел Господень или Ангелюс.

Стр. 82. *Битвы и мужа пою, кто роком*

и злопамятным гневом Юноны ведомый,

Бежал, покинул берега родной Трои.

В оригинале приведена цитата из эпической поэмы Вергилия «Энеида» в переводе Джона Драйдена. Приведенный выше отрывок взят из русского перевода Сергея Ошерова, но был изменен ради большего соответствия английскому тексту. Вергилий также фигурирует в «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Стр. 96. *Законы Менделя* (Закон единообразия гибридов первого поколения, Закон расщепления и Закон независимого наследования) — принципы передачи наследственных признаков от родительских организмов к их потомкам, вытекающие из экспериментов Грегора Менделя. Эти

принципы послужили основой для классической генетики и впоследствии были объяснены как следствие молекулярных механизмов наследственности.

*«История»
за авторством Джона В. Марша*

Стр. 109. *Святой Иоанн Креста* (также известен как Св. Хуан де ла Крус и Св. Иоанн Крестный, исп. Juan de la Cruz) — христианский мистик, католический святой, писатель и поэт. Реформатор ордена кармелитов. Учитель Церкви.

Стр. 124. *Протяжность* — 1) В философии одна из основных характеристик пространства, выражающая его размеры; 2) Свойство физических тел находиться в пространстве, заполнять его. Декарт и Гоббс считали протяженность (протяжение) сущностью материи.

Стр. 163. *Атлантида* — мифический остров-государство. Наиболее подробное описание Атлантиды известно по диалогам Платона; также известны упоминания и комментарии Геродота, Диодора Сицилийского, Посидония, Страбона, Прокла.

Показания древних о местоположении Атлантиды неопределённы. По словам Платона, остров находился на западе от Геркулесовых столбов, напротив гор Атланта. Во время сильного землетрясения, сопровождавшегося наводнением, остров был поглощен морем в один день вместе со своими жителями — атлантами. Платон указывает время катастрофы как «9000 лет назад», то есть около 9500 г. до н. э.

Стр. 163. *Континент Му* — гипотетический затонув-

ший континент в Тихом океане. В древних мифах разных народов часто упоминается остров, субконтинент или даже континент в различных местах современного Тихого океана. Му — гипотетический тихоокеанский аналог Атлантиды.

Стр. 163. *Гондвана* в палеогеографии — древний суперконтинент в южном полушарии, включавший в себя Африку, Южную Америку, Антарктиду, Австралию, Новую Зеландию, а также Аравию, Мадагаскар и Индию. Образовалась в конце докембрия (750—530 млн л.н.) в результате раскола суперконтинента Родиния.

Стр. 163. *Пуатем* (или, в русских переводах, *Пуактесм*) — в романах Джеймса Брэнча Кэйбелла «Лики Земли. Комедия внешних проявлений» (1921) и «Возвышение. Комедия разочарования» (1923) — небольшое королевство на юге Франции, расположенное к западу от Прованса.

Стр. 179. — *За исключением тех редких случаев, — вставил Старый Мудрец, — когда меня зовут Групповой Нормой...* — Групповые нормы (от лат. *norma* — руководящее начало, точное предписание, образец) — принятые в социальной группе правила поведения и межличностных отношений, разделяемые всеми или большинством ее участников.

B.P.T.

Стр. 191. *Но не воображай, будто я думаю о тебе. Ты меня согрел, и я пойду опять слушать голоса ночи.¹* — Цитата из рассказа Карела Чапека «С точки зрения кошки».

¹ Перевод Д. Горбова и Б. Заходера.

Стр. 195. *Ронсево* (франц. Roncevaux, испанское название Roncesvalles — Ронсесвальес) — муниципалитет в Испании, входит в провинцию Наварра на французско-испанской границе. Согласно легенде, на этом месте в битве в Ронсевальском ущелье 15 августа 778 года погибли Роланд с другом Оливье, герои средневековой французской поэмы «Песнь о Роланде».

Стр. 196. *Мартиника* (франц. Martinique) — остров в центральной части архипелага Малые Антильские острова, расположенного в Карибском море Атлантического океана. Административно является регионом и одновременно заморским департаментом Франции.

Стр. 196. *Сан-Андрес-де-Тумако* (исп. San Andrés de Tumaco), более известный как просто *Тумако* (исп. Tumaco) — город и муниципалитет в Колумбии в составе департамента Нариньо, порт на берегу Тихого океана. Он расположен невдалеке от границы с Эквадором и населен по большей части афроколумбийцами.

Стр. 200. *Эйре* (ирл. Éire) — ирландское название государства Ирландия.

Стр. 204. *Гаррота* (исп. garrote, dar garrote — закручивание, затягивание; казнить) — инструмент для удушения человека. Имеется два основных применения: орудие казни и пыток и вид холодного оружия.

Стр. 206. *Indigène* (франц.) — туземец.

Стр. 210. *Темпус* (лат. *tempus*) — время.

Стр. 210. *Су* (или соль) — денежная единица и монета Французского Королевства во второй половине XIII—XVIII веков. Сегодня слово «су» во Франции также употребляется в значении «мелочь».

Стр. 212. ...исполненный Гутенбергского энтузиазма... —

Иоганн Генсфляйш цур Ладен цум Гутенберг (нем. Johannes Gensfleisch zur Laden zum Gutenberg) — немецкий первопечатник. В середине 1440-х годов создал способ книгопечатания подвижными литерами, оказавший огромное влияние не только на европейскую культуру, но и на всемирную историю.

Стр. 219. *...раскаялся в своих фелицидных помыслах...* — Фелицид — котоубийство.

Стр. 219. *Ружетт* — от франц. «rouge» — красный.

Стр. 223. *Карабао* (лат. *Bubalus bubalis carabanesis*) — водяной буйвол из подвида азиатских буйволов. Один из самых крупных быков.

Стр. 227. *Меланезия* — совокупность островных групп в Тихом океане, чьи коренные жители не говорят ни на полинезийских, ни на микронезийских языках, а также являются темнокожими. Меланезия расположена к северо-востоку от Австралии.

Стр. 232. *Мадам Дюклоз* — от франц. *duclose* — закрытый, замкнутый, завершенный.

Стр. 247. *La Fange* (франц.) — болото.

Стр. 251. *...налил мне стаканчик жидкости, которая на пробу оказалась стоградусным ромом.* — В Великобритании с XVIII века до января 1980 года крепость напитков измеряли по отношению к пруф-спирту (англ. *proof spirit*), который имел плотность 12/13 от плотности воды, или крепость 57,15 градуса.

Название восходит к XVI веку, когда в жалованье английских моряков входила порция рома. Чтобы убедиться, что ром не был разбавлен водой, доказательство (англ. *proof*) его крепости проводилось путем смешивания с порохом. Если смоченный ромом порох было невозмож-

но зажечь, то крепость рома считалась недостаточной (англ. *under proof*). Порох не горел в смеси с содержанием алкоголя ниже 57 %, потому крепость в 57 градусов стала называться «100° proof». С 1816 года испытание порохом было заменено на измерение плотности.

Стр. 258. «*Faîtes attention... français!*» (франц.) — «Будь осторожен... француз (французский)!»

Стр. 259. *Сен-Дизье* — самый населенный город французского департамента Марна Верхняя (ок. 30 тыс. жит.). Расположен вблизи крупнейшего во Франции искусственного озера Дер-Шантекок. В 1775 году земной аналог Сен-Дизье выгорел в страшном пожаре, который стер с лица земли три четверти городской застройки.

Стр. 262. *Виндмилл-Хилл* — холм, давший название самой древней неолитической цивилизации Англии. Здесь была обнаружена серия укрепленных лагерей, защищенных тремя или четырьмя рядами рвов и палисадов. Подобные лагеря обнаружены в Высоких Землях на юге Англии, на территории от Сассекса до Корнуолла. Их население занималось прежде всего охотой и скотоводством.

Стр. 262. *Лез-Эзи-де-Тайак-Сирёй* (франц. *Les Eyzies-de-Tayac-Sireuil*) — коммуна на юго-западе Франции в департаменте Дордонь (регион Аквитания). Уникальное количество палеолитических стоянок первобытных людей стало причиной того, что город Лез-Эзи-де-Тайак-Сирёй претендует на статус «мировой столицы первобытного общества».

Стр. 262. *Перигор* (франц. *Périgord*) — исторический и культурный регион на юго-западе Франции, включающий в себя Лез-Эзи и известный своей кухней, мягким климатом и богатым историческим наследием. В извест-

няках прорезают глубокие долины реки Иль, Дордонь, Дронна и Везэр, а также там находятся многочисленные пещеры; некоторые из них сохраняют следы пребывания людей каменного века.

Стр. 262. *Альтамира* (La cueva de Altamira) — пещера, расположенная недалеко от города Сантильяна-дель-Мар в Кантабрии, на севере Испании. Известна своими полихромными наскальными изображениями животных и человеческих рук, созданными во времена верхнего палеолита, 18,5—14 тыс. лет назад. Самые ранние картины были выполнены около 35,6 тыс. лет назад.

Стр. 262. *Пещера Ласко* или *Ляскó* (франц. Grotte de Lascaux) во Франции — один из важнейших поздне-палеолитических памятников по количеству, качеству и сохранности наскальных изображений. Иногда Ласко называют «Сикстинской капеллой первобытной живописи». Живописные и гравированные рисунки, которые находятся там, не имеют точной датировки: они появились примерно в XVIII—XV тысячелетии до н. э. Долгое время их приписывали древней мадленской культуре, но последние изыскания показали, что они скорее относятся к более ранней солютрейской культуре.

Стр. 264. *Imbécile* (франц.) — болван, слабоумный.

Стр. 272. *Констан* (франц. *Constant*) — постоянный, неизменный.

Стр. 274. «*Splendide*» (франц.) — «Роскошный».

Стр. 280. *Лаон* — устаревшее название города Лан на севере Франции, регион Пикардия, столица департамента Эна. Главная реликвия города — копия Плата Вероники (или Вуали Вероники), — в христианстве нерукотвор-

ное изображение Иисуса Христа, которое, по преданию, появилось на платке, поданном святой Вероникой Иисусу Христу, когда Он нес свой крест на Голгофу.

Стр. 286. *Закон Долло* или Закон необратимости эволюционных процессов — впервые сформулирован в 1893 году бельгийским палеонтологом Луи Долло.

Стр. 292. *Laissez-Faire* (франц.) — «невмешательство». Часть выражения «laissez faire, laissez passer» («пусть все идет, как идет»). Слова французского экономиста и откупщика Венсана де Гурнэ (1712—1759) из речи, которую он произнес (1758) на собрании экономистов-физиократов (сторонников свободной торговли). В ней он доказывал, что для процветания ремесел и торговли правительству не следует вмешиваться в сферу предпринимательства. Эта идея стала основным положением «манчестерской» школы либеральной политической экономии. Фраза-символ крайнего, ортодоксального экономического либерализма.

Стр. 299. *Пьютер* (англ. pewter) — сплав олова (содержание которого может быть от 85 до 99 %) с другими металлами, такими как медь, сурьма, висмут или, реже, свинец.

Стр. 304. ...с когтями, как десятипенсовые гвозди... — Десятипенсовый гвоздь — гвоздь длиной в три дюйма (7,6 см).

Стр. 315. *Tante Jeannine* (франц.) — тетя Жаннин.

Стр. 318. *Иавис* — библейское имя (означает «иссохший»).

Стр. 327. *Эолит* — устаревший археологический термин, который предложил французский археолог Габриэль де Мортилье (1821—1898). Термин означал хронологическую эпоху, непосредственно предшествовавшую палеолиту.

В настоящее время термин не употребляется, так как «кремневые орудия», которые Мортилье относил к данной эпохе, как установлено, имели природное происхождение. Создателями эолитов считались питекантропы.

Комментарии¹

Данный раздел содержит сюжетные спойлеры. Если вы еще не прочитали роман, вернитесь сюда после прочтения.

Пятая голова Цербера

*Стр. 9. Когда побеги снег накрыл, и филины кричат,
И в мерзлой чаще воет волк, и жрет своих волчат.*

Сэмюэл Тейлор Колридж.
«Сказание о Старом Мореходе»²

Поэма повествует о сверхъестественных событиях, произошедших с моряком во время затяжного плавания.

«...После отплытия из порта корабль главного героя попадает в шторм, который увлекает его далеко на Юг, в Антарктику. Появляется считающийся добрым предзнаменованием альбатрос и выводит корабль из льдов. Однако моряк убивает птицу из арбалета, сам не зная зачем. Товарищи бранят его за это, но, когда туман, окутавший корабль, рассеивается, они изменяют свое мнение. Но

¹ При составлении комментариев были использованы материалы сайта «Cave Sapem» Роберта Борски, а также эссе Марка Арамини «Доказывая гипотезу Бейла: методы понижения дисперсии, личиночные жизненные циклы на примере Восточного Ветра, и Дети Тени верхом на Болотных жителях в Пятой голове Цербера».

² Перевод В. Левика.

вскоре корабль попадает в мертвый штиль, и моряка обвиняют в том, что он навлек на всех проклятье.

В знак вины ему на шею вешают труп альбатроса. Штиль продолжается, команда мучается от жажды. В конце концов появляется корабль-призрак, на борту которого Смерть играет в кости с Жизнью-в-Смерти на души команды корабля. Смерть выигрывает всех, кроме главного героя, который достается Жизни-в-Смерти. Один за другим, все двести товарищей моряка умирают, и моряк мучается в течение семи дней, видя их глаза, полные вечного проклятья.

В конце концов, он видит в воде вокруг корабля морских созданий, которых раньше называл не иначе, как «склизкими тварями», и, прозрев, благословляет их всех и все живое вообще. Проклятье исчезает, и в знак того альбатрос срывается с его шеи.

С неба проливается дождь и утоляет жажду моряка, его корабль плывет прямо домой, не повинуясь ветру, ведомый вселившимися в тела мертвых ангелами. Привезя моряка домой, корабль исчезает вместе с командой в водовороте, но ничего еще не закончено, и Жизнь-в-Смерти заставляет моряка скитаться по земле, рассказывая повсюду в назидание свою историю и ее урок».

Это напоминает сон Номера Пять, в котором Мистер Миллион, тетя Жаннин и его отец находятся на корабле, который замер на месте и никуда не движется. Номер Пять обречен на замкнутый круг отцеубийства, как его отец и отец его отца раньше — без конца повторяющийся ад. Даже Мистер Миллион не свободен, так как его создание было сродни саморазрушению или суициду, приведшему к вечной, механистической «недожизни».

Стр. 14. *Дама в розовом* — Женщина в розовом также фигурирует в романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», который, несомненно, оказал значительное влияние на «Пятую голову Цербера» (взглянуть хотя бы на его первые предложения: «*Давно уже я привык укладываться рано. Иной раз, едва лишь гасла свеча, глаза мои закрывались так быстро, что я не успевал сказать себе: «Я засыпаю».*»).

Стр. 17. *«Звездолет длиною в милю»* — сборник рассказов Кейта Вильгельма, изданный в 1963 году. Интересно, что Вулф классифицирует его как «научную работу по космонавтике»: одноименный рассказ повествует о снах человека, чей разум был захвачен инопланетянами-телепатами. Во время контакта с человеком, они мысленно «транспортируют» его на свой звездолет, где с его помощью пытаются выяснить, как добраться до Земли. Однако землянин нешибко смыслит в астрономии и думает, что пришельцы — всего лишь плод его воображения — галлюцинации, вызванные травмой, полученной при аварии, случившейся в момент первого контакта с инопланетянами.

Стр. 17. *«Понедельник ли, вторник»* — сборник рассказов Вирджинии Вулф, изданный в 1921 году. В сборнике имеется микрорассказ из двух частей под названием «Голубой и зеленый» («Blue and Green»), цветовые образы которого отражают некоторые повторяющиеся мотивы в «Пятой голове Цербера»: зеленая планета Сент-Анн, с ее мистическим древесным «потертанным раем» аборигенов, и Сент-Круа — бюрократический, упаднический голубой ад.

Стр. 17. ...*прислонившийся к книге об убийстве*

Троцкого... — Имеется в виду «Смерть великого принца» («The Great Prince Died») — роман американского прозаика и сценариста Бернарда Вулфа, изданный в 1959 году.

Стр. 17. ...*рассыпающийся сборник рассказов Вернора Винджа...* — Интересно, что первый авторский сборник рассказов Вернора Винджа «Истинные имена... и другие опасности» («True Names... and Other Dangers») был выпущен в 1987 году, то есть спустя пятнадцать лет после написания «Пятой головы Цербера».

Стр. 17. ...*обязанный своим присутствием здесь какому-то давно умершему библиотекарю, который по ошибке прочитал потускневшую надпись «V. Vinge» на корешке, как «Winge».* — Все книги, которые Номер Пять находит под куполом библиотеки, кроме по ошибке затесавшегося туда сборника В. Винджа, написаны писателями, чьи фамилии начинаются на «W»: К. Вильгельм, Вирджиния Вулф, Бернард Вулф. Помимо прочего, автор намекает, что фамилия рассказчика — Вулф.

Стр. 24. ...*и, наконец, крепко стоящая железная статуя трехглавого пса, с лапами, почти полностью погребенными под слоем мха.* — В классической греческой мифологии Цербер охранял выход из Аида, царства мертвых. Также сторожит вход в третий круг Ада в «Божественной комедии» Данте, с которой у романа также немало параллелей. Например, в своем эссе «Данте и дом Вулфов» Роберт Борски сравнивает особняк на Сальтамбонк, 666 с преисподней, а взросление в нем Номера Пять — с нисхождением Данте в ад. Мистер Миллион в таком случае играет роль Вергилия, Федрия — Беатриче, Мэтр — Люцифера, и так далее.

Стр. 50. *Девушку по имени Нерисса...* — В комедии

Уильяма Шекспира «Венецианский купец» Нерисса — кокетливая служанка богатой наследницы Порции.

Стр. 58. *Федрия* — имя заимствовано у героини не законченной аллегорической поэмы Эдмунда Спенсера «Королева фей». У Спенсера Федрия — распутная служанка волшебницы Акразии, обитающая на острове Веселости.

Стр. 59. *Урания* — в романе французского писателя Жориса Карла Гюисмана «Наоборот» (франц. *À rebours*) мисс Урания — мужеподобная циркачка, известная своим ханжеством. Также нельзя не отметить сходство главного героя «Наоборот» с отцом Номера Пять. В романе практически отсутствует действие, а вместо сюжета читателю предъявляется каталог пристрастий и антипатий пресыщенного жизнью декадента, герцога Жана дез Эссента — чудака и эстета, болезненного антигероя, последнего представителя вырождающегося рода. Испытывая к окружающему буржуазному миру одно отвращение, дез Эссент продает замок предков и приобретает загородный дом в Фонтене-о-Роз, где предается утонченным и извращенным удовольствиям, а также занимается интеллектуальными опытами. Он мечтает, как будет радовать его взгляд черепаха с панцирем, инкрустированным драгоценными камнями, ползая по изысканным коврам павильона, однако животное издыхает под тяжестью бриллиантов. Начитавшись романов Диккенса, дез Эссент собирается посетить Лондон, но возвращается с вокзала, решив, что путешествовать лучше в своем воображении, ибо реальность неизбежно разочаровывает. Дез Эссент остался в истории как «исчерпывающее олицетворение декадентского сознания».

Стр. 60. Знаешь, как ребята называют его? «*Cave*

Сапет, а иногда просто «Cave» — Игра слов. Пещера (англ. Cave) в данном случае обыгрывает одновременно плутонические и сексуальные образы.

Стр. 95. ...и о женщинах, которую ты называешь тетей. В действительности же она дочь твоей ранней... э-э-э... версии... — Здесь мы узнаем, что тетя Жаннин — это женская версия отца Номера Пять, что позволяет расшифровать имя Номера Пять как мужской эквивалент имени Жаннин, то есть — Жан/Джин. На разгадку фамилии Номера Пять наводят два факта: книгу, написанную его отцом, он искал в библиотеке среди книг авторов, чья фамилия начинается на W; а также его слова о доме: «этой статуе наш дом и обязан своим именем — *Maison du Chien*, хотя не исключено, что наша фамилия тоже сыграла в этом не последнюю роль». С некоторым допущением можно сказать, что *chien* (пёс, собака) — это волк (франц. *loup*, англ. *wolf*), чтоозвучно с фамилией *Wolfe*.

*«История»
за авторством Джона В. Марша*

Стр. 109. *Джон* — также слэнговое название любителя проституток. Сравниваем с поведением Джона В. Марша в первой повести.

Стр. 118. *Время сновидений* — термин, используемый для обозначения характерного для различных австралийских мифологий понятия о своеобразной мифологической эре, эпохе творения, населенной культурными героями и метафизическими сущностями и как бы продолжающей существовать в потусторонней реальности.

В некоторых областях Австралии «время сновидений» именуется «временем Байяме» (верховного бога-творца). Во времена «сновидения» мифические герои совершили свой жизненный цикл, вызвали к жизни людей, животных и растения, определили рельеф местности, установили обычаи.

Стр. 122. *Болотное племя* (или *Болотники*) — в оригинале («marshmen») созвучно с фамилией доктора Марша («Marsch»).

Стр. 124. ...я — песнь, которую поют все Дети Тени, я — их коллективное сознание, когда они мыслят, как один! — Старый Мудрец — прототип аквасторов из «Книги Нового Солнца»: «Мы — аквасторы, существа, созданные и поддерживаемые силой воображения и концентрации мысли».

Стр. 129. *Много Розовых Бабочек* — имя девочки приведено в соответствии с ранними изданиями. В более поздних изданиях, оно было изменено на «Мэри Розовые Бабочки». Текст поздних изданий содержит также ряд других искажений, которые по возможности были исправлены.

Стр. 141. ...несущегося по болоту медведя-трупоеда — огромного, толстолапого, вонючего. — Аналогичное существо (или, по меньшей мере, его близкий родич) также встречается в «Книге Нового Солнца».

Стр. 163. *Страна Друзей* — по-видимому, имеется в виду Техас, где вырос и который до сих пор считает своей родиной Джин Вулф. Название штата происходит от испанского слова «tejas», а то, в свою очередь, от индейского «táysha», на языке племен каддо означающего «друг», «союзник».

B.P.T.

Стр. 189. *B.P.T.* (англ. V.R.T.) — оригинальное название повести можно расшифровать как инициалы Виктора Роя Тренчарда — мальчика, сопровождающего Джона Марша, но также и как «variance reduction techniques» (англ.) — методы понижения дисперсии. Второе отсылает нас к диалогу в конце первой повести. Во время последней встречи с Номером Пять Марш говорит: «*Существуют проблемы, которые не решаются прямыми вычислениями, но могут быть решены методом последовательных приближений. Возьмем, к примеру, процесс теплопередачи. Не всегда можно сразу рассчитать температуру поверхности в каждой точке тела неправильной формы. Поэтому инженер, или компьютер, берет за основу приблизительную температуру, проверяет устойчивость заданных им значений, а затем на основе результатов этих вычислений делает новые предположения. С каждым таким вычислением последовательные наборы становятся все более точными, пока, наконец, различия не перестают играть какую-либо роль.*» Упомянутая Маршем релаксация — один из возможных методов понижения дисперсии.

Стр. 199. «*Maître*» — В описании внешности персонажей Вулф часто использует «острый подбородок», но, помимо приписывания этого атрибута жителям Сент-Круа, автор также использует его для идентификации членов семьи Вулф. Нас подводят к мысли, что прислуживающий офицеру раб — «мужчина с короткой шеей,

острым подбородком и копной темных волос» — это один из проданных клонов Вулфа. Что же касается самого *Maître*, то существует версия, согласно которой он не кто иной, как Дэвид — брат Номера Пять. Из первой повести мы знаем, что в детстве Дэвиду нравились «языки, литература и правоведение», в первой летней пьесе он играет «бравого капитана шассёров», а после смерти отца уезжает в столицу. Обращение к офицеру «*Maître*» подкрепляет это предположение, а также помогает объяснить доброту, проявленную им (офицером) в финале повести к безымянному рабу, который на самом деле его «брать». Ну и наконец слова «цветник, поросший раскидистым ангельским выонком», завершающие повесть: Дэвид, как мы помним, любил мастерить свирельки из полых стеблей выонка.

Стр. 202. *Номер нашего корабля был девять-восемь-шесть.* — Показания госпожи Блант позволяют предположить, что Сент-Анн изначально была исправительной колонией.

Стр. 210. *Огромный, черный, весь изодранный, с единственным глазом и сдвоенными когтями — кладбищенский кот...* — Кот пряником из рассказа Эдгара Алана По «Черный кот». В рассказе главный герой-алкоголик в очередном приступе ярости вырезает перочинным ножом глаз черному коту по имени Плутон. Приставка «кладбищенский» обыгрывает имя животного. Плутон — в древнегреческой и римской мифологии одно из имен бога подземного царства и смерти.

Стр. 228. ...в кабинет залетела птица... — Появление ворона еще раз отсылает к Эдгару Алану По. Кроме того, — что немаловажно, — школа, в которой учился

Вулф, носила имя Эдгара Алана По, так что с «Маской Красной Смерти» и «Вороном» Вулф познакомился в самом восприимчивом возрасте.

Стр. 230. ...*рассуждать в подобном ключе*, значит созвать на карнавал смерти каждого юношу или девушки... — Очередная отсылка к Эдгару Аллану По, на этот раз к рассказу «Маска Красной Смерти».

Стр. 230. — я не владею и никогда не владел недвижимостью... — см. эпиграф ко второй повести.

Стр. 233. — Я НА СТОРОНЕ ПЯТОГО СЕНТЯБРЯ. — 5 сентября 1793 года Французский национальный конгресс установил Режим Террора для защиты революции. Великая французская революция — крупнейшая трансформация социальной и политической системы Франции, приведшая к уничтожению в стране Старого порядка (франц. *Ancien Régime*) и абсолютной монархии, и провозглашению Первой французской республики (сентябрь 1792) де-юре свободных и равных граждан под девизом «Свобода, равенство, братство». Террор представлял собой период насилия в ходе конфликта между соперничающими политическими группировками (жирондисты и якобинцы), в течение которого якобинцами были осуществлены массовые казни «врагов революции».

Стр. 239. Завтра мой друг вагоновожатый вполне может взяться за уборку мусора... мой второй напарник может оказаться, скажем, в команде патрульного катера, а я могу стать инспектором кошек. Но сегодня нас прислали за вами. — Троє мужчин, арестовавших «Марш», похожи друг на друга и находятся на взаимозаменяемых ролях. Все это напоминает систему управления на планете Камирои из рассказов Р. А. Лафферти, которая

в свою очередь навеяна романом Томаса Мора «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии». Только в данном случае система куда гибельнее, — паутина, не допускающая формирования свободного общества, полная зловещих угроз и нескончаемой бюрократической волокиты — в случае невозврата «Марша», комната в доме мадам Дюклоз должна быть заперта на долгие годы (здесь, несомненно, проглядывают Кафкианские мотивы «Замка»). Это по-настоящему сложная система, которая ведет в никуда, и где оспаривание вины и возможное освобождение к делу не относятся. Также неестественно насекомообразное распределение обязанностей вместо назначения людей на работу, где они способны принести больше пользы. Этот странный бюрократический образ жизни на Сент-Круа куда более искусственен, чем кажется на первый взгляд.

Стр. 256. *Мальчик же, когда перестал изображать слабоумие ради выгоды, показался мне смешливым, а зеленые глаза, бледноватое лицо и темные волосы делали его по-странныму привлекательным.* — Первый, но не единственный намек на гомосексуальную ориентацию Джона Марша.

Стр. 266. *Ожье* — вероятно, в честь французского драматурга Эмиля Ожье.

Стр. 270. *«Польский граф, кавалер Большого Креста,*

Rx. и Q.E.D.;

Великий магистр Кроваво-красного Кортика
и R.O.G.U.E.»

Высмеивая «Марша», следователь приводит несколько видоизмененную цитату из стихотворения «Двенадцатая

ночь», опубликованного под псевдонимом Не Шекспир в «Комическом альманахе» 1841 года. *Rx. (R)* — буквенное обозначение медицинского рецепта. *Q.E.D.* — аббревиатура от лат. *quod erat demonstrandum* — «что и требовалось доказать», «ч. т. д.»; латинское выражение, обозначающее завершение доказательства теоремы.

Стр. 279. *Темпоральные Горы* — горы, где берет свое начало река Темпус. Другое название Хребтов Мужества.

Стр. 281. ...культура аборигенов была и остается дендритической... — Дендритическая и додендритическая — термины, вымышенные автором. Судя по всему, своим названием древопоклонническая культура аннезийцев обязана ветвистой структуре дендритов.

Стр. 316. *Лиев* — анаграмма имени «Вейл». Постпостулат Лиева выступает противоположностью гипотезе Вейла, и если согласно Вейлу аборигены убили колонистов и заняли их места, то утверждение Лиева говорит о том, что на самом деле это люди истребили коренное население Сент-Анн.

Стр. 321. *Я подошел к нему и схватил кошку, чтобы показать, куда именно угодили мои выстрелы. Она извернулась и впилась зубами мне в руку.* — Этот укус — главный поворотный момент повести и последний момент, когда можно быть уверенным в том, что Марш это Марш. Существует две версии того, «как все было». Согласно расхожей теории, описанной Робертом Борски, мальчик впоследствии убивает Джона Марша и занимает его место (становится Джоном В. Маршем), однако в своем эссе «Доказывая гипотезу Вейла» Марк Арамини объясняет, что в действительности эта сцена аллегорически отражает концовку второй повести, и не мальчик

убивает Марша, а паразитическое Дитя Тени (та самая кошка) завладевает сознанием доктора, инфицируя его через укус.

Дети Тени являются носителями микроскопических паразитов, связывающих их в единую общность. Коллективное сознание Детей Тени способно ассимилировать близкую им личность (как произошло с Пескоходом и Виктором Р. Тренчардом), «сохраняя» в себе ее копию. Через укус Дети Тени «инъектируют» паразитов, посредством которых затем могут внедрять в укушенного свое сознание, в том числе могут подселить копию чьей-либо личности. Оригинальная личность в этом случае либо уже ассимилирована их коллективным сознанием, либо «погибает» от укуса.

Стр. 327. *Мой хозяин, маркиз Карабас, шлет тебе привет...* — Отсылка к знаменитой сказке Шарля Перро «Кот в сапогах» (франц. *Le Maître chat ou le chat botté*). В конце сказки кот маркиза Карабаса обманом вынуждает людоеда-оборотня превратиться в мышь, а затем съедает его.

БЛАГОДАРНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

Благодарю Алексея Гниденко (a.k.a. *alex2*) за то, что надоумил меня взяться за переводы. Забавно, как невинная просьба отвлечься на десять минут отвлекла меня на целых два года.

Благодарю Дмитрия Власова (a.k.a. *digit*) за помощь в редактуре и вычитке, за маниакальное внимание к деталям, дальние предложения и конструктивную критику.

Особая благодарность Марку Арамини, «обычному парню с ютуба», за участие и посильную помощь на протяжении всего периода работы над переводом.

И, конечно же, куда я без своей Амины, без которой этот перевод никогда бы не увидел свет. Спасибо за поддержку, веру в мои силы и дубину над головой в моменты, когда я был готов все бросить.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Пятая голова Цербера.....	7
«История» за авторством Джона В. Марша.	107
В.Р.Т.....	189
Примечания.....	335
Благодарности переводчика	362

*НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СУВЕНИР
НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ПРОДАЖИ*

Литературно-художественное издание

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Джин Вулф

ПЯТАЯ ГОЛОВА ЦЕРБЕРА

Фантастический роман

Подписано в печать 20.07.2017. Формат 84x108/32

Бумага офсетная. Печать цифровая. Тираж 20 экз.

Отпечатано с электронных носителей

Издательский центр «Урания»

Украина, г. Харьков

LV-426

GENE

WOLEF